

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ГЕНРИ ГУССО.

Houssaye, Henry 1848-1911

ЗНАМЕНИТЫЯ КУРТИЗАНКИ

ДРЕВНИХЪ ВѢКОВЪ.

(АСПАЗІЯ, КЛЕОПАТРА И ТЕОДОРА).

—*—*—

Издание журнала „КОЛОСЬЯ“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Паровая типо-литографія С. Муллеръ и И. Вогельманъ. Невскій, 148.

1891.

KF 16821

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 Августа 1891 года.

ЗНАМЕНИТЫЯ КУРТИЗАНКИ

ДРЕВНИХЪ ВѢКОВЪ *).

Аспазія, Клеопатра и Теодора составляютъ триаду великихъ женщинъ любви древняго міра. Мы старались изобразить знаменитую гетеру, царицу-куртизанку и куртизанку-императрицу среди обществъ и цивилизацій, которыя онѣ характеризуютъ и отражаютъ. Вмѣстѣ съ Аспазіей мы видимъ Аѳины въ полномъ расцвѣтѣ ихъ бессмертнаго генія и неограниченную свободу ихъ ревнивой, недовѣрчивой демократіи. Клеопатра соприкасается съ двумя мірами. По своимъ предкамъ, она принадлежитъ греко-египетскому міру Александріи, разслабленной богатствомъ, роскошью и распутствомъ и обреченной на гибель своею тщеславною и развратною царицей. Но, по своимъ любовникамъ, она принадлежитъ къ римскому міру, потерявшему свои древнія преимущества въ соприкосновеніи съ поработченными народами, но сохранившему, несмотря на свою испорченность и кровавыя драмы, гордость своего имени, непоколебимую твердость и неукротимую силу. Теодора—царица Византіи той эпохи, когда она находилась въ развитіи своего военного могущества, порядка

*) Henri Houssaye. *Aspasie, Cléopâtre, Théodora.*—Paris. 1891.

управленія и народнаго богатства; въ ту пору процвѣтаніе искусствъ маскировало еще зародыши разрушенія этой слишкомъ обширной имперіи, состоявшей притомъ изъ элементовъ разрозненныхъ, управляемой, подъ ширмою римскихъ законовъ, восточнымъ деспотизмомъ; народъ, въ ту эпоху увлекался единственно только скачками на ипподромѣ.

Каждая изъ этихъ трехъ женщинъ какъ-бы соотвѣтствуетъ извѣстному моменту въ развитіи цивилизаціи, имѣющей своимъ фокусомъ Аѳины—во время Перикла, Александрію и Римъ—въ эпоху Цезаря и Византию—въ царствованіе Юстиніана.

Авторъ.

I.

АСПАЗІЯ.

Самое имя Аспазія означаетъ любимая и ласкаетъ ухо, какъ эхо длиннаго поцѣлuya; оно вызываетъ въ нашей памяти воспоминаніе древняго міра въ его лучшей періодъ, въ эпоху лучезарнаго расцвѣта греческаго гѣнія. Аѳины въ V-мъ вѣкѣ представляются намъ блестящими, жизнерадостными, шумными, въ полномъ движеніи и работѣ.

... Вотъ на Акрополисѣ партія рабочихъ, подъ руководствомъ Иктина, Мнесикла и Калликрата, оканчиваютъ Пропилеи *) и принимаются за Эрехтейонъ. Фидій послѣдними взмахами рѣзца заканчиваетъ восточный фронтонъ Парѳенона, между тѣмъ какъ Полигнотъ и Пененосъ пишутъ фрески на портикѣ. Аплодисменты, крики удивленія, взрывы смѣха тридцати тысячъ зрителей раздаются въ театрѣ Вахха: тамъ идутъ трагедіи Софокла и Еврипила, даютъ комедіи Кратина и Ферократа. Въ Одеонѣ, архитектурическое расположеніе

*) Предхраміе.

котораго напоминает палатку Ксеркса и гдѣ балками служатъ мачты персидскихъ трехбаночныхъ галеръ, добытыхъ при Саламинѣ, въ Одеонѣ соревнованіе поэзіи съ музыкою чередуется съ публичными чтеніями Геродота, излагающаго первыя книги своей Исторіи... Вотъ отрядъ Гомлитовъ, возвращающихся съ маневровъ, встрѣчается на улицѣ Гермеса съ вереницею дѣвушекъ, идущихъ черпать очистительную воду въ фонтанъ Каллирхоэ.

Между тѣмъ какъ печальный кортежъ одного изъ послѣднихъ участниковъ Мараѳонской битвы направляется къ Дипильскимъ воротамъ, отрядъ молодыхъ людей, между которыми видны Аристофанъ, Фразибулъ, Кононъ, проходитъ вблизи Пританей: периполархъ, предводительствующій отрядомъ, подводитъ ихъ къ престолу Агролы для того, чтобы они принесли здѣсь гражданскую клятву.

... Агора *) еще нѣсколько минутъ тому назадъ была наполнена любопытными, которые останавливались передъ лавочками продавцевъ и на порогѣ, тамъ, гдѣ разсуждаетъ Сократъ и гдѣ обличаетъ Тимонъ. Теперь площадь пустынна. Послѣ провозглашенія герольда и приближенія стрѣлковъ, граждане бѣгутъ въ Пниксъ слушать Фукидида, сына Мелезія, и Перикла, сына Ксантиппа. Нѣсколько часовъ позже толпа тѣснится на набережныхъ Пирея; работающіе на верфяхъ прерываютъ свою работу, матросы коммерческихъ судовъ прекращаютъ выгрузку бурдюковъ съ хіосскимъ и лесбосскимъ винами, мало-азіатскихъ тканей, понтъ-эхинскаго дегтя, евбейской ржи; они прерываютъ нагрузку кожъ, глиняной посуды, духовъ, масла, меда и финиковъ. Они поднимаются на палубу, взбираются на веретено якорей... Но вотъ картина достойная того, чтобы ею залюбоваться: это—побѣдоносная эскадра, возвращающаяся въ военный портъ.

Наступаетъ вечеръ, солнце прячется за Эгалеюскою горою, бросая на горы Аттики красные и лиловые лучи. Группы рабовъ уходятъ изъ заводовъ и мастерскихъ. Протагоръ, Зе-

*) Базарная площадь

нонь, Дамонъ отпускають своихъ учениковъ; Антифонъ зажигаетъ лампу для ночной работы; астрономъ Метонъ начинаетъ свои наблюденія. Диктеріады держа во рту вѣточку мирты, показываются на порогѣ своихъ домовъ; молодые евпатрицы, защитники и игральщицы на флейтѣ нахлынули въ Керамикскіе сады. Алкивіадъ, голова котораго украшена фіалками и золотистыми кобылками, волочить по землѣ омофоръ и проходитъ черезъ середину агоры; онъ званъ на ужинъ, конецъ котораго предвидится къ восходу солнца. Перикль, привѣтствовавшій въ тотъ же день народъ въ Пниксѣ, председательствовалъ въ военномъ совѣтѣ, перерабатывалъ съ градоправителями и казначеями проектъ бюджета и теперь возвращается домой. Аспазія здѣсь: она ведетъ философскіе разговоры съ Анаксагоромъ, говоритъ о нравственныхъ вопросахъ съ Сократомъ, разсуждаетъ о политикѣ съ Харинсомъ, о гигиенѣ съ Гиппократомъ, объ эстетикѣ съ Фидіемъ. Перикль цѣлуетъ ее въ лобъ, какъ онъ дѣлаетъ каждый день: утромъ—уходя, и вечеромъ—возвращаясь домой.

Аспазія—„Юнона Перикла Олимпійца.“ Она царствуетъ въ Аеинахъ своею красотою и умомъ. Женскій теремъ она превращаетъ въ свѣтскую гостинную. Аспазія имѣетъ свой дворъ въ этой демократической странѣ; она пользуется полною свободою въ этомъ городѣ, законы и нравы котораго кажутся женщинамъ постоянною опеку; Аспазія заботится объ этой столицѣ, хотя сама она въ ней иностранка.

II.

Такова Аспазія въ воспоминаніи или, вѣрнѣе, такую она обрисовывается въ нашемъ воображеніи. Какъ только начать болѣе точно останавливаться на чертахъ этой женщины для того, чтобы перевести ее изъ области грёзъ въ сферу реальной жизни—она теряетъ свой колоритъ, блѣднѣетъ, исчезаетъ. Невѣрный портретъ скрываетъ идеальное видѣніе. Какъ

личность историческая, Аспазія побуждаетъ къ изслѣдованію, но не поддается анализу. Она остается въ неопредѣленности, и ее надо въ ней оставить, такъ какъ только тогда ее можно узнать. Всякое изслѣдованіе, въ которомъ старались-бы выяснитъ ея жизнь послѣдовательнымъ образомъ, опредѣлитъ ея характеръ, выяснитъ ея философскія и нравственныя воззрѣнія, всякое такое изслѣдованіе противорѣчило-бы истинѣ. Равнымъ образомъ нельзя опредѣлитъ родъ ея красоты. Преданіе не говоритъ объ этомъ ничего, и попытки живописи и скульптуры изобразить Аспазію, навѣрно, вполне неудачны. Всякому предоставляется право воображать себѣ Аспазію, какъ самую красивую изъ парѳянскихъ корзиноносицъ или какъ самую граціозную изъ женщинъ-вѣрницъ подземнаго кладбища въ Танагрѣ *).

Свидѣтельства, оставленныя древностью относительно Аспазіи, совершенно противорѣчатъ другъ другу. Если вѣрить приверженцамъ школы Комуса и ихъ толкователямъ, а частью и самому Плутарху, то Аспазія была простая гетера, немного болѣе интеллигентная, нѣсколько болѣе ученая, способная и слегка лицемѣрица, чѣмъ другія гетеры. Сначала она была куртизанкою въ Милетѣ, потомъ куртизанкою въ Мегарахъ, затѣмъ пришла въ Аѣны и познакомилась съ Перикломъ. Она обольстила его тѣми средствами, которыми обольщаютъ мужчинъ подобныя ей гетеры. „Распутство,

*) Бюсты Аспазіи въ Луврѣ и Берлинѣ далеко не достовѣрные. Бюстъ, находящійся въ Ватиканѣ,—въ духѣ греко-римскаго искусства и, вѣроятно, былъ сдѣланъ по заказу какого-либо богатаго римлянина для украшения своей библіотеки. Слава Аспазіи, какъ женщины-философа, подтверждается тѣмъ, что бюсты ея находятся среди бюстовъ Пизагора и Аятистена.

Гроновій, въ первомъ томѣ своихъ *Antiquités grecques* (стр. 83) даетъ другой псевдо-портретъ Аспазіи. Это камень, на которомъ представлена аѣнянка въ шлемѣ, съ надписью *Ασπασιον*. Но врядъ-ли какому-нибудь греку пришла бы мысль изобразить Аспазію аѣнянкою: что же касается надписи, то она обозначаетъ, вѣроятно, просто имя гравера, *Ασπασιος* или *Ασπασος*, о которомъ говорится у *Sillig'a* (*Catalog. Artific.* p. 100).

говорить поэтъ Крагинусъ,—создало для Перикла Юону-Аспазію, его защитницу съ глазами собаки“.

Когда Аспазія увидѣла, что начинаетъ стариться и стала опасаться, что начинаетъ прїѣдаться Периклу, она занялась старымъ ремесломъ. Она приглашала въ свой домъ куртизанокъ, свободныхъ и рабынь и даже замужнихъ женщинъ для того, чтобы познакомить ихъ съ своимъ другомъ. Своею любовью Аспазія приобрѣла неограниченную власть надъ Перикломъ, разорила его незамѣтно для него самого, посоветовала ему предпринять двѣ войны и заставила его пожертвовать благомъ государства и покоемъ Греціи для частныхъ интересовъ и личной вражды.

Согласно другимъ свидѣтельствамъ, указываемымъ и распространеннымъ новѣйшими защитниками Аспазіи, эта знаменитая женщина сосредоточивала въ себѣ самыя рѣдкія достоинства. Ея невинность выше всякихъ подозрѣній, и къ классу куртизанокъ ее относятъ только вслѣдствіе ея оригинальности. Съ Гнаѳеной и Лайсою она не имѣетъ ничего общаго. Она—поэтъ, философъ, ораторъ, государственный человѣкъ. Изъ Милета въ Аѣны она пришла со специальною цѣлью преподавать искусство мыслить и краснорѣчиво говорить. Аспазія была для Перикла не столько любовницей, сколько наставницей. Она преподавала ему политику и ораторское искусство такъ же, какъ она Сократа учила діалектикѣ. Не будь несравненной Аспазіи, Сократъ не умѣлъ-бы размышлять, а Периклъ не былъ-бы въ состояніи говорить и управлять государствомъ. Прекрасная мрачная рѣчь, сказанная Перикломъ во второй годъ Пелопонезской войны, была сочинена Аспазіей. Съ высокими достоинствами человѣка Аспазія совмѣщаетъ всѣ добродѣтели женщины. Она умна, расчетлива, дѣятельна, послушна. Она научаетъ жену Ксенофонта обязанностямъ супруги, она объясняетъ женѣ Искомакоса, какимъ образомъ слѣдуетъ вести хозяйство, для каждой посѣтительницы у нея есть хорошій совѣтъ и урокъ нравственности, она служитъ образцомъ для аѣнскихъ матронъ.

Очевидно, приверженцы обоихъ воззрѣній на Аспазію хва-

таютъ черезъ край. Но есть доля правды и въ ѣдкой критикѣ Комаковъ, и въ панегирикахъ ея защитниковъ. Аспазію можно помѣстить въ разрядъ женщинъ философовъ, но по этой причинѣ она нисколько не исключается изъ среды куртизанокъ.

III.

Милеть, гдѣ родилась Аспазія, отцомъ которой былъ нѣкій Аксіокось, былъ одинъ изъ цвѣтущихъ прибрежныхъ іонійскихъ городовъ. Слава его была основана на прошлыхъ военныхъ удачахъ; промышленность и торговля составляли его богатство; а богатство имѣло слѣдствіемъ распущенность нравовъ Милета. Будучи отечествомъ Фалеса, Анаксимандра и Анаксимена, городъ этотъ также былъ знаменитъ своимъ обиліемъ куртизанокъ, какъ и философовъ. Милеть былъ для Іоніи въ одно и то же время и Коринѳомъ, и Аѣнами; онъ былъ лучшею школою для Аспазіи, гетеры-философа. Въ Милетѣ Аспазія вела жизнь куртизанки благоразумнаго поведения и по виду неприступной. На Аспазію дѣйствовалъ примѣръ Фаргелии, у которой было четырнадцать любовниковъ, градоначальниковъ, и умершей женой тирана въ Фессалии; поэтому Аспазія дарила своими ласками только первыхъ гражданъ.

Но по какимъ причинамъ и при какихъ обстоятельствахъ Аспазія пришла въ Аѣины? Въ какомъ году и сколькихъ лѣтъ отъ роду прибыла она туда? Чтобы отвѣтить на эти вопросы недостаетъ документовъ, и критика не можетъ помышлять отвѣтить на нихъ. Можно только утверждать, что Аспазія поселилась въ Аѣинахъ раньше LXXXV олимпіады (440 — 437 до Рожд. Христ.), въ каковую эпоху уже началась ея связь съ Перикломъ. Слѣдуя Плутарху, читавшему сократики и, быть можетъ, придававшему черезъ-чуръ большое значеніе ихъ увѣреніямъ, Перикль былъ обольщенъ знаніями и умомъ Аспазіи. Не сомнѣваясь въ интеллектуальныхъ досто-

инствахъ этой знаменитой женщины, все же можно думать, что Перикль былъ не менѣе плѣнень и ея красотой, и любовью. Аѳинянинъ сначала взялъ Аспазію себѣ въ любовницы, затѣмъ, разведясь со своей женою по взаимному согласію, онъ ввелъ Аспазію къ себѣ въ домъ и открыто жилъ съ нею.

Слѣдуетъ-ли вѣрить современнымъ защитникамъ Аспазіи, что Перикль женился на милетской гетерѣ? Фактъ этотъ, по меньшей мѣрѣ, невѣроятенъ. Въ Аѳинахъ всякій гражданинъ имѣлъ полную свободу жить съ οποю куртизанкою, какова бы она не была. Но законъ воспрещалъ ему формально жениться на иностранкѣ. Онъ могъ сдѣлать это только на основаніи ложнаго свидѣтельства, такъ какъ передъ религіозной церемоніей онъ долженъ былъ выполнить формальность предписанную закономъ (εγγύη). Если позже было признано, что показаніе на судѣ, записанное публичнымъ актуаріусомъ, было ложно, оба супруга разсматривались какъ соучастники и рисковали быть привлеченными передъ дикастеріонъ. Законъ полагалъ строгія кары: жена продавалась въ рабство, мужъ платилъ большой штрафъ и терялъ гражданскія права; дѣти объявлялись незаконорожденными и лишались названія аѳинянъ. Не мало людей темнаго происхожденія съ успѣхомъ пользовалось ложными свидѣтельствами и обманывало правительственныхъ актуаріусовъ относительно національности своей невѣсты, и если они не вмѣшивались въ политическую борьбу, то имъ впослѣдствіи нечего было особенно бояться справокъ. Но это было невозможно для такихъ извѣстныхъ людей, какъ Перикль и Аспазія. Если даже Перикль и имѣлъ бы твердость рѣшиться дать ложное показаніе, то онъ не захотѣлъ бы сдѣлать этого. Какъ глава партіи, онъ постоянно могъ ожидать нападеній и всевозможныхъ махинацій со стороны своихъ политическихъ враговъ. Въ этомъ городѣ, гдѣ не было публичнаго заступничества, всякій гражданинъ могъ затѣять съ другимъ судебное дѣло, поэтому ясно, какое сильное оружіе противъ себя далъ бы Перикль въ руки своимъ противникамъ этимъ запрещеннымъ бракомъ!

Если Аспазія не была удостоена чести соединиться съ Перикломъ бракомъ, то, въ вознагражденіе за это, она пользовалась такою свободою, какою не пользовалась ни одна афинянка.

Не подлежитъ сомнѣнію, что предположеніе, имѣющее до сихъ поръ приверженцевъ, будто въ Афинахъ женщина терпѣла унижительное рабство, совершенно неосновательно. У себя дома она была полною хозяйкою. Мужъ считаль-бы смѣшнымъ вмѣшиваться въ подробности хозяйства. Ксенофонтъ въ своемъ сочиненіи „Экономія“ говоритъ, что дѣло мужа зарабатывать деньги, а дѣло жены тратить ихъ. Далѣе онъ сравниваетъ жену съ царицею пчель: „она остается въ ульѣ и посылаетъ пчель на работу. Она принимаетъ то, что пчелы приносятъ ей, и сохраняетъ провизію до того времени, когда она понадобится. Она руководитъ постройкою ячеекъ, она заботится о томъ, чтобы былъ накормленъ новый рой“. Женщина управляетъ домомъ: она распредѣляетъ уроки служанкамъ, раздаетъ приказанія рабынямъ, заботится о кухнѣ, подвалахъ и булочной, она посылаетъ за провизіей, затѣмъ выдаетъ ее и приводитъ въ порядокъ. У нея сохраняется ключъ отъ комнаты, гдѣ хранятся всѣ драгоценности, вазы и металлическія чаши, дорогія праздничныя одежды, золотыя вещи, драгоценныя камни и деньги. Обычай запрещаетъ ей самой кормить дѣтей, но она нянчится съ ними, играетъ и цѣлуетъ постоянно. Затѣмъ она руководитъ первымъ воспитаніемъ мальчиковъ и полнымъ воспитаніемъ дочерей. Кромѣ того, афинянка занимается своимъ туалетомъ, требующимъ много времени по своей сложности: она нѣсколько разъ въ день купается, душится благовонными косметиками, смачиваетъ волосы въ эссенціи, пудритъ ихъ золотою пудрою, бѣлитъ и румянитъ щеки и губы, подводитъ брови и рѣсницы. Время, остающееся у нея отъ занятія хозяйствомъ, туалетомъ, отъ попеченія о дѣтяхъ, птицахъ, собакахъ, она проводитъ въ прогулкахъ, поѣздкахъ и визитахъ къ подругамъ.

Во время религіозныхъ праздниковъ, столь частыхъ въ Атикѣ, афинянки пользуются многочисленными и разнообраз-

ными развлеченіями. То онѣ слушаютъ въ театрѣ Вакха трагедіи Эсхила или Софокла, то онѣ, въ роскошныхъ нарядахъ, поднимаются въ богатыхъ кортежахъ на Парѣонъ по Пропилейскому подъему. Во время празднествъ въ честь Вакха онѣ отправляются переодѣтыя, верхомъ на ослахъ въ лѣса и долины окрестностей Аѣинъ. Во время Стенисовъ онѣ на улицахъ и площадяхъ предаются шуткамъ и комическому злословію. Во время Ѳесмосфорій, онѣ исполняютъ въ теченіи двухъ дней религіозные обряды таинственнаго храма Деметры, куда входъ мужчинамъ воспрещенъ. Во время Ѳаргелій, Адониса, и Элевзиса имѣются другія церемоніи и зрѣлища: процессіи, соревнованіе пѣвцовъ, народныя игры, ристаніе съ факелами, туманныя картины.

Итакъ женщины не были ни рабынями, ни затворницами; онѣ только жили внѣ общества мужчинъ. Кромѣ мужа и самыхъ близкихъ родственниковъ, никто не переступалъ порога женскаго терема. Женщины давали пиры въ своемъ кругу; когда же мужъ принималъ и угощалъ своихъ друзей, то жена уходила на свою половину. Одинъ фактъ, что женщина присутствовала на пиршествѣ мужчинъ, навсегда испортилъ-бы ея репутацію. Для того, чтобы доказать присяжнымъ, что Нѣра—куртизанка, Демосѣенъ говоритъ только: „Она ужинала и пила вмѣстѣ со Стефаносомъ (ея мужемъ) и его друзьями, какъ настоящая куртизанка“. Такимъ образомъ, свѣтскія отношенія, обѣды и собранія, гдѣ встрѣчаются мыслители съ любезными женщинами, представляющіе одну изъ привлекательныхъ сторонъ нынѣшней жизни, въ Аѣинахъ не существовали. Аѣиняне вознаграждали себя въ этомъ отношеніи съ куртизанками, которыхъ обычаи нисколько не стѣсняли.

Мужчины довольствовались ихъ красотою и веселостію, и законы до нихъ, такъ сказать, не касались, такъ какъ онѣ, какъ иностранки, были внѣ закона. Гетера могла жить и поступать, какъ ей было угодно, если только она платила налогъ — метайхіонъ, какъ иностранка, и налогъ — парнихонъ, какъ куртизанка; если она не оскорбляла порядковъ столицы, не противодѣйствовала полицейскимъ уставамъ, если она не

дѣлала скандаловъ въ храмахъ и не присоединялась къ толпѣ женщинъ и дѣвушекъ во время народныхъ церемоній. Она могла идти, куда ей вздумается, выходила изъ дома, когда ей нравилось, могла обогащаться, какъ умѣла, и, если хотѣла, могла разоряться.

Начиная отъ гетеръ, владѣвшихъ домами, рабами, драгоценностями, жертвовавшихъ деньгами на банки и фабрики и распоряжавшихся цѣлою свитою поклонниковъ, и кончая ничтожною рабыню, принадлежащей къ кастѣ диктеріадъ, всѣхъ куртизанокъ обязательно приглашали на пиршества, гдѣ онѣ веселили гостей своими бесѣдами и пѣснями. Многія изъ нихъ отличались веселымъ остроуміемъ и живымъ нравомъ. Если бы кто-нибудь пожелалъ составить сборникъ древне-греческихъ эпиграммъ, то ему пришлось бы столько же взять отъ Гликеріи и Каллистіоны, какъ отъ Діогена и Аркезила, отъ куртизанокъ столько же, какъ и отъ философовъ. Но умъ всѣхъ куртизанокъ былъ одностороненъ. Съ ними чаще всего случалось, что веселый разговоръ становился наглымъ. У этихъ женщинъ не только не доставало сдержанности, у нихъ не было и умѣнія хранить тайны. Въ такомъ обществѣ было опасно говорить о политикѣ и не было никакой возможности долго вести серіозные разговоры. Это было хорошо для молодыхъ людей, а также для Сократа, умѣвшаго вездѣ приспособиться; но такіе дѣятели, какъ Перикль, Анаксагоръ, Дамонъ, Фидіасъ, не могли находить продолжительнаго удовольствія въ обществѣ этихъ болтливыхъ флейтистокъ. Аспазія находилась въ условіяхъ совершенно исключительныхъ: толпа аѣнианъ признавала ее любовницей Перикла, друзья же великаго оратора уважали ее даже, какъ законную жену его. Она въ одно и то же время пользовалась свободою куртизанки и почетомъ супруги. Она могла принимать приближенныхъ Перикла, что признавалось для аѣнианки преступленіемъ; они находили въ Аспазіи собесѣдницу, способную ихъ выслушать и отвѣчать имъ, что не было дѣломъ куртизанки. Такимъ-то образомъ объясняютъ совершенно своеобразную роль Аспазіи въ Аѣнахъ, ея значеніе у философовъ и сильную,

нѣжную любовь, которую она внушила Периклу. Первая и единственная, быть можетъ, изъ аѳинскихъ женщинъ, она подерживала любезное и благородное обращеніе съ выдающимися дѣятелями. Сократъ, Анаксагоръ и Фидій считали ее интеллигентнымъ и искреннимъ другомъ. Для Перикла она была любовницей и женою, усладою жизни, очарованіемъ домашняго очага; онъ совѣтовался съ нею каждый день, какъ съ вѣрнымъ другомъ; слова ея согрѣвали, любовь утѣшала и нѣжность успокаивала.

IV.

Нельзя управлять республикою болѣе двадцати лѣтъ безъ того, чтобы не стать мишенью всевозможныхъ наговоровъ и не терпѣть всякихъ обидъ, оскорбленій. Ораторы Собранія оспаривали государственныя распоряженія Перикла, а на частную жизнь его нападали зачинщики агоры и комическіе поэты, эти журналисты и памфлетисты того времени. Его связь съ Аспазіей была неистощимою темою оскорбительныхъ шутокъ и насмѣшекъ. Аспазію называли Герою новаго Олимпійца, Омфаліей и Деянирою новаго Геркулеса. Аспазію обвиняли въ томъ, что она изъ дома Перикла, царя сатировъ, какъ называлъ его Гермиппа, устроила настоящій диктеріонъ, наполненный куртизанками всѣхъ сортовъ и даже замуженными аѳинянками, которыя своими любезностями, одолженіями старались обезпечить политическую карьеру своихъ мужей. Судя по народной молвѣ, жена Мениппоса выхлопотала для своего мужа такимъ образомъ постъ полководца. Аспазія была злымъ гениемъ Перикла, она внушала ему неосторожную политику и произволь власти. Ему приписывали расхищеніе казны союзниковъ, а также значительные расходы, которыми Периклъ обременялъ бюджетъ столицы для того, чтобы давать работу своимъ друзьямъ, какъ, напримѣръ, Фидію, наконецъ, его nepотизмъ и вниманіе къ своимъ приближеннымъ, Пирилампосу, Хариносу и Мениппосу. (Послѣдній, вопреки принципамъ аѳин-

ской демократіи, занималъ пять или шесть должностей). Утверждали, что Периклъ подчиняется всѣмъ желаніямъ Аспазіи, что онъ готовъ пожертвовать для нея славой и благоденствіемъ Аѳинъ; намекали на то, что, благодаря ея наущеніямъ, онъ мечталъ о тираніи.

Въ 440 году между самосцами и милетцами возникла распря по поводу небольшого приморскаго азіятскаго города, Пріэны, на который имѣли притязаніе самосцы. Воспослѣдовала короткая война, и милетцы были разбиты. Самось и Милеть оба признали гегемонію Аѳинъ. Милетцы подали свои жалобы въ Аѳины, гдѣ рѣшили, ничего не предвидя, чтобы оба города послали своихъ пословъ для того, чтобы споръ былъ разобранъ на собраніи въ Пниксѣ; самосцы не хотѣли подчиниться этому и, утверждая, что въ посредничествѣ Аѳинъ имѣло мѣсто злоупотребленіе властью, объявили себѣ независимыми.

Аѳиняне не могли спокойно перенести этого отпаденія, въ которомъ не безъ основанія усматривали интриги Персіи. Подъ вліяніемъ Перикла или другого оратора его партіи, сейчасъ же было снаряжено большое войско, предводительство надъ которымъ принялъ на себя самъ Периклъ. Говорятъ — хотя это совсѣмъ не доказано — будто Аспазія сопровождала его въ этомъ походѣ, вмѣстѣ съ цѣлымъ кортежемъ куртизанокъ, извлекимъ изъ того не мало выгоды, такъ какъ осада длилась девять мѣсяцевъ. Послѣ упорной защиты и кровопролитныхъ схватокъ, Самось сдался на капитуляцію. Самосцы должны были уничтожить, срыть свои укрѣпленія, выдать свой военный флотъ и заплатить контрибуціи тысячу талантовъ (около шести милліоновъ франковъ).

Походъ противъ Самоса былъ необходимъ и справедливъ. Аѳины, извлекавшія значительные доходы отъ городовъ, подписавшихъ договоръ Аристида, должны были держать своихъ данниковъ въ повиновеніи. Если-бы возстаніе Самоса осталось безнаказаннымъ, то произошло бы возмущеніе другихъ городовъ. Эта война упрочила славу и могущество Аѳинъ, притомъ она ничего не стоила казнѣ, вслѣдствіе громадной кон-

трибуціи, заплоченной самосцами. Но не мало гражданъ пало подъ стѣнами Самоса, и не скоро изсыкли слезы несчастныхъ матерей. Въ народѣ говорили, что этой войны не было бы, если Перикль не послушался вѣрушеній Аспазіи и не настоялъ на ней. Такъ какъ Аспазія происходила изъ Милета, то ходилъ слухъ, будто Перикль дѣйствовалъ, только слѣдуя совѣтамъ своей любовницы, хлопотавшей при этомъ въ интересахъ своего родного города и въ то же время желавшей дать знать о своемъ могуществѣ въ Аѣинахъ. Прошло нѣсколько лѣтъ, и наступилъ день, когда оскорбленія комической сцены, клеветы Агоры и запальчивыя требованія трибуны уже казались недостаточными для враговъ Перикла. Они задумали начать противъ него процессъ, нападая на его государственную дѣятельность. Но великій государственный человѣкъ пользовался еще большою популярностью! Вслѣдствіе неявки Перикла на судъ, недовольные вздумали чернить его лучшихъ друзей. Для зачинщиковъ оппозиціи это было удобнымъ способомъ испытать свои силы и въ то же время лишить уваженія Перикла; это былъ первый толчекъ, данный его репутаціи въ глазахъ народа. Начали съ того, что предали остракизму стараго Дамона, бывшаго учителя Перикла, оставшагося другомъ послѣдняго. Говорили, что подъ видомъ уроковъ музыки онъ преподавалъ политику. Слышали, будто онъ неоднократно высказывалъ мнѣніе, что лучшій образъ правленія есть тиранія въ рукахъ просвѣщеннаго человѣка. Дамонъ былъ преданъ изгнанію. Вскорѣ послѣ того (въ послѣднихъ мѣсяцахъ 433 и въ первыхъ 432 года) противники Перикла, ободренные этимъ первымъ успѣхомъ, условились, чтобы въ то же время Фидій, Анаксагоръ и Аспазія были привлечены передъ судомъ геліастовъ. Фидіаса обвинили въ расхищеніи. Подкупленный нѣсколькими врагами Перикла, одинъ изъ учениковъ знаменитаго скульптора предсталъ члѣбитчикомъ предъ престоломъ Агоры. Этотъ человѣкъ, по имени Менонъ, просилъ обезпечить его относительно послѣдствій процесса, который онъ затѣялъ противъ Фидіаса.

Когда, наконецъ, народъ выдалъ Менону желаемую льготу,

то злодѣи обвинилъ своего учителя въ томъ, будто онъ похитилъ часть золота, выданнаго ему казначеями богини для того, чтобы употребить его для статуи аѳинской хризелефантины. Фидіасу было, однако, не трудно оправдаться передъ дикастеріономъ, такъ какъ одежды богини были имъ сдѣланы такимъ образомъ, что можно было снять все золото, не разрушая самой мраморной статуи, и взвѣсить его. Эта мысль была дана скульптору Перикломъ, который не довѣрялъ, вѣроятно, подозрительному характеру аѳинянь; а быть можетъ, онъ желалъ также, чтобы эта масса золота (сорокъ талантовъ золота, болѣе двухъ милліоновъ франковъ) могла въ затруднительномъ случаѣ служить на расходы войны. Фидіасъ былъ оправданъ. Но нетерпѣливые враги начали противъ него новый процессъ по поводу двухъ другихъ обвиненій. Онъ сдѣлалъ свой портретъ на оградѣ Аѳинъ: это признали святотатствомъ. Онъ принималъ Перикла въ своей мастерской въ то время, когда тамъ находились женщины, натурщицы и посѣлительницы: это признали. Во время разбирательства этого второго процесса, Фидіасъ, больной и убитый горемъ, скончался въ тюрьмѣ.

Анаксагоръ былъ преданъ суду за беззаконіе (*ὑραφὴ ἀσεβείας*). До этой эпохи трибуналы, казалось, имѣли дѣло съ обыкновеннымъ святотатствомъ, какъ то: публичное оскорбленіе боговъ, профанация храмовъ и божественныхъ картинъ, скандалы во время празднествъ, оскверненіе святынь, глумленіе надъ обрядами (религіозными).

Но число философовъ и софистовъ въ Аѳинахъ увеличилось, и ораторъ Діофитъ предложилъ поэтому предписать законъ, по которому въ святотатствѣ обвиняли тѣхъ, которые не вѣрили національнымъ богамъ и занимались наблюденіями небесныхъ явленій. Этотъ законъ инквизиторскаго характера клеймилъ всѣхъ мыслителей; но онъ былъ принципиально направленъ противъ друзей Перикла, а значить, и противъ него самаго. Надѣялись возбудить противъ него подобный же процессъ, когда его приближенные уже будутъ осуждены по закону. Анаксагоръ открыто училъ, что солнце есть огненная

масса, луна—обитаемая планета, громъ происходитъ отъ столкновения облаковъ и другимъ подобнымъ-же беззаконіямъ. Анаксагоръ скрылся отъ суда. По совѣту Перикла, который опасаясь, что другу его вынесутъ смертнѣйшій приговоръ, онъ поспѣшно покинулъ Аѣины. Гелія осудила его заочно.

Аспазію, какъ и Анаксагора, обвинили въ беззаконіи: ея взгляды противорѣчили вѣрованіямъ страны. Подобно Фидію ее обвинили въ потворствѣ разврату: говорили, будто она собирала у себя куртизанокъ и замужнихъ женщинъ и препровождала ихъ въ распоряженіе Перикла.

Какія доказательства имѣлъ поэтъ Гермиппъ, возбудившій процессъ противъ Аспазіи, въ пользу ея виновности? Первымъ долгомъ онъ ссылался на свидѣтельства одного раба, слышавшаго, будто Аспазія спорила и шутила по поводу нѣкоторыхъ религіозныхъ преданій; безъ сомнѣнія, онъ не забылъ указать и на то, что Аспазія, будучи въ дружескихъ отношеніяхъ съ философами, обязательно должна была раздѣлять ихъ воззрѣнія. Во-вторыхъ, Гермиппъ воспользовался, вѣроятно, преувеличиваніемъ и пересудами Агоры. Эти клеветы — мы думаемъ, что это были именно клеветы — все же казались весьма правдоподобными. Аѣиняне больше не позволяли своимъ законнымъ женамъ посѣщать гетеръ: принимая у себя женъ гражданъ, Аспазія подверглась тяжелымъ подозрѣніямъ. Какъ-бы то ни было, а Аспазія находилась въ большой опасности. За каждый изъ двухъ проступковъ, въ которыхъ ее обвиняли и которые, по аѣинскимъ законамъ, признавались преступленіями, она подлежала смертной казни. Аспазія могла спастись бѣгствомъ, не ожидая судебного приговора. Нѣтъ сомнѣнія, что Периклъ слишкомъ искренно любилъ свою любовницу, чтобы забыть предложить ей послѣдовать примѣру Анаксагора. Но Аспазія понимала, что покинуть Аѣины и быть судимою заочно по неявкѣ, это значило вызвать приговоръ навѣрняка, это значило разстаться съ Перикломъ. И въ это-то время несчастный Периклъ больше всего нуждался въ утѣшеніи Аспазіи.

Онъ чувствовалъ, что общественное мнѣніе было противъ

него, у него отняли лучших друзей, наконец, ожесточенные враги его собирались затѣять противъ него процессъ, въ которомъ его обвиняли въ расхищеніи государственной казны, взяточничествѣ и несправедливости. Аспазія держала себя мужественно передъ судьями (дикастами). Можно было предположить, что Перикль возьмется давать за нее показанія, такъ какъ; по закону, женщина не имѣла права сама защищаться на судѣ. Во всякомъ случаѣ, Перикль вмѣшался въ судебное разбирательство и упрасивалъ судей, не стыдась показывать своихъ слезъ. Судъ оправдалъ Аспазію.

V.

Вліянію Аспазіи приписывали войну съ Самосомъ; ему же надо приписать и Пелопонесскую войну. Въ 432 году Перикль, подъ предлогомъ важныхъ убытковъ, заставилъ вотировать декретъ, по которому мегарійцы предавались изгнанію изъ половины Греціи.

Рынки—Аеинъ и подданныхъ городовъ для нихъ должны были быть закрыты; всякій мегаріецъ, застигнутый на территории Аттики, подвергался смертной казни; полководцы, вступая въ свою должность, должны были давать клятву въ томъ, что два раза въ годъ будутъ идти разорять Мегариду. Этотъ декретъ имѣлъ самыя тяжелыя послѣдствія, такъ какъ, если строго говоря, онъ не былъ причиною, то, во всякомъ случаѣ,—поводомъ къ Пелопонесской войнѣ. Дѣйствительно, вотъ что рассказывали враги Перикла: „Мегарійцы пришли для того, чтобы похитить двухъ куртизанокъ, которыхъ Аспазія держитъ въ своемъ домѣ. Аспазія прогнѣвалась, Перикль Олимпійскій мечетъ молніи, и война загорѣлась!!

Кромѣ того, что этотъ анекдотъ самъ по себѣ кажется неправдоподобнымъ, такія важныя происшествія не могли произойти отъ такихъ пустыхъ причинъ. Безъ сомнѣнія, единственныя жалобы, возведенныя на мегарійцевъ, и состояли въ томъ, что они принимали бѣглыхъ рабовъ и что они присво-

или территорію, принадлежащую Большимъ Богинямъ Елевзиса.

Эти причины не могли мотивировать строгости декрета; но это были только одни поводы. Въ теченіи многихъ лѣтъ уже готовилась беспощадная, фатальная война между Аѣинами и Спартою. Миръ, заключенный съ Корсиріей, въ 433 году, раздражалъ коринѣянъ и безпокоилъ Спарту. Чтобы отомстить за поддержку, оказанную корсиріянамъ, коринѣяне возмутили Потидею, городъ, подданный Аѣинамъ. Въ отместку за это аѣиняне послали декретъ противъ мегарійцевъ, вѣрныхъ союзниковъ Коринѣа.

Эти важныя событія наступили почти тотчасъ послѣ трехъ процессовъ Фидія, Анаксагора и Аспазіи и въ тотъ моментъ, когда противъ Перикла самого былъ возбужденъ процессъ по сдачѣ отчетовъ. Совпаденіе, бывшее въ самомъ дѣлѣ злосчастнымъ, не могло остаться незамѣченнымъ. Такимъ образомъ, у народа образовалось другое подозрѣніе, будто Периклъ вызвалъ враждебныя дѣйствія, чтобы поддержать свою власть, становясь необходимымъ. По всей вѣроятности, однако, между этими процессами и декретомъ противъ мегарійцевъ было скорѣе случайное совпаденіе, чѣмъ какое-либо соотношеніе. Тѣмъ не менѣе, существуетъ сомнѣніе, и его можно принять, что съ одной стороны затруднительное положеніе, въ которомъ находился Периклъ, съ другой стороны, чувство вполне извинительное, хотя и эгоистическое, повліяли на его поведеніе. Периклу было уже шестьдесятъ-пять лѣтъ, и война казалась ему неизбѣжною рано или поздно: не было ли бы для аѣинянъ лучше, чтобы она наступила еще при его жизни? Великіе люди, естественно, склонны отождествлять свои личные интересы съ интересами общественными.

Война началась. Сначала успѣхъ находился на сторонѣ аѣинянъ. Они осадили Потидею, заняли Эгину и Платею, взяли Празію у лакедемонянъ, отбросили пелопонесскій флотъ рзъ водъ Кефалоніи, захватили Мегариду, опустошили беиега Арголиды, Лаконіи и Мессеніи, но эти успѣхи на окраинахъ не вознаградили бѣдствій, которыя разразились надъ

Аѳинянами. Два раза Лакадемоняне вступали въ Аттику, принуждая жителей искать защиты за стѣнами столицы. Ихъ жилища, земли, ихъ серебряные рудники были оставлены на разореніе непріятели, сами же жители кочевали по площадямъ, вокругъ храмовъ, между длинными стѣнами. Внезапно, въ этомъ скученномъ на небольшомъ пространствѣ и уже ослабленномъ болѣзнями населеніи, разразилась чума съ неслыханною силою. Масса народа умерла при этомъ. Ни сожженія труповъ, ни погребенія не было достаточно: улицы были загромождены трупами.

Эта страшная эпидемія, наводненіе Аттики Пелопонессцами, опустошенія, ими производимыя, всѣ эти бѣдствія, соединенныя съ перспективою продолжительной войны, возбудили общее негодованіе противъ Перикла. Этимъ пользовались его политическіе враги. Процессъ по сдачѣ отчетовъ, который былъ возбужденъ противъ него нѣсколько времени ранѣе, во время процесса Аспазіи, и пріостановленъ по случаю начала войны, въ 430 году былъ возобновленъ демагогомъ Клеономъ. Периклъ долженъ былъ предстать предъ дикастами. Признанный виновнымъ, онъ былъ приговоренъ къ штрафу въ восемьдесятъ талантовъ и отставленъ отъ своей должности полководца, въ которую его выбирали ежегодно въ теченіи уже тридцати лѣтъ (для славы Аѳинъ).

Тяжелый ударъ постигъ Перикла: не только въ его политической, но и въ частной жизни, онъ былъ не менѣе чувствительнымъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней умерло отъ чумы нѣсколько его друзей, сестра и его родные сыновья, Ксантиппъ и Париль. Когда Периклъ, перенесшій всѣ эти испытанія съ твердостью, положилъ погребальный вѣнокъ на голову Парила, онъ не могъ болѣе совладать съ своимъ горемъ. Разражаясь рыданіями, съ лицомъ, мокрымъ отъ слезъ, онъ упалъ, уничтоженный, около трупа своего послѣдняго сына.

Одинъ годъ послѣ его изгнанія, аѳиняне, отличавшіеся своею необычайною измѣнчивостью въ рѣшеніяхъ, вернули Периклу его прежнюю власть. Они сдѣлали даже болѣе; они ему вернули сына, обходя этимъ законъ о незаконнорожден-

ныхъ дѣтяхъ; сына этого Перикль имѣлъ отъ Аспазіи. Онъ могъ его признать и его могли записать, какъ аѳинянина, на общественныхъ записяхъ. Этотъ сынъ, носившій имя Перикла, въ 406 году былъ назначенъ полководцемъ. Будучи побѣдителемъ лакедемонянъ во время сраженія при Аргинусѣ, онъ раздѣлилъ участь пяти другихъ полководцевъ, командовавшихъ вмѣстѣ съ нимъ во время Эолидскаго похода. Аѳиняне чествовали ихъ за побѣду, но приговорили къ смертной казни за то, что послѣ сраженія они не позаботились оказать помощь раненымъ и потерпѣвшимъ кораблекрушеніе. Въ собраніи въ Пниксѣ, которое за нарушеніе закона, производило судъ надъ полководцами, Сократъ, одинъ изъ старѣйшихъ друзей Перикла, и Аспазія, были единственныя лица, протестовавшія противъ обвинительнаго приговора. Перикль умеръ отъ медленной лихорадки, нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ ему вернули власть, около середины 429 года. Если вѣрить философу Эсхину, Аспазія сдѣлалась тогда содержанкою богатаго купца, скотника по имени Лизикла, который благодаря ей, будучи простымъ мужикомъ, занялъ мѣсто среди первыхъ дѣятелей республики.

Фукидидъ и Аристофанъ дѣйствительно приводятъ какого-то Лизикла, продавца барановъ, избраннаго въ 428 году полководцемъ; онъ былъ убитъ непріателемъ въ концѣ того же года, значить, черезъ восемнадцать мѣсяцевъ по смерти Перикла. Итакъ, Аспазія очень скоро забыла человѣка, бывшаго ей мужемъ, и, съ другой стороны, ей нужно было очень мало времени для того, чтобы покончить политическое образованіе Лизикла! Но такъ какъ эта связь ея съ Лизикломъ представляется крайне сомнительною, то можно не вѣрить въ нее и думать, что Аспазія осталась вѣрною памяти великаго аѳинянина.

Такимъ образомъ, Аспазія не имѣетъ, собственно говоря, исторіи; но про нее существуетъ легенда, и эта легенда ее ставитъ выше, чѣмъ могла поставить ее исторія. Послѣдователи Сократа сдѣлали изъ Аспазіи личность идеальную. Въ памяти людей она остается музою вѣка Перикла.

КЛЕОПАТРА.

Просуществовавъ сорокъ или пятьдесятъ вѣковъ, Египеть умиралъ на глазахъ у римскаго народа. Греческая династія, давшая странѣ новую силу и блескъ возрожденія, была истощена развратомъ, преступленіями и междоусобными войнами. Она держалась только милостью Рима, покупая высокою цѣною его покровительство. Освобожденные почти отъ всякаго рода военной службы, благодаря наемникамъ эллинскимъ и гальскимъ, египтяне совершенно потеряли привычку владѣть оружіемъ. Они испытали столько нашествій и вынесли столько иностранныхъ владычествъ, что отечество у нихъ сосредоточилось только въ религіи и предкахъ. Эти народы, рожденные рабами и привыкшіе ко всякому деспотизму—управлялись-ли они царемъ греческимъ, или римскимъ проконсуломъ—не отдали-бы за это ни однимъ колосомъ ржи меньше и не получили-бы ни однимъ ударомъ палки больше.

Слава Египта была помрачена, и могущество пало. У него оставалось только его удивительное богатство, развившееся благодаря земледѣлію, промышленности и торговли. Египеть снабжалъ хлѣбомъ Грецію и Малую Азію; хлѣбъ хранился въ неисчерпаемыхъ амбарахъ, куда поступалъ изъ Средиземнаго бассейна. Но плодородная долина Нила, — „такая плодородная, говоритъ Геродотъ, что ее нѣтъ надобности вспахивать плугомъ“, давала не одинъ хлѣбъ. Другими источниками богатства были ячмень, кукуруза, ленъ, пенька, индиго, па-

пирусъ, лавзонія ¹⁾, которою женщины красили себѣ ногти, клеверъ, служившій пищею громаднымъ стадамъ воловъ и барановъ; далѣе, луковицы и рѣпа, которыя рабочіе, участвовавшіе въ постройкѣ громадныхъ пирамидъ Хеопса, съѣдали на восемь милліоновъ драхмъ; изюмъ, финики, фиги и роскошные плоды лотосоваго дерева, „изъ-за которыхъ, по словамъ Гомера, можно было забыть родину“. Туземная промышленность производила бумагу, мебель, деревянную, мраморную и металлическую, оружіе, рогожу, плетенки, ковры, ткани, полотна и шелкъ, вышитыя и разрисованныя матеріи, глазированный фаянсъ, стеклянную посуду, бронзовыя и алебастровыя чаши, эмали, золотыя вещи, уборы изъ драгоценныхъ камней. По ту сторону Мыса Аромата тянулись конторы александрійскихъ купцовъ, караваны пересѣкали Аравію и Ливійскую пустыню, и безчисленное количество кораблей ходило отъ столбовъ Геркулеса до устьевъ Инда. Благодаря этой обширной торговлѣ, Александрія представляла собой житницу трехъ материковъ. При Птоломѣѣ XI, отцѣ Клеопатры, налоги и пошлины на предметы ввоза и вывоза приносили государственному казначейству ежегодно двѣнадцать тысячъ пятьсотъ талантовъ (шестьдесятъ восемь милліоновъ франковъ).

Столица Птолемеевъ, Александрія, заставила Ахилла Тація воскликнуть: „Мы побѣждены, мои глаза“. Но этотъ городъ поражалъ иностранца не столько большимъ числомъ великолѣпныхъ памятниковъ, сколько своимъ симметрическимъ расположеніемъ и строгимъ порядкомъ. Двѣ большія аллеи, пересѣкавшіяся подъ прямымъ угломъ и окаймленныя мраморными коллонами, перерѣзывали Александрію. Продольная аллея, длиною болѣе тридцати стадій (четыре тысячи восемьсотъ метровъ) и шириною въ тридцать пять метровъ, направлялась съ запада на востокъ; она начиналась отъ Некропольскихъ воротъ и тянулась до воротъ Канобикскихъ. Поперечная аллея, длиною въ семьдесятъ стадій, направля-

¹⁾ Аравійскій кустарникъ.

лась съ юга къ Большому порту (гавани). Всѣ другія аллеи и улицы, окаймленныя тротуарами и вымощенныя большими каменными глыбами, были также взаимно перпендикулярны и сообщались съ двумя главными. Это правильное расположеніе, этотъ грандіозный видъ, эти безконечныя перспективы придавали Александріи единственный въ своемъ родѣ характеръ. Казалось, что, въ противоположность другимъ городамъ, образовавшимся понемногу, разроставшимся постепенно и непрерывно, Александрія была создана однимъ ударомъ по опредѣленному плану. И въ самомъ дѣлѣ, этотъ городъ возникъ, такъ сказать, изъ песковъ, по волѣ Александра. Онъ закончилъ планъ города, онъ придалъ городской оградѣ форму македонской хламиды (епанчи), онъ, вмѣстѣ съ архитекторомъ Динархомъ, составилъ планъ этой правильной сѣти аллей и улицъ; Александръ-же изобрѣлъ подъемныя плотины для устройства новаго порта и составилъ чертежъ площади и главныхъ строеній. Послѣ него, уже Птоломеи украшали городъ, построили безчисленное множество памятниковъ и роскошнѣйшихъ садовъ; на западномъ и восточныхъ концахъ города появились многочисленныя предмѣстья. Но въ общемъ Александрія осталась такою, какою ее создалъ Александръ.

Съ Панеума, искусственнаго бугра, высотой въ тридцать пять метровъ, построеннаго въ центрѣ города, представлялась роскошная панорама Александріи. По направленію къ югу, мелькали тысячи домовъ, и множество частныхъ дворцовъ тянулось до самой ограды, которая, вслѣдствіе дѣйствія перспективы, казалась, купалась въ оловяннаго цвѣта поверхности Мареотійскаго озера. Кое-гдѣ виднѣлись скромныя домики, вымазанные известкою, съ неправильно расположенными окошечками и деревянными крышами въ формѣ террасъ и отдушниками наверху; на этихъ крышахъ жители домиковъ отдыхали во время жаркихъ лѣтнихъ ночей. Съ этими домиками чередовались громадныя зданія, бѣлые фасады которыхъ скрывались частью высокими оградами, частью въ листвѣ роскошныхъ садовъ. Фасады эти были украшены монументальными

портиками и рядами колонокъ съ карнизами, раскрашенныхъ въ цвѣтныя полосы. Громадный Серапеумъ царствовалъ во всемъ кварталѣ. На это громадное зданіе взбирались по спиральной лѣстницѣ, имѣвшей сто ступенекъ; куполь его подпирался колонами изъ сіэнита и коринесскаго гранита, высокою въ тридцать два метра ¹⁾).

Въ сторону моря виднѣлись сѣверные кварталы, старая и новая гавани, раздѣленные другъ отъ друга гигантскою насыпью въ семь стадій, соединявшею островъ Фаросъ съ городомъ. На восточномъ концѣ этого острова виднѣлся Фаръ, громадная восьми-гранная, двухъ-этажная башня въ сто-одиннадцать метровъ, вся построенная изъ бѣлаго мрамора. Вокругъ большой гавани, начиная отъ мыса Лохіасъ до Гептастада, тянулась великолѣпная набережная, а вдоль нея возвышались дворцы и храмы. Зданія въ чисто-греческомъ стилѣ чередовались съ египетскими памятниками и съ другими роскошными сооруженіями, въ которыхъ, казалось, комбинировались оба архитектурные стили: бѣдный стиль саитскаго искусства выигрывалъ рядомъ съ рельефами эллинскаго типа, коринесская колонна чередовалась съ колоною компаниформскою.

Въ концѣ длинной аллеи сфинксовъ возвышались гигантскій пилонъ ²⁾ и массивныя пирамиды, на бѣлыхъ стѣнахъ которыхъ были нарисованы цѣлыя вереницы фигуръ, а карнизъ былъ украшенъ эмблематическимъ дискомъ съ громадными распущенными крыльями.

Тутъ красовался греческій храмъ съ рѣзко выдѣляющимся на голубомъ небѣ причудливо-изваяннымъ фронтономъ, тамъ— громадный, тяжелый, таинственный египетскій храмъ, съ выдавшимся впередъ неуклюжимъ гранитнымъ предхрамьемъ.

На противоположныхъ террасахъ, обросшихъ внизу кустами розъ и осѣняемыхъ тѣнью сикоморъ, мимозъ и пальмъ,

¹⁾ 1 метръ = 3,3 русск. фута.

²⁾ Родъ портала.

виднѣлись дворцы, окруженные портиками, колонами въ формѣ донника ¹⁾; амфилада порталовъ, павильоны въ формѣ коническихъ башенокъ, просвѣчивающіе кіоски, хоры, поддерживаемые каріатидами. По срединѣ площадей, на мѣстѣ пересѣченія улицъ, а также передъ воротами зданій, возвышались изваянія Меркурія, озирійскіе колоссы, статуи эллинскихъ боговъ, алтари, героумы, заслоненные здѣсь и тамъ высокими обелисками и громадными мачтами, на верхушкахъ которыхъ развѣвались пестрые флаги.

Между всѣми этими безчисленными зданіями можно было первымъ долгомъ замѣтить въ концѣ мыса храмъ Изиса Лохіаскаго и большую царскую виллу; затѣмъ, передъ закрытою гаванью, царей виднѣлись верфи, зданія арсенала, и начинался Брухіумъ. Окруженный оградой высокихъ стѣнъ и всячими садами, Брухіумъ—былъ городъ въ городѣ. Это была столица птоломеевская. Каждый изъ Лагидовъ построилъ въ ней свой дворецъ, посвятилъ храмъ, разставилъ статуи, устроилъ бьющіе фонтаны, рассадилъ боскеты акацій и сикоморъ, выкопалъ бассейны, въ которыхъ цвѣли кувшинки и голубые лотусы. Страбонъ примѣняетъ къ памятникамъ Брухіума стихъ Одиссея: „Они выходятъ одни изъ другихъ“,—сказалъ онъ.

Около разнообразныхъ дворцовъ царей и обширныхъ построекъ возвышался храмъ Кроноса, храмъ Изиса Плузія, малый Серапеумъ, храмъ Посидона, гимназія съ ея портиками, театръ, закрытая галлерей, бібліотека, содержащая семьсотъ тысячъ томовъ, наконецъ,—Сома, громадный мавзолей, въ которомъ Александръ отдыхалъ въ гробницѣ изъ массивнаго золота, замѣненной впоследствии стеклянною. Другое зданіе Брухіума обращало на себя вниманіе своими громадными размѣрами и своимъ архитравомъ ²⁾, вѣнчавшимъ соборъ. Это былъ знаменитый Александрійскій музей, служившій школою, монастыремъ и академіей. Филологи, поэты, философы, астро-

¹⁾ Растеніе.

²⁾ Притолока.

номы жили въ немъ на общемъ иждивеніи Птолемеевъ, и злые языки называли его, поэтому, „клѣткою музъ“. — Это была, во всякомъ случаѣ, замѣчательная клѣтка, гдѣ пѣли Теокрытъ, Каллимакъ, Аполлоній и гдѣ преподавалась знаменитая александрійская философія. Далѣе, за храмомъ Посидона, набережная загибалась по направленію къ юго-востоку. Тамъ также монументъ смѣнялся монументомъ. Тамъ находилась биржа, храмъ Бендиса, храмъ Арсиноэ и громадныя Апостаты, гдѣ собирались продавщицы со всего свѣта. Оттуда, отъ Гептастада виднѣлся старый портъ со своими большими верфями и далѣе на востокъ, внѣ ограды—предмѣстья Некрополя и мрачный, печальный кварталъ балъзамировщиковъ.

II

Александрія была космо-политическимъ городомъ. Между тѣмъ какъ города Высокаго Египта и Гептаномиды сохранили свой національный характеръ, въ Дельтѣ, эллинская цивилизація вполне привилась къ цивилизаціи египетской или, вѣрнѣе, послѣдняя образовалась изъ нея. Законы и декреты издавались на двухъ языкахъ. Жречество, управленіе, полиція, суды, администрація на половину принадлежали грекамъ, на половину туземцамъ; войско состояло изъ наемныхъ грековъ и галловъ, сицилійскихъ бандитовъ, изъ бѣглыхъ римскихъ рабовъ. Въ Александріи, въ теченіи болѣе двухъ вѣковъ, образовалось множество колоній; туземцы, расположившіеся въ старой части египетскаго города, называвшагося Ракотисомъ, составляли болѣе трети всего населенія. Евреи, обитавшіе въ особомъ кварталѣ, гдѣ у нихъ былъ намѣстникъ ¹⁾ и ихъ Санэдринъ, составляли также треть населенія.

¹⁾ Этнархъ.

Отъ Фара до Серапеума, отъ воротъ Некропольскихъ до Канобикскихъ можно было встрѣтить столько-же иностранцевъ, какъ и египтянъ. Это была шумная и пестрая толпа грековъ, евреевъ, сирійцевъ, италіотовъ, арабовъ, иллирійцевъ, персовъ, финикіянъ. На улицахъ и въ гаванѣ говорили на всѣхъ языкахъ, въ храмахъ молились всевозможнымъ богамъ. Въ этомъ Вавилонѣ всякая національность приносила съ собою свои привычки. Народонаселеніе Александріи, достигавшее трехсотъ двадцати тысячъ, не считая рабовъ, было настолько-же нагло, неугомонно, насколько въ другихъ городахъ Египта—спокойно и сдержанно. Во время царствованія послѣднихъ Лагидовъ, александрійская чернь помогала революціи судебного сословія, надѣясь добиться при новыхъ правителяхъ большей свободы и меньшихъ податей.

Птоломей XI (Авлетъ) умеръ въ іюль мѣсяцѣ 51-го года до Рождества Христова. Онъ оставилъ четырехъ дѣтей. По его духовному завѣщанію, на престолъ должна была вступить его старшая дочь Клеопатра и старшій сынъ Птоломей. Согласно египетскимъ обычаямъ, братъ долженъ былъ вступить въ бракъ съ сестрою. По смерти отца, Клеопатрѣ было семнадцать лѣтъ, а Птоломею тринадцать. Воспитатель юнаго Птолемея, евнухъ Поенъ, былъ изъ самолюбивыхъ. Будучи учителемъ юнаго Птолемея, развивая его умъ, онъ надѣялся управлять дѣлами Египта, при вступленіи на престолъ своего ученика. Но онъ скоро убѣдился въ томъ, что Клеопатра не позволитъ ни ему, ни Птоломею вмѣшиваться въ управленіе государствомъ. Гордая и своевольная Клеопатра была въ то же время способна, умна и образована. Она говорила на восьми или десяти языкахъ, именно: на египетскомъ, греческомъ, латинскомъ, еврейскомъ, арабскомъ и сирійскомъ.

Какъ допустить, чтобы эта женщина, такая гордая и богато-одаренная, рѣшилась уступить часть своей власти ребенку, воспитываемому евнухомъ? Либо Клеопатра должна была освободиться отъ своего брата, либо, согласившись жить съ молодымъ царемъ, должна была вскорѣ приобрѣсти надъ нимъ неограниченное вліяніе. Она должна была сдѣлаться главою

этой діархіи. Пооень это поняль и рѣшилъ пустить въ ходъ всѣ средства для того, чтобы погубить царицу. Онъ началъ съ того, что сталъ возбуждать соперничество между министрами и знатными офицерами гвардіи, затѣмъ, когда раздоръ между партизанами царя и сторонниками Клеопатры достигъ своего апогея, онъ возмутилъ противъ царицы александрійскій народъ. Онъ обвинялъ Клеопатру въ томъ, будто она намѣревается царствовать одна и рѣшилась призвать римскія войска. Какъ рассказывалъ евнухъ, она составила этотъ планъ съ Помпеемъ, старшимъ сыномъ Великаго Помпея, который въ 49 году сдѣлался любовникомъ Клеопатры.

Когда мятежники, предводительствуемые Пооеномъ и молодымъ царемъ, были уже у воротъ дворца, Клеопатрѣ удалось какимъ-то образомъ убѣжать изъ Александріи, въ сопровожденіи только нѣсколькихъ вѣрныхъ тѣлохранителей. Бѣглянка, однако, и не думала считать себя побѣжденною. Ей не такъ легко было отказаться отъ Египта, которымъ она управляла уже три года. Вскорѣ въ Александріи распространился слухъ, что Клеопатра на границѣ Египта и Аравіи собрала армию и идетъ на Пелузы. Юный царь снарядилъ свои войска и направился ей навстрѣчу. Братъ и сестра, мужъ и жена, приготовились уже въ окрестностяхъ Пелузы къ сраженію, когда явился знаменитый, побѣжденный подъ Фарсаломъ, Помпей и сталъ просить у Египтянъ убѣжища. Помпей полагалъ, что можетъ рассчитывать на благодарность дѣтей Птолемея, потому что семь лѣтъ тому назадъ, по его наущенію, Габиній, проконсулъ въ Сиріи, вернулъ Птолемею Авлету престоль.

Не подлежитъ сомнѣнію, что послѣ фарсальскаго сраженія Помпей былъ обезоруженъ, и Цезарь торжествовалъ. Подавая помощь бѣглецу, отъ котораго уже ждать было нечего, легко можно было возбудить гнѣвъ Цезаря. Пооень и другіе министры молодаго царя сдѣлали видъ, что согласны принять Помпея, но какъ только онъ вступилъ въ территорію Египта, то былъ измѣннически задушенъ. Его голова была забальзамирована съ искусствомъ, свойственнымъ египтянамъ, и потомъ—

преподнесена Цезарю, какъ только онъ, преслѣдуя Помпея, высадился въ Александрію.

Цезарь съ отвращеніемъ отвернулся отъ этого трофея и не замедлил обвинить Поэена и Акилласа въ этомъ преступленіи, но злодѣи нисколько не смугились этимъ. Они понимали, что оказали Цезарю большую услугу, предавъ ему въ руки голову его самаго опаснаго врага, и не вѣрили въ искренность возмущенія Цезаря. Цезарь тотчасъ-же узналъ о распряхъ между Птоломеемъ и Клеопатрою, о ея бѣгствѣ отъ народныхъ угрозъ послѣ сраженія подъ Пелузами.

Римская политика всегда придерживалась системы вмѣшательства въ междуособія другихъ государствъ. Теперь эта политика Цезарю казалась вполне умѣстной, тѣмъ болѣе, что, еще при первомъ консулѣ, Птоломей Авлетъ былъ объявленъ союзникомъ Рима и въ своемъ завѣщаніи даже заклиналъ римскій народъ исполнить его послѣднюю волю. Еще другая причина, которую онъ не скрываетъ въ своихъ комментаріяхъ, побудила Цезаря вмѣшаться въ дѣла Египта. Онъ былъ заимодавцемъ покойнаго царя и требовалъ теперь отъ его наслѣдниковъ уплаты значительной суммы денегъ. Разговоръ шелъ ни болѣе ни менѣе, какъ о семи милліонахъ пятидесяти тысячахъ цистерцій, которые не были заплочены такъ же, какъ и тѣ тридцать три тысячи талантовъ, которые Птоломей обязался заплатить Цезарю и Помпею, въ случаѣ, если ему, при содѣйствіи римлянъ, вернуть корону.

Поэень, между тѣмъ, надѣялся, что оказалъ уже Цезарю достаточно большую услугу, преподнеся ему голову Помпея. Онъ склонялъ его отправиться туда, куда призывали его дѣла не менѣе важныя, чѣмъ война Птолемея съ Клеопатрою: въ Понтъ, откуда Фарнасъ прогналъ своего лейтенанта Домиція, и въ Римъ, гдѣ Целій возмущалъ плебеевъ. На требованія Цезаря онъ отвѣчалъ, что казна пуста; на предложеніе третейскаго суда между наслѣдниками Птолемея, отвѣчалъ, что не пристойно иностранцу вмѣшиваться въ эту распрю, что подобное вмѣшательство возмутитъ Египетъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ приводилъ, что народъ александрійскій

смотреть на консульство, преподнесенное Цезарю, какъ на покушеніе на царскую власть. Поэенъ разсказывалъ, что каждый день начиналось возмущеніе, что всякую ночь убивали римскихъ солдатъ; указывалъ онъ также на то, что населеніе Александріи очень многочисленно, а войско Цезаря (три тысячи двѣсти рядовыхъ и восемьсотъ офицеро́въ) весьма незначительно. Но всѣ эти совѣты, замѣчанія, отказы не оказывали никакого дѣйствія на волю Цезаря. Въмѣсто того, чтобы просить, онъ приказывалъ. Онъ поручилъ Поэену формально предложить отъ своего имени Птоломею и Клеопатрѣ распустили свои войска и приказалъ, чтобы они свою распрю принесли на его судъ. Евнухъ долженъ былъ послушаться; но онъ былъ настолько же хитеръ, насколько Цезарь былъ упрямъ, и рѣшилъ воспользоваться этимъ вмѣшательствомъ для достиженія своихъ цѣлей. Въ своемъ письмѣ онъ передалъ Клеопатрѣ приказаніе Цезаря распустили свои войска, но не общалъ ей, что ее ждали въ Александрію, а Птоломею написалъ, чтобы онъ прибылъ на поле сраженія рядомъ съ Цезаремъ, держа солдатъ въ полномъ вооруженіи. Поэенъ рассчитывалъ при этомъ на то, что армія Клеопатры сдастся, и надѣялся расноложить Цезаря къ молодому царю, указавъ на то, что изъ двухъ наслѣдниковъ Авлета только Птоломей успѣшилъ явиться на зовъ консула. Черезъ нѣсколько дней Птоломей дѣйствительно прибылъ въ Александрію. Онъ осыпалъ Цезаря увѣреніями дружбы и, поддерживаемый Поэеномъ, Акилласомъ и другими министрами, изложилъ сущность распри между нимъ и Клеопатрой, сваливая всю вину на сестру. Но на Цезаря не такъ легко было имѣть вліяніе. Поэенъ полагалъ, что неявка Клеопатры раздражитъ Цезаря и возбудитъ противъ нея. Цезарь, однако, не могъ предполагать, чтобы царица съ презрѣніемъ приняла его приглашеніе прибыть въ Александрію. Онъ не допускалъ этого и скорѣе подозрѣвалъ, что какія-нибудь продѣлки Поэена помѣшали ей явиться. Для того, чтобы, наконецъ, узнать въ чемъ дѣло, онъ послалъ гонца къ Клеопатрѣ, въ окрестности Пелузы.

Царица, съ своей стороны, съ нетерпѣніемъ ожидала извѣ-

стей отъ Цезаря. По полученіи его перваго посланія, доставленнаго ей уже позже Поэеномъ, она поспѣшила распустить свое войско. Клеопатра уже питала полное довѣріе къ великому полководцу, котораго звали „мужемъ всѣхъ женщинъ“. Она понимала, что она должна увидѣть Цезаря или, вѣрнѣе, Цезарь долженъ увидѣть ее. Между тѣмъ дни проходили, а приглашенія явиться въ Александрію не прибывало. Наконецъ, пришелъ гонецъ со вторымъ посланіемъ Цезаря. Клеопатра узнала, что Цезарь уже разъ требовалъ ее къ себѣ, но Поэенъ принялъ свои мѣры для того, чтобы она объ этомъ ничего не узнала. Было ясно, что враги ея не желали допустить свиданіе между нею и Цезаремъ. Теперь, когда хитрость ихъ не удалась, они употребятъ силу. Несомнѣнно, они были на сторожѣ и сдѣлали свои распоряженія. Если бы Клеопатра попыталась дойти до Александріи сухимъ путемъ, она встрѣтила-бы аванпосты египетскаго войска, расположеннаго подъ Пелузою; на морѣ ея трехбаночная галера не ушла бы отъ флота Птолемея, расположеннаго передъ входомъ въ портъ. Прибудь она одна въ Александрію, она рисковала быть изрубленною народомъ, по приказанію Поэена. По дорогѣ къ царскому дворцу, въ которомъ Цезарь жилъ гостемъ Птолемея, въ сопровожденіи почетной египетской гвардіи, на Клеопатру могли напасть часовые и убить ее.

Клеопатра отказалась отъ намѣренія царицею вступить въ Александрію и не рѣшалась войти въ городъ безъ предварительнаго переодѣванія; она нашла нужнымъ проникнуть въ него въ мѣшкѣ. Въ сопровожденіи только одного преданнаго ей человѣка, Сицилійца Аполлодора, она отправилась отъ Пелузы въ баркѣ и ночью проникла въ гавань Александріи. Затѣмъ, они поднялись на набережную передъ маленькими воротами дворца. Тогда Клеопатра влѣзла въ большой мѣшокъ изъ грубаго холста, выкрашенный въ разноцвѣтныя полосы; эти мѣшки служили путешественникамъ для того, чтобы прятать въ нихъ свои тюфяки и одѣяла. Аполлодоръ затянулъ мѣшокъ, взвалилъ его себѣ на плечи, прошелъ въ ворота, направился прямо въ апартаменты Цезаря и положилъ къ

его ногамъ свою драгоценную нопу. Лучезарная Афродита вышла изъ морской пѣны, Клеопатра гораздо скромнѣе вышла изъ мѣшка. Тѣмъ не менѣе, Цезарь былъ не мало взволнованъ и восхищенъ этимъ сюрпризомъ. Девятнадцати-лѣтняя Клеопатра была въ ту пору въ расцвѣтѣ своей обольстительной, необычайной красоты. Діонъ-Кассій называетъ царицу Египетскую красивѣйшею изъ всѣхъ женщинъ: *περὶ χαλλιστάτη γυναικῶν*. Но Плутархъ, затрудняясь въ выборѣ подходящаго эпитета для того, чтобы очертить ее, высказывается такъ: „Ея красота была не столько несравнимою, сколько вызывало восхищеніе; нельзя было забыть ея очаровательнаго лица, граціи ея фигуры, обворожительности ея обхожденія“. Вотъ вѣрный портретъ ея. Клеопатра не была красавицей, но была обольстительна въ высшей степени. Викторъ Гюго сказалъ про одну знаменитую театральную артистку: „Она не только хороша, но хуже того“. Это странное опредѣленіе можно бы примѣнить къ Клеопатрѣ. Плутархъ присовокупляетъ, и замѣчаніе его подтверждается Діономъ, что Клеопатра говорила мелодическимъ голосомъ, обладавшимъ необычайною мягкостью. Это замѣчаніе весьма цѣнно съ точки зрѣнія психологической, такъ какъ этотъ очаровательный голосъ былъ одною изъ главныхъ прелестей Нильской сирены *).

*) Пластика и нумизматика даютъ довольно много изображеній Клеопатры, и большинство изъ нихъ довольно достовѣрны. Тѣмъ не менѣе однако, отсюда не слѣдуетъ, чтобы эти медали и изваянія представляли собою серьезное подспорье для того, чтобы восстановить типъ послѣдней изъ Лагидовъ. Клеопатра, а также сынъ ея Птоломей-Цезаріонъ, были неоднократно изображаемы на барельефахъ Дендерскаго храма, и весьма вѣроятно, что, по обычаю египтянъ, скульпторы придавали нѣкоторое сходство этимъ изображеніямъ съ оригиналами. Но Клеопатра не служила натурою для художниковъ, изображавшихъ ее, и спрашивается, чѣмъ же они руководились при изображеніи ея и насколько послѣднія походили на оригиналь? Въ одномъ мѣстѣ Клеопатра изображена Гаторою, въ другомъ у нея прическа Изиса, волосы ея заплетены, грудь и руки обнажены и узкая одежда закрываетъ ее до самыхъ ногъ. У нея орлиный носъ, большіе глаза и, вообще, она красива. Но при всемъ желаніи найти разницу между ея чертами и массою другихъ лицъ, изображенныхъ на стѣнахъ Дендерскаго храма,—это почти невозможно.—Что

Это первое свиданіе Цезаря съ Клеопатрою, по всей вѣроятности, длилось до поздней ночи. Достоверно только то, что на другой день, рано утромъ, Цезарь велѣлъ позвать Птоломея и сказалъ ему, чтобы онъ помирился съ сестрою и раздѣлилъ съ нею престолъ. „Въ одну ночь, говоритъ Діонъ Кассій, Цезарь сдѣлался защитникомъ той, для которой онъ считалъ себя судьбою“. Птоломей воспротивился приказаніямъ консула, и, когда была введена Клеопатра, молодой царь, обе-

же касается до красиваго оттиска Клеопатры, который можно видѣть въ Парижѣ въ мастерскихъ художниковъ, то нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что значеніе его основано на мистификаціи. Этотъ барельефъ, открытый, кажется, въ 1862 г., не носилъ на себѣ никакой надписи. Одинъ египтологъ въ видѣ шутки начертилъ на немъ портретъ Клеопатры и съ тѣхъ поръ его продаютъ вездѣ, какъ достоверное изображеніе послѣдней царицы Египта.

Насчитываютъ пятнадцать медалей различныхъ типовъ, находящихся въ British Museum и въ Вѣнскомъ кабинетѣ. Кромѣ двухъ изъ нихъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, всѣ остальные гравированы болѣе чѣмъ посредственно, такъ же, какъ и тетрадрахма, сдѣланная Антиоху. Мой ученый другъ М. Eröbner писалъ мнѣ объ одномъ экземплярѣ медали проданной въ 1835 году (изъ коллекціи Кастеллани), «на которомъ Клеопатра изображена замѣчательною красавицей». Многія медали представляютъ настоящія карикатуры. Единственная достойная описанія есть бронзовая медаль, на которой имѣется надпись *Kλεοπατ Βασίλειδ;* на обратной сторонѣ надъ буквою π имѣется орелъ, держащій молнію. Кабинетъ на улицѣ Ришелье обладаетъ такимъ прекраснымъ экземпляромъ. Голова имѣетъ выраженіе женщины великой и сильной. Лобъ прямой, но низкій, такъ какъ завитки волосъ покрываютъ его до половины. Глаза большіе, удаленные отъ орлиаго носа очень длиннаго; ротъ прелестный хотя и очень большой. Хотя черты эти нѣсколько грубы и жестки, лицо это, въ общемъ, производитъ чарующее впечатлѣніе, благодаря красотѣ глазъ и своеобразной прелести рта. Если-бы носъ былъ нѣсколько короче, то профиль этотъ можно-бы назвать прекраснымъ.

Одна изъ медалей, о которыхъ мы упоминали раньше, была гравирована въ Патрасѣ. На ней профиль Клеопатры приближается къ греческому типу. Другая медаль, гравированная въ Кипрѣ, представляетъ Клеопатру Афродитой съ сыномъ Птоломеемъ-Цезаріономъ на рукахъ. На этихъ двухъ медаляхъ типъ Клеопатры значительно отличается отъ типа тринадцати остальныхъ медалей, которыя характеризуются жесткостью чертъ и необычайно длиннымъ носомъ.

Какъ извѣстно, Паскаль сказалъ: «Будь носъ Клеопатры короче, то перевернулся-бы весь міръ». Паскаль не былъ нумизматикомъ, иначе онъ написалъ бы: «Если бы носъ Клеопатры былъ длиннѣе, то...»

зумѣвшій отъ гнѣва, бросилъ свою корону къ ногамъ Цезаря, вышелъ изъ дворца и закричалъ: „Измѣна! Измѣна! Къ оружію!“ Толпа присоединилась къ этому крику и бросилась на дворець. Цезарь, не чувствуя себя достаточно сильнымъ (онъ могъ собрать только нѣсколько манипуль *) легионеровъ) вышелъ на одну изъ террасъ и издалека обратился къ толпѣ съ рѣчью. Ему удалось успокоить ее, давъ обѣщаніе сдѣлать все, чего пожелаютъ египтяне. Въ то-же время его воины, — вернушіеся съ поля, окружили молодого Птолемея, разлучили съ его сторонниками и со всевозможными знаками почести, заставили его вернуться въ дворець, гдѣ Цезарь сдѣлалъ его своимъ аманатомъ (заложникомъ). На слѣдующій день народъ былъ собранъ на публичной площади. Цезарь, Птоломей и Клеопатра въ великолѣпномъ убранствѣ отправились туда, въ сопровожденіи эскорта ликторовъ. Всѣ Римляне были въ полномъ вооруженіи и готовы подавить первую попытку къ возмущенію. Цезарь громкимъ голосомъ прочелъ завѣщаніе Птолемея Авлета и торжественно объявилъ, именемъ римскаго народа, что онъ заставитъ уважать послѣднюю волю покойнаго царя. Согласно съ этимъ, старшія дѣти, оба должны вмѣстѣ царствовать и управлять Египтомъ. Что-же касается двухъ другихъ дѣтей царя, то онъ, Цезарь, отправляетъ ихъ на островъ Кипръ, которымъ они и будутъ управлять.

Эта сцена произвела сильное впечатлѣніе на александрійцевъ. Тѣмъ не менѣе, Цезарь опасался возстанія. Онъ послѣдилъ позвать въ Александрію новые легионы, сформированные въ Малой Азіи вмѣстѣ съ остатками войска Помпея. Но гораздо раньше, чѣмъ могли эти подкрѣпленія прибыть, египетское войско изъ подъ Пелузы, по тайному распоряженію Поэена, вступило въ городъ, съ цѣлью изгнанія римлянъ. Въ то же время младшая сестра Клеопатры, Арзиноэ, при содѣйствіи Евнуха Ганимеда и противъ воли Птолемея (все еще арестованнаго Цезаремъ), вышла изъ дворца и была признана народомъ и войскомъ наслѣдницею Лагидовъ. Это войско со-

*) Манипула=рота солдатъ (у Римлянъ).

стояло изъ восемнадцати тысячъ фантассиновъ (пѣхоты) и двухъ тысячъ кавалеріи и своимъ предводителемъ выбрало Акилла. Населеніе Александріи было за одно съ войскомъ противъ иностранцевъ. У Цезаря было всего только четыре тысячи человекъ, считая вмѣстѣ съ экипажемъ его судовъ. Онъ находился въ крайней опасности. Занимая съ этой горстью людей дворцы Брухіума, онъ былъ осажденъ со стороны города солдатами Акилла и вооруженною чернью, а флотъ его, стоявшій на якорѣ въ большой гавани, былъ какъ въ плѣну, такъ какъ непріятель занялъ проходы Озириса и Гептастада. Цезарь даже боялся, какъ-бы флотъ его, обреченный на бездѣйствіе, не попалъ въ руки александрійцевъ, которые воспользовались-бы имъ для того, чтобы не пропускать вновь прибывающихъ воиновъ и провіанта. Цезарь зажегъ свои корабли и тѣмъ избѣгнулъ этой первой опасности. Этотъ громадный пожаръ распространился на набережную и уничтожилъ массу домовъ и строеній, между прочимъ Арсеналь, Библіотеку и склады хлѣба. Египтяне въ ожесточеніи бросились въ атаку, но легіонеры, столь же хорошіе землекопы, какъ и отважные солдаты, скоро преобразили Брухіумъ въ неприступную позицію. Вездѣ появились земляныя насыпи, баррикады, фортификаціонныя полисады. Театръ обратился въ крѣпость. Римляне выдержали двадцать приступовъ, не уступая ни одного вершка земли. Цезарь даже успѣлъ завладѣть островомъ Фаросомъ, позиціей, которая дѣлала свободнымъ проходъ въ большой портъ. Египтяне воображали, что будутъ побѣдителями, если вмѣсто Арсиноэ женщины, у нихъ во главѣ будетъ Птоломей. Они велѣли передать Цезарю, что они воюютъ только потому, что онъ держитъ подъ арестомъ ихъ царя, и какъ только онъ возвратитъ Птоломю свободу, они прекратятъ военныя дѣйствія. Цезарь, знавшій александрійцевъ, далъ себя уговорить и выпустилъ Птолемея. Какъ только Птоломей прибылъ въ египетскую армію, война возобновилась съ новымъ ожесточеніемъ. Но въ это время по морю прибыло на помощь Цезарю первое подкрѣпленіе, 37-й легіонъ. Война продолжалась безъ особаго успѣха на какой-

либо сторонѣ съ начала весны 47-го года. Тогда распространилось извѣстіе, что Пелузы взяты приступомъ какимъ-то войскомъ, спѣшившимъ на помощь Цезарю. Это былъ союзный корпусъ Митридата Пергамейца, шедшаго изъ Сирии. Египтяне, опасаясь попасть между двухъ огней, отправились навстрѣчу Митридату. Первое сраженіе, оставшееся нерѣшеннымъ, произошло около Мемфиса. Но черезъ нѣсколько дней Цезарь, покинувъ Александрію, соединился съ корпусомъ Митридата. Произошло второе сраженіе. Египтяне были разбиты по частямъ, а Птоломей утопился въ Нилѣ. Послѣ этой побѣды, Цезарь, во главѣ своего войска, вернулся въ Александрію. Буйная чернь, убѣдившаяся съ этого момента въ силѣ римскаго оружія, приняла консула со знаками уваженія.

Такимъ образомъ кончилась Александрійская война, которую скорѣе слѣдовало-бы назвать войною Клеопатры, такъ какъ эту войну, бесполезную для славы Цезаря, вредную для его интересовъ, безразличную для его отечества и въ которой онъ могъ потерять и жизнь, и славу, Цезарь велъ только изъ-за любви къ Клеопатрѣ.

III.

Восемнадцать лѣтъ до этихъ событій Цезарь, будучи еще эдиломъ¹⁾, пытался осуществить завѣщаніе Александра II, по которому Египетъ долженъ былъ быть переданъ римлянами. Теперь Египетъ былъ покоренъ. Цезарю оставалось сказать только слово, и обширное и богатое государство это стало-бы римскою провинціей. Но въ 65 году Клеопатра только еще родилась, въ 65 году Цезарь не былъ еще знакомъ съ этою „Нильской змѣей“, какъ называетъ ее Шекспиръ. Консулъ и не думалъ напоминать о своихъ предположеніяхъ въ бытность свою эдиломъ. Первымъ долгомъ, возвратясь въ Але-

¹⁾ Эдилъ — начальникъ полиціи въ Римѣ.

ксандрію, Цезарь заставилъ признать Клеопатру царицею Египта. Тѣмъ не менѣе, желая щадить чувства Египтянъ, онъ рѣшилъ, что Клеопатра должна выйти замужъ за второго своего брата Птолемея Неотороса и раздѣлить съ нимъ престоль. Но, какъ замѣчаетъ Діонъ, этотъ союзъ и раздѣленіе были такъ же фиктивны, какъ и въ первый разъ. Молодой принцъ, имѣвшій всего пятнадцать лѣтъ отъ роду, не могъ еще быть ни царемъ, ни мужемъ царицы. По внѣшности Клеопатра была женою своего брата и раздѣляла съ нимъ престоль; въ дѣйствительности же она царствовала одна и оставалась любовницею Цезаря.

Въ теченіи Александрійской войны, длившейся восемь мѣсяцевъ, Цезарь запертый во дворцѣ, покидалъ Клеопатру, только отправляясь въ бой. Этотъ длинный медовый мѣсяцъ показался ему еще короткимъ; онъ любилъ прекрасную царицу еще больше, чѣмъ въ первые дни, и онъ не могъ рѣшиться разстаться съ нею. Онъ забылъ въ объятіяхъ Клеопатры чувство долга, свои интересы, самолюбіе, опасности; онъ рѣшился выѣхать изъ Александріи только на увеселительную прогулку съ прекрасною царицею по Нилу. А между тѣмъ важныя дѣла звали его въ Римъ, гдѣ царствовали смуты, гдѣ лилась кровь и гдѣ, съ 13 декабря прошлаго года, не имѣли отъ него никакихъ писемъ. Также необходимъ онъ былъ въ Азіи, гдѣ Фарнасъ, побѣдитель римскихъ царей и легионовъ Домиція, завладѣлъ Понтомъ, Кападосомъ и Арменіей. А между тѣмъ въ Африкѣ, Катонъ и послѣдніе помпейцы собирали въ Утикѣ громадное войско: четырнадцать легионовъ, десять тысячъ нумидійской кавалеріи и сто-двадцать боевыхъ слоновъ; Цезарь былъ необходимъ и въ Испаніи, гдѣ волновались умы, и грозило вспыхнуть возстаніе.

По распоряженію Клеопатры, для этой увеселительной поѣздки по Нилу были снаряжены три „оаламеги“, т. е. большія плоскодонныя яхты, употреблявшіяся еще Лагидами. Такая оаламега представляла изъ себя цѣлый плавучій дворецъ; длина ея достигала поль-стадіи, высота сорока футовъ, считая отъ поверхности воды. Судно это было многэтажное

съ портиками, открытыми галереями, украшалось изящными бельведерами и проч. Внутреннее устройство еаламеги не въ чемъ не уступало наружному: тамъ было множество комнатъ, устроенныхъ со всеѣми удобствами и изяществомъ греко-египетской цивилизаціи; громадныя залы были окружены колонадами, тринадцати-рядный бахіонъ, окруженный столбами, потолокъ котораго, выдолбленный въ формѣ пещеры, былъ украшенъ яшмами, яшписъ-лазурью, аметистами, алебастромъ, сафирами и топазами. Самый корпусъ яхты былъ сдѣланъ изъ кедроваго и кипрскаго дерева, паруса—изъ биссуса, снасти и веревки выкрашены пурпуромъ. Украшенія еаламеги были самыя разнообразныя: всюду виднѣлись скульптурныя работы лучшихъ художниковъ, гирлянды цвѣтовъ, вьющихся растеній, мозаичныя украшенія изъ мрамора, лабрадора, опала, кошачьяго глаза. Для развлеченія путешественниковъ, на еаламегу приглашались акробаты, музыканты, актеры и цѣлыя отряды танцовщицъ. Словомъ, на еаламегѣ не доставало ничего, свойственнаго роскоши и развлеченіямъ Александріи.

Цезарь и Клеопатра съ наслажденіемъ мечтали объ этой увеселительной поѣздкѣ. Они намѣревались проѣхать вдоль „золотого Нила“ мимо всѣхъ старинныхъ городовъ Египта и достигнуть чуднаго края Эіюпіи. Но, въ ожиданіи отъѣзда, въ легіонахъ стали обнаруживаться признаки неудовольствія: слышался ропоть, возмущеніе, офицеры позволяли себѣ прямо и даже дерзко говорить съ Цезаремъ. Одно время онъ хотѣлъ взять Клеопатру съ собою въ Римъ, но вскорѣ же долженъ былъ оставить этотъ планъ и рѣшился идти въ Арменію, гдѣ опасности было больше всего и присутствіе консула было необходимо. Цезарь оставилъ два легіона для охраны Клеопатры въ Александріи и отправился въ Антиохію.

Во все время, пока Цезарь воевалъ въ Арменіи и Африкѣ (отъ іюля 47 до іюня 46-го года) Клеопатра оставалась въ Александріи. Когда Цезарь уѣзжалъ въ Арменію, то Клеопатра была уже беременна и, нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отъѣзда диктатора, она родила сына. Она назвала его Птоломеемъ-Цезаріономъ, объявляя, такимъ образомъ, открыто свои

интимныя отношенія съ Цезаремъ, которыя, впрочемъ, и безъ того были небезызвѣстны въ Александріи.

Когда Цезарь уже разбилъ войско подъ Фалсомъ и соби-
рался возвращаться въ Римъ, онъ написалъ Клеопатрѣ и про-
силъ ее пріѣхать туда. Весьма вѣроятно, что она дѣйстви-
тельно прибыла въ Римъ въ срединѣ лѣта 46 года, какъ
разъ въ то время, когда праздновались четыре побѣды Це-
заря. Во время второго триумфа, по случаю побѣды надъ Егип-
томъ, Клеопатра могла видѣть во главѣ плѣнныхъ свою се-
стру Арсиною, захваченную непріателемъ еще въ началѣ
Александрійской войны. Клеопатра явилась на торжество въ
сопровожденіи своего псевдо-мужа, молодого Птолемея, сына
Цезаря и громадной свиты придворныхъ и офицеровъ. Це-
зарь уступилъ въ распоряженіе Клеопатры и ея двора свою
роскошную виллу на правомъ берегу Тибра. Официально
(если можно употребить это новомодное слово къ объясненію
весьма отдаленныхъ фактовъ) Клеопатра была очень сочув-
ственно принята въ Римѣ, что и не удивительно: она была
царицею громаднаго государства, союзницею республики и—
гостьей Цезаря, могущество котораго достигло тогда своего
апогея. Но подъ комплиментами, расточаемыми Клеопатрѣ,
скрывались ненависть и презрѣніе, не потому, однако, чтобы
римское общество возмущалось связью ея съ Цезаремъ. Уже
въ теченіи полу-вѣка въ римской республикѣ суровые и стро-
гіе нравы постепенно исчезли. Избиратели продавали свои
голоса, а избранные пользовались своею властью, чтобы снова
быть избранными. Они торговали союзами, нарушали при-
сягу, грабили, расхищали, вымогали деньги, стоваривались
съ ростовщиками и этимъ раззоряли провинціи. Въ Римѣ, въ
последнее время республики, политика развивала преступле-
нія, а театры были школою распутства, потому что въ нихъ
женщины, въ противоположность греческому обычаю, могли
присутствовать на самыхъ безнравственныхъ представленіяхъ.
Моднымъ поэтомъ того времени былъ наглый, безнравствен-
ный Катуллъ. Со времени проскрипціи Суллы, жизнь призна-
валась столь краткой что надо спѣшить воспользоваться всѣми

наслажденіями, которыя она даетъ. „Будемъ жить и любить— говорить Катулль. Небесныя свѣтила могутъ погибать и снова возрождаться, но мы, какъ только наша кратковременная жизнь погаснетъ, должны спать вѣчно“. Времена, когда римская матрона сидѣла дома за работою, давно прошли; она ищетъ приключеній, интригъ, она продаетъ себя или отдается добровольно. Частые разводы разрушили нравственныя начала семьи, любовь къ роскоши, честолюбіе и страсть къ развлеченію и наслажденію разрушили семейный очагъ. Больше всего предавались адюльтеру знатнѣйшія изъ патриціанокъ, каковы: Валерія, сестра Гортензія, Семпронія, жена Юнія Брута, Клодія, жена Лукулла и другая Клодія, жена Квинта Метелла Целера, Муція, жена великаго Помпея, Сервилія, мать Брута и друг. Ясно поэтому, что въ Римѣ, этомъ городѣ адюльтера, не могли особенно возмущаться тѣмъ, что Цезарь измѣняетъ своей женѣ для Клеопатры; еслибы у него было и нѣсколько любовницъ, то и этому не придавали-бы большого значенія. Но, несмотря на распущенность своихъ нравовъ, на развратъ и на то, что онъ потерялъ свои прежнія добродѣтели, Римъ высоко держалъ свое знамя и гордился своимъ именемъ. Будучи побѣдителями всего міра, римляне съ презрѣніемъ смотрѣли на остальные народы, считая ихъ ниже себя, годными только на подчиненіе и рабство. Никого не беспокоила скоропреходящая любовь Цезаря къ Евноѣ, Мавританской царицѣ, а потому не могли и упрекать Клеопатру въ томъ, что она услаждала его во время Александрійской войны. Но Римъ оскорбляло то, что Цезарь заставилъ Клеопатру пріѣхать въ городъ семи холмовъ, что онъ всенародно, открыто признавалъ ее своею любовницею; по понятіямъ того времени, Цезарь, какъ римскій гражданинъ, пять разъ выбранный консуломъ и три раза диктаторомъ, унижалъ свое достоинство, открыто признавая себя любовникомъ Египтянки. Вотъ, что возмущало римлянъ. Чтобы составить себѣ понятіе о томъ, почему римляне были такъ возмущены связью Цезаря съ Клеопатрою, Мериваль говоритъ, что эта связь должна производить то-же впечатлѣніе, какое по-

лучилось бы въ XV столѣтїи, если-бы англійскій пэръ или испанскій грандъ женился на еврейкѣ.

Цезарь получилъ неограниченную власть, и ему всячески оказывали уваженіе и почетъ. Онъ былъ выбранъ диктаторомъ на десять лѣтъ, и въ городѣ была поставлена его статуя съ надписью: *Caesari semideo*, т. е. Цезарю — полубогу. Онъ могъ считать себя достаточно могущественнымъ для того, чтобы презирать римскіе предрасудки. Прежде цезарь отличался осторожностью и всегда внимательно относился ко мнѣнію и интересамъ толпы (плебеевъ); онъ обладалъ замѣчательною способностью распоряжаться толпою для достиженія своихъ цѣлей и плановъ. Въ послѣдніе же два года своей жизни Цезарь не только пренебрегалъ общественнымъ мнѣніемъ, но и явно отвергалъ его какъ въ частной жизни, такъ и въ своей общественной дѣятельности. Онъ и не думалъ удалять отъ себя Клеопатру; напротивъ, онъ сталъ учащать свои посѣщенія виллы на берегу Тибра, постоянно говорилъ о царикѣ и допустилъ, чтобы она публично дала его сыну имя Цезаріона.

Онъ сдѣлалъ болѣе того. Въ храмѣ Венеры онъ поставилъ статую Клеопатры, сдѣланную изъ золота, и тѣмъ нанесъ оскорбленіе не только народу, но и римскимъ богамъ. Цезарю, повидимому, недостаточно было того, что изъ любви къ Клеопатрѣ онъ не превратилъ Египетъ въ римскую провинцію, что онъ поселилъ и устроилъ эту иностранку въ Римѣ и при всякомъ удобномъ случаѣ всячески доказывалъ ей свое уваженіе и любовь, и вотъ онъ, въ храмѣ народной богини, осмѣлился поставить статую этой александрійской куртизанки, этой царицы варварской страны маговъ, всякихъ чудесъ, эвнуховъ и подданныхъ прибрежныхъ жителей Нила, поклоняющихся чучеламъ птицъ и богамъ со звѣриными головами. Римляне недоумѣвали и спрашивали себя, чѣмъ же должны кончиться безумія, сумасбродства Цезаря. Ходилъ слухъ, будто диктаторъ разрабатываетъ проектъ закона, по которому онъ будетъ имѣть право обзавестись столькими женами, сколько захочетъ. Этотъ законъ долженъ былъ быть представленъ

Гельвиемъ Цинной. Говорили также, будто Цезарь хочетъ, признать своимъ наслѣдникомъ сына своего отъ Клеопатры, Цезаріона. Эти слухи возбуждали общество противъ Цезаря и, если вѣрить Діону, они содѣйствовали плану предательскаго убіенія великаго полководца. Если это вѣрно, то Клеопатра оказалась столь-же фатальна для Цезаря, какъ позже она была для Антонія.

Несмотря на эту вражду, Клеопатра жила далеко не уединенно въ своей виллѣ, на берегу Тибра. Для того, чтобы заслужить расположеніе диктатора, чтобы вызвать его на большую откровенность, цезаріанцы пересиливали свою антипатію къ Клеопатрѣ и довольно часто посѣщали прекрасную царицу. Этотъ египетскій дворъ, перенесенный на берега Тибра, посѣщали Маркъ-Антоній, Долабелла, Лепидъ, бывший въ ту пору начальникомъ кавалеріи, Оппій Куріонъ, Корнелій Балбусъ, Гельвій Цинна, Мацій, преторъ Вендидъ и Требонъ. Между сторонниками Цезаря, было также нѣсколько тайныхъ его враговъ, напр. Аттікъ, крупный золотопромышленникъ, имѣвшій дѣла съ Египтомъ, и нѣсколько изъ его явныхъ враговъ, какъ Цицеронъ.

Примирившись съ Цезаремъ, Цицеронъ не оставлялъ своей любимой страсти къ книгамъ и всевозможнымъ рѣдкостямъ. Завѣтный коллекторъ, онъ надѣялся обогатить свою бібліотеку въ Тускулумѣ, не прибѣгая къ расходамъ. Онъ попросилъ Клеопатру, чтобы она выписала изъ Александріи нѣсколько греческихъ манускриптовъ и египетскихъ древностей. Царица охотно обѣщала исполнить его просьбу и поручила ея исполненіе одному изъ своихъ офицеровъ, Аммонію, который, еще будучи посломъ при Птоломеевѣ Авлетѣ, познакомился въ Римѣ съ Цицерономъ. Но, по забывчивости или по нерадѣнію, манускрипты и рѣдкости не прибывали. Цицеронъ такъ разсердился за это на Клеопатру, что позже какъ-то писалъ Аттіку: „Я ненавижу царицу (*odi reginam*)“, мотивируя это тѣмъ, что Клеопатра не сдержала своего царскаго слова. Прежній консулъ, кромѣ того, долженъ былъ выслушать грубость отъ Сарациона, одного изъ офицеровъ Клеопатры. Сара-

пѣнь вошелъ однажды къ Цицерону и когда тотъ спросилъ его, что ему угодно, грубо отвѣтилъ:— „Я ищу Аттика“ — и тотчасъ же вышелъ.

Убійство Цезаря, какъ громомъ, поразившее Клеопатру, разбило всѣ ея надежды, если, имѣя только двадцать пять лѣтъ отъ роду, можно ихъ потерять. Со смертью Цезаря, Клеопатрѣ больше нечего было дѣлать въ Римѣ и она даже чувствовала себя не вполне безопасною въ этомъ враждебномъ городѣ. Она приготовилась къ отъѣзду. Но Антоній задумалъ наследникомъ Цезаря назначить не Октавія, а маленькаго Цезаріона, и Клеопатра осталась въ Римѣ до середины апрѣля мѣсяца. Когда, однако, Клеопатра убѣдилась въ томъ, что этотъ проектъ осуществиться не можетъ, она поспѣшила уѣхать изъ этого города, гдѣ встрѣчала только злобу и презрѣніе. Она покинула Римъ съ возрастающею злобою въ сердцѣ.

IV.

Клеопатра вернулась въ Александрію совершенно добровольно. Но неизбежная междоусобная война между цезаріанцами и республиканцами поставила ее въ затруднительное положеніе, и ея царское достоинство пошатнулось. Клеопатра была въ союзѣ съ римлянами и не могла оставаться нейтральною въ этой борьбѣ. Царица преклонялась передъ триумвирами. Въ Римѣ она принимала у себя приверженцевъ Цезаря, но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Антоній говорилъ въ пользу сына ея больше изъ политическихъ мотивовъ, чѣмъ по дружбѣ къ ней. Съ другой стороны, если триумвиры владѣли Западомъ, то ихъ противники вскорѣ должны были овладѣть Востокомъ. Они прямо угрожали Египту. Въ началѣ борьбы, Кассій, завоевавшій восемь легіонами Сирію, просилъ Клеопатру выслать ему подкрѣпленіе. Почти въ то же самое время одинъ изъ лейтенантовъ Антонія, Долабелла, осажденный

въ Лаодицеѣ, обратился къ царицѣ Египта съ подобною-же просьбою.

Кассія считали въ ту пору побѣдителемъ, Долабелла-же, напротивъ, находился въ затруднительномъ положеніи. Осторожность предписывала подать помощь Кассію, тѣмъ не менѣе, Клеопатра осталась вѣрною цезаріанцамъ. Царица дала приказаніе, чтобы въ Лаодицею, на помощь Долабеллѣ, отправились четыре легіона, оставленные еще Цезаремъ въ Александріи, и два легіона, составленные изъ прежнихъ солдатъ Габиніуса. Начальство надъ этимъ войскомъ принялъ на себя посланный Долабеллы—Аллиэнъ. Въ Сиріи Аллиэнъ наткнулся на войска Кассія, и неизвѣстно, произошла-ли тутъ преднамѣренная измѣна, или вслѣдствіе малодушія, Аллиэнъ присоединилъ свои войска къ войскамъ непріятеля, противъ котораго былъ посланъ. Только одна египетская эскадра, которую Клеопатра послала въ Лаодицею, дѣйствительно прибыла къ лейтенанту Антонія.

Вскорѣ послѣ отъѣзда легіоновъ, въ 43 году, внезапно скончался молодой Птоломей. Нѣкоторые обвиняли Клеопатру въ томъ, что она его отравила. Нельзя сказать, чтобы были какія-нибудь доказательства, подтверждающія справедливость этого подозрѣнія, тѣмъ не менѣе, въ немъ нѣтъ ничего невозможнаго. Очень можетъ быть, что отпустивъ легіоны въ Лаодицею и оставшись, слѣдовательно, безъ вѣрной защиты, Клеопатра могла опасаться возмущенія и провозглашенія царемъ ея брата. Шестъ лѣтъ тому назадъ былъ именно такой случай съ ея другимъ братомъ, и Клеопатрѣ тогда пришлось спастись бѣгствомъ. По смерти Птолемея XIII, царица раздѣлила свой престолъ со своимъ сыномъ, Птолемеемъ Цезаріономъ, которому въ то время было четыре года.

По дорогѣ въ Каиръ расположилась египетская эскадра. Кассій отдалъ приказаніе наварху *) Сарапіону разбить республиканскій флотъ. Сарапіонъ исполнилъ приказаніе, не считая даже нужнымъ довести объ этомъ до свѣдѣнія царицы.

*) Начальникъ флота.

Но Кассій не удовольствовался четырьмя легионами и эскадрою, посланными ему Клеопатрою, и попросилъ царичу выслать ему въ подкрѣпленіе еще солдатъ, кораблей, а также провіанту и денегъ. Клеопатра заподозрила въ этомъ измѣнѣ и, во всякомъ случаѣ, опасалась остаться безъ войска совершенно беззащитною, а потому рѣшила повременить. Она велѣла выразить Кассію свое сожалѣніе въ томъ, что не можетъ тотчасъ-же оказать ему помощи, такъ какъ Египетъ разоренъ чумою и голодомъ. Но на самомъ дѣлѣ Египетъ не былъ разоренъ этими бѣдствіями, и Клеопатра сослалась на нихъ только для того, чтобы мотивировать свой отказъ Кассію; въ это-же время она снарядила новый флотъ, для оказанія помощи триумвирамъ. Однако, дипломатія Клеопатры не обманула Кассія, и онъ рѣшилъ захватить Египетъ. Когда онъ уже отправилъ туда свои войска, Брутъ вызвалъ его въ Македонію. Тогда Клеопатра послала свой флотъ на помощь цезаріанцамъ, но на пути онъ былъ совершенно уничтоженъ бурей. Клеопатру преслѣдовалъ злой рокъ. Несмотря на то, что она прилагала все свое усиліе для того, чтобы помочь триумвирамъ, ей не удалось оказать имъ почти никакой помощи; напротивъ, посланными ею подкрѣпленіями воспользовались республиканцы, желавшіе отомстить ей за то, что она помогала ихъ противникамъ.

Сраженіе при Филиппѣ избавило Клеопатру отъ какихъ-либо претензій со стороны республиканцевъ; но ей надо было опасаться, что триумвиры могутъ обвинить ее въ измѣнѣ. Послѣ побѣды надъ Брутомъ, Антоній обошелъ Грецію и Малую Азію для того, чтобы собрать подати. Вездѣ онъ былъ принимаемъ, какъ властелинъ. Города и цари соперничали въ низкокланчивыхъ выраженіяхъ, всячески чествовали его для того, чтобы оправдаться въ оказанной ими поддержкѣ побѣжденной сторонѣ. Въ Аѣинахъ, Мегарахъ, Эфесѣ, въ Магнезій, въ Тарсѣ его встрѣчали посольства и правители. Для того, чтобы сохранить за своимъ царствомъ нѣкоторую quasi-автономію, всѣ мелкіе правители Малой Азіи поспѣшили получить отъ могущественнаго триумвира новую инвеституру. Только

Клеопатра оставалась въ Египтѣ и не отправила отъ себя пословъ, неизвѣстно, по причинѣ-ли своей царской надменности, гордости, или по соображеніямъ чисто женскимъ. Она, казалось, прикидывалась, будто не знаетъ, что побѣда при Филиппѣ сдѣлала Антонія властелиномъ Востока.

Молчаніе Клеопатры удивило и раздражило Антонія, но у него заговорило не одно только оскорбленное самолюбіе. Когда онъ еще командовалъ кавалеріей Габинія, онъ увидалъ въ первый разъ Клеопатру; ей было тогда пятнадцать лѣтъ. Въ годъ смерти Цезаря онъ снова увидѣлъ царицу. Если даже не вѣрить Аппіену, что Антоній былъ уже влюбленъ въ египетскую царицу, все-же можно предполагать, что красота и обаяніе Клеопатры произвели на него глубокое впечатлѣніе. Онъ, конечно, помиилъ Нильскую сирену и, принимая визиты царей, съ особымъ нетерпѣніемъ ожидалъ ея появленія. Но ожиданія его были тщетны. Положеніе Антонія въ ту пору было таково, что все, что-бы онъ ни сказалъ — исполнялось безпрекословно. Онъ велѣлъ передать Клеопатрѣ, чтобы она пріѣхала въ Тарсъ оправдать передъ трибуналомъ свое странное поведеніе во время междоусобной войны. Антоній заранѣе предвкушалъ удовольствіе насладиться своею жестокостью: прекрасная Клеопатра, единодержавная царица Египта, у ногъ которой онъ видѣлъ божественнаго Юлія Цезаря, эта женщина предстанетъ предъ нимъ въ качествѣ обвиняемой.

Порученіе это Клеопатрѣ долженъ былъ передать одинъ изъ приближенныхъ Антонія — Квинтъ Деллій. Этотъ Деллій, подъ личиною любезности, интриговалъ и постепенно возбуждалъ другъ противъ друга всѣ партіи. Его называли зачинщикомъ междоусобныхъ войнъ — *desultor bellorum civilium*.

Впослѣдствіи онъ умеръ другомъ Горація, посвятившаго ему оду, и другомъ Августа, который его обогатилъ. Теперь онъ рѣшилъ подслужиться Клеопатрѣ для того, чтобы пріобрѣсти благосклонность Антонія. Въ первую-же аудіенцію, которую назначила ему прекрасная царица, онъ понялъ причину страсти Цезаря и предчувствовалъ, что и Антоній увле-

чется ею. Деллій былъ увѣренъ въ томъ, что Клеопатрѣ достаточно предстать предъ триумвиромъ для того, чтобы плѣнить его, а потому, со свойственною ему хитростью, рѣшилъ приобрести расположеніе царицы, съ цѣлью воспользоваться имъ впоследствии. Поэтому, изъ посланнаго Антонія онъ превратился въ яраго поклонника Клеопатры, изъ довѣреннаго лица — въ посредника. Онъ совѣтовалъ царицѣ идти какъ можно скорѣе въ Киликію, увѣряя, что суровый фарсальскій и филиппійскій солдатъ (Антоній) вовсе не такой непреступный, какимъ представляется съ перваго взгляда. „Никогда Антоній, — говорилъ Деллій, — не рѣшится вызвать слезы на такихъ прекрасныхъ глазахъ, никогда онъ тебѣ не причинитъ ни малѣйшаго горя, а, напротивъ, исполнитъ всѣ твои желанія“. Деллію удалось убѣдить Клеопатру безъ особаго труда, что и понятно: его слова открывали передъ нею снова ту заманчивую перспективу, которая уже разъ осуществилась для нея, когда она была содержанкою Цезаря. Существуетъ даже, хотя и довольно невѣроятное, мнѣніе, будто Деллію не только удалось убѣдить Клеопатру, но и пользоваться ея любовью. Какъ-бы то ни было, но Клеопатра послушалась его совѣтовъ и рѣшила уѣхать въ Тарсъ. Но для того, чтобы придать большее значеніе своему рѣшенію, она опасалась обнаружить поспѣшность; подъ различными предлогами, она довольно долго откладывала свой отъѣздъ, несмотря на увѣщанія Деллія спѣшить и на то, что Антоній посылалъ къ ней одного посла за другимъ.

Въ одинъ прекрасный день, когда Антоній возсѣдалъ на трибуналѣ, на площади въ Тарсѣ, и чинилъ судъ, произошло шумное волненіе народа на берегу Цидна. Киликіянцы, такіе же льстецы, какъ греки, стали говорить, что это сама Афродита пріѣхала для благополучія Азіи сдѣлать визитъ Вакху. Антоній любилъ, когда упоминали имя Вакха. Но внезапно толпа, спѣшившая на площадь къ трибуналу, повалила на набережную и покинула Антонія, посреди пустынной площади, одного со своими ликторами. Сначала чувство собственнаго достоинства побудило его остаться, хотя онъ былъ такъ взвол-

нованъ, что съ трудомъ только заставлялъ себя сидѣть на своемъ креслѣ; но, наконецъ, любопытство пересилило. Непривыкшій, вообще, сдерживать себя, онъ отправился туда, куда хлынула толпа. Онъ не жалѣлъ, что пошелъ смотрѣть на представившуюся ему картину: это было божественное видѣніе, переносившее cadaго во времена мифологическія. Клеопатра на раззолоченомъ кораблѣ, съ развѣвающимися пурпуровыми парусами, поднималась вверхъ по Цидну и приближалась къ Тарсу. Серебряныя весла мѣрно поднимались и опускались, ровно отбивая тактъ, подъ звуки греческихъ лиръ и египетскихъ самбуковъ. Царица, богиня, Клеопатра полулежала подъ шатромъ, вышитымъ золотомъ, и предстала глазамъ такую, какою живописцы привыкли изображать Афродиту — Клеопатру окружали, подобно амурамъ, голыя дѣти и полуодѣтыя прекрасныя молодыя дѣвушки, напоминающія грацій и морскихъ нимфъ; онѣ держали гирлянды изъ розъ и цвѣтовъ лотуса и махали громадными вѣерами изъ перьевъ ибиса. Въ передней части корабля расположились группы другихъ Нереидъ, также достойныхъ кисти Апелла. Амуры, расположенные на мачтахъ и снастяхъ, производили впечатлѣніе, точно валяются съ неба. Ладонь и индійскій нарды¹⁾, которые жгли невольники, распространяли вокругъ корабля цѣлое облако благоуханія.

Антоній тотчасъ-же послалъ къ Клеопатрѣ своего гонца, съ просьбой отужинать съ нимъ въ тотъ-же вечеръ. Клеопатра придавала большее значеніе своему титулу богиня, чѣмъ — царица (да притомъ „царица Египта“ не много значила передъ триумвромъ), и отвѣтила, что сама приглашаетъ Антонія къ своему ужину. Антоній не имѣлъ никакихъ основаній отказать отъ приглашенія и къ назначенному часу отправился во дворецъ Клеопатры. Этотъ дворецъ приводился въ порядокъ уже нѣсколько дней, по ея секретному приказанію, и былъ устроенъ съ замѣчательною роскошью. Залъ, предназначенный для пиршества, былъ роскошно убранъ, изящно укра-

¹⁾ Увѣчная трава.

шенъ и ярко освѣщенъ многочисленными громадными люстрами. Обѣденный столъ, со вкусомъ декорированный, отличался разнообразіемъ нектаровъ и винъ, разлитыхъ въ массивные золотые кубки; самыя рѣдкія яства и блюда были мастерски приготовлены искуснымъ поваромъ. Антоній былъ большой гастрономъ и три мѣсяца тому назадъ подарилъ своему повару цѣлый домъ за вкусно приготовленное блюдо. Но онъ отдасть-бы повару Клеопатры цѣлый городъ, до того хорошо кормили его на этомъ ужинѣ. Что-же касается самой прекрасной египтянки, то за нее онъ охотно отдасть-бы весь міръ. На слѣдующій день Антоній пригласилъ Клеопатру къ своему ужину. Не жалѣя денегъ, онъ надѣялся превзойти своимъ угощеніемъ прекрасный ужинъ во дворцѣ Клеопатры. Но онъ сейчасъ-же убѣдился въ своей несостоятельности бороться съ египтянкой на почвѣ кулинарнаго искусства и, какъ человѣкъ умный, шутя, сознался Клеопатрѣ въ своей скупости и въ томъ, что у него грубый вкусъ.

По всей вѣроятности, во время этихъ двухъ пиршествъ Антонию и въ голову не приходило говорить о жалобахъ и претензіяхъ римлянъ на Клеопатру. Онъ, казалось, забылъ также, что требовалъ царю Египта къ своему трибуналу въ качествѣ обвиняемой. Обвиняемымъ призналъ-бы себя теперь самъ Антоній, вздумай только Клеопатра отказаться отъ него. Съ этихъ поръ приказывать стала царица. Самый сильный, могущественный изъ тріумвировъ сдѣлался „рабомъ прекрасной египтянки“, какъ выразился Діонъ Кассій.

Клеопатра воспользовалась своимъ вліяніемъ надъ Антоніемъ и первымъ долгомъ заставила признать своего сына отъ Цезаря, Птолемея-Цезаріона, законнымъ наслѣдникомъ египетской короны. Декретъ Антонія былъ, по ея просьбѣ, тотчасъ-же утвержденъ его коллегами, Октавіемъ и Лепидомъ. Антоній старался мотивировать эту милость, оказанную имъ Клеопатрѣ, тѣмъ, что египетская царица, яко-бы, оказала римлянамъ немаловажныя услуги во время междоусобной войны. Удовлетворивъ честолюбіе египтянки, Антоній безъ всякихъ околичностей рѣшилъ привести въ исполненіе всѣ ея планы.

Клеопатра, какъ большинство женщинъ, была нрава мстительнаго. Сестра ея, Арсиноэ, покинула Римъ, гдѣ она была еще во время чествованія Цезаря, и теперь жила въ Милетѣ. Клеопатра, вѣроятно, опасалась, чтобы сестра не произвела какого-либо возмущенія въ Египтѣ; царица замѣтила еще во время александрійской войны, что Арсиноэ, несмотря на свою молодость, интриганка и очень честолюбива.

Или по этой причинѣ, или просто Клеопатра хотѣла отомстить сестрѣ за ея прошлое поведеніе, но царица упростила Антонія убить Арсиноэ. Антоній не смогъ отказать своей прекрасной повелительницѣ, и несчастная Арсиноэ была задушена въ храмѣ Артемія Левкофринскаго, куда она спряталась для того, чтобы избѣгнуть преслѣдовавшихъ ее клеветовъ Антонія. Потомъ былъ арестованъ одинъ египтянинъ, сосланный въ Малую Азію и выдававшій себя тамъ за Птолемея XII, который, какъ мы уже знаемъ, потонулъ въ Нилѣ. Неизвѣстно, по какой причинѣ Клеопатра велѣла его засадить въ большой храмъ Ээеса, Мегабизь. По желанію Клеопатры, его арестовалъ Антоній. Его не убили только благодаря вмѣшательству магистратовъ города. Въ то-же самое время, по приказанію Антонія, былъ обезглавленъ Сарационъ, старый командиръ египетской эскадры въ Кипрѣ. Этою казнью была отомщена Клеопатра за измѣну наварха во время александрійской войны, а Антоній за то, что Сарационъ помогалъ Кассію.

Въ то время, какъ Клеопатра, лѣтомъ 41 года, прибыла въ Тарсъ, Антоній собирался идти на Парты. По истеченіи мѣсяца, войска были собраны и готовы идти въ походъ; ничто не задерживало больше Антонія выступить. Но этотъ мѣсяцъ Антоній провелъ съ Клеопатрою и не замѣтилъ, какъ онъ прошелъ: такъ быстро летѣло для него время съ прекрасною царицей. Антоній забылъ всякое благоразуміе и вполне отдался своей страсти, а потому отложилъ свой походъ до весны, а самъ послѣдовалъ за Клеопатрой въ Египеть.

Тогда началась эта разгульная, распутная жизнь, эти

роскошные пиры и безконечныя оргіи, о которыхъ рассказы-вали римляне даже во времена Нерона и Геліогабала, не-смотря на всю ихъ испорченность и пресыщенность, какъ о чемъ-то неподражаемомъ. *Οι Ἀμειψιστοί*, то есть: тѣ, жизнь ко-торыхъ неподражаема — вотъ какъ называли Клеопатру, Антонія и ихъ приближенныхъ, участвовавшихъ на этихъ пиршествахъ. Плутархъ и Діонъ пишутъ, что празднества слѣдовали за празднествами, пиры и оргіи смѣнялись поѣзд-ками на охоту и прогулками по Нилу. Клеопатра ни на ми-нуту не покидала Антонія. Она пила и играла съ нимъ, она ѣздила съ нимъ на охоту, присутствовала на маневрахъ, когда случайно Антонію, отъ скуки, приходило въ голову заставить маневрировать свои легіоны. Далѣе, Плутархъ и Діонъ сооб-щаютъ, что Клеопатра изощрялась выдумывать все новыя, оригинальныя увеселенія и самыя разнообразныя развлечения. Но языкъ нашъ слишкомъ бѣденъ и прозраченъ для того чтобы передать словами, описать эти роскошные пиры и грандіозныя оргіи Несравнимыхъ. Только Плиній очертилъ ихъ болѣе или менѣе символическою легендою о жемчужинѣ, хотя, быть можетъ, этотъ рассказъ не болѣе, какъ плодъ его воображенія. Вотъ что рассказываетъ Плиній. Во время одного пира Антоній пришелъ въ восхищеніе отъ окружавшей его рос-коши и разнообразія блюдъ и винъ; онъ заявилъ, что рос-кошнѣе этого пира ничего не можетъ себѣ представить. Клео-патра, для которой, казалось, не было ничего невозможнаго, заявила, что она считаетъ это пиршество ничего нестоющимъ и предложила Антонію держать съ ней пари на то, что завтра она дастъ пиръ, который обойдется ей въ десять милліоновъ цистерцій (два милліона сто тысячъ франковъ). Антоній при-нялъ пари. На слѣдующій день, однако, пиръ ничѣмъ не от-личался отъ вчерашняго и Антоній съ удивленіемъ восклик-нулъ: — „Клянусь Вакхомъ, на все это не истрачено десяти милліоновъ цистерцій!“ — Я это знаю, спокойно отвѣтила на это Клеопатра, но все то, что ты видишь, составляетъ не болѣе, какъ аксессуары, я сама выпью эти десять милліоновъ цистерцій. Сказавъ это, Клеопатра вынимаетъ изъ своей серьги

громадную жемчужину, замѣчательной красоты, и бросаетъ ее въ золотой кубокъ, въ которомъ на днѣ было немного уксуса, и залпомъ выпила его, проглотивъ и жемчужину. Потомъ она хотѣла такимъ-же образомъ проглотить и вторую жемчужину, но тогда Л. Планкъ, посредникъ этого знаменитаго пари, остановилъ Клеопатру.

Для того, чтобы составить себѣ хотя-бы только слабое, приблизительное понятіе объ образѣ жизни Несравнимыхъ, Клеопатры и Антонія, надо по частямъ представить себѣ сначала всю роскошь обстановки, потомъ вообразить себѣ въ ней цѣлую толпу рабовъ, прекрасныхъ женщинъ, танцовщицъ, акробатовъ, актеровъ и проч.

Надо представить себѣ самые драгоценные камни, мраморы, граниты, лабрадоры, кедровое и черное дерево, порфиры и базальты, агатъ, ляписъ-лазурь, бронзу и серебро, алмазы и золото. Надо вообразить себѣ могучую египетскую архитектуру и прекрасную легкую архитектуру Греціи, надо вспомнить о храмѣ Зевса Олимпійскаго, павильонѣ Рамзеса и развалинахъ Аполлинопа Великаго. Надо представить себѣ царскіе дворцы Александріи, занимавшіе треть города, съ ихъ террасами и висячими садами; аллеи, украшенныя сфинксами, обелисками, громадными пропилеями, необъятныя залы длиною въ триста и шириною въ полтора шаговъ, съ двойнымъ рядомъ колоннъ, высокою въ двадцать метровъ и въ десять метровъ въ окружности, заросшія цвѣтами лотоса. Надо вспомнить эти длинныя галереи съ картинами Зевксиса, Апеллеса и Протогена, гимназіи, театры, ипподромы, триklinii, съ кроватями украшенными серебромъ и коврами. Представимъ себѣ еще роскошныя тѣнистыя сады, гдѣ цвѣтутъ розы, сирень, жимолость, населимъ ихъ цѣлою толпою рабовъ, игроковъ на самбукахъ ¹⁾, танцовщицами, акробатами, мимиками, гимнастами и укротителями змѣй. Представимъ себѣ столы, заставленные самыми разнообразными блюдами и яствами: устрицами изъ

¹⁾ Инструментъ въ родѣ арфы.

Тарента, жареными фламинго съ ихъ красивыми розовыми перьями, фазанами, лебедями, утками, зайцами, громадными трюфелями величиною съ губку, о которыхъ говорили, будто они падаютъ съ неба на подобіе аэролитовъ, пироги съ медомъ, роскошныя фрукты изъ Средиземнаго бассейна. На холуду поставлены разнообразныя вина:—и старое кекубское, и двадцати-лѣтнее фалернское, и фліонтское, Хиосское вино и крѣпкое вино Лесбоса и сладкое изъ Митилена, и сапріасъ съ вкусомъ фіалки и ѳазосъ, „пробуждающее охладѣвшую любовь“. Представимъ себѣ, что въ этихъ роскошныхъ залахъ горятъ тысячи огней, зажжена масса люстръ, бьютъ громадныя фонтаны холодной воды для того, чтобы освѣжить воздухъ; поютъ хоры пѣвицъ подъ акомпаниментъ арфъ и цитръ и подъ эту музыку танцуютъ дѣвушки безъ всякой одежды, только съ золотыми браслетами на рукахъ и ногахъ. Танцы смѣняются различными представленіями, идутъ комедіи, фарсы съ мимикой, упражненія жонглеровъ и акробатовъ и фантазмагоріи мажиковъ; на ипподромѣ происходятъ скачки на колесницахъ и борьба львовъ; даются маскарады, гдѣ вкругъ золотыхъ статуй Вакха и Циприса, пляшутъ пятьсотъ сатировъ и тысяча амуровъ и восемьсотъ прелестныхъ рабынь, переодѣтыхъ нимфами. Если мы представимъ себѣ, что можетъ сдѣлать чувственная и прекрасная женщина, окруженная азіятскою роскошью, величіемъ Египта, изяществомъ и испорченностью Греціи и силою римлянъ, то мы будемъ имѣть нѣкоторое, хотя и слабое, блѣдное, понятіе о томъ, какова была „неподражаемая“ жизнь, которую вели Антоній и Клеопатра.

Иногда Антоній и Клеопатра развлекались совершенно грубыми шутками. Она переодѣвалась служанкою таверны, онъ солдатомъ или матросомъ, и въ такихъ костюмахъ любовники ходили по ночамъ по улицамъ Александріи, стучали въ двери, нападали на запоздавшихъ проходящихъ, входили въ кабаки и ругались съ пьяницами. Къ большому удовольствію Антонія эти столкновенія обыкновенно кончались потасовкою, однако, несмотря на его силу и ловкость, онъ не всегда вы-

ходилъ побѣдителемъ изъ этихъ побоищъ, причемъ попадало и Клеопатрѣ. Но любовники не смущались этимъ и веселые и довольные возвращались въ свой дворецъ съ намѣреніемъ слѣдующую ночь возобновить свои приключенія. Хотя Антоній и Клеопатра скрывали эти прогулки, но ихъ тайна вскорѣ обнаружилась; тѣмъ не менѣе, имъ иногда приходилось быть побитыми.

Эти мальчишескія выходки, однако, нисколько не возбудили александрійцевъ противъ триумвира, какъ это можно было ожидать. Правда, они перестали его уважать, но за то любили его за его простой и веселый нравъ и говорили: „Антоній придаетъ передъ римлянами лицу трагическое выраженіе, но здѣсь, у насъ, лицо его скорѣе напоминаетъ комика“. Приближенные и офицеры Антонія вели такую же праздную, полную роскоши жизни и, конечно, не были нисколько въ претензіи за триумвира. Они всѣ находились подъ обаяніемъ Клеопатры, они влюблялись въ нее, обожали ее, любовались ею, страдали отъ ея жестокихъ сарказмовъ; они даже не возмущались если во время пира, она по знаку Антонія, вставала и исчезала вмѣстѣ съ нимъ изъ зала и черезъ нѣсколько времени снова возвращалась и занимала свое мѣсто на своемъ ложѣ въ столовой. Они лѣзли изъ кожи, чтобы понравиться ей, вызвать у нея улыбку одобренія. Всякій добивался заслужить названіе: *humilillimus assentator reginae* (что означаетъ: наипокорнѣйшій слуга царицы). Чтобы заслужить улыбку Клеопатры, они готовы были забыть даже свое собственное достоинство. Такъ, Плутархъ рассказываетъ, что консуль Л. Планкъ, танцоваль передъ Клеопатрою танецъ Главка въ слѣдующемъ видѣ: совершенно обнаженное тѣло его было выкрашено въ голубой цвѣтъ, голова украшена вѣнкомъ изъ бѣлыхъ розъ и хвостъ рыбы привязанъ къ спинѣ.

Передъ Юліемъ Цезаремъ Клеопатра играла роль коронованной Аспазіи, всегда очаровательной, но умѣвшей соединить достоинство царицы съ ласками любовницы. Куртизанка въ ней скрывалась подъ личиною царицы; Клеопатра отли-

чалась замѣчательно ровнымъ нравомъ, всегда была одинаково весела, довольна, выражалась самымъ изысканнымъ слогомъ, была остроумна, бесѣдовала о политикѣ, искусствѣ, литературѣ; она развивала свои разнообразныя способности для того, чтобы достигнуть степени умственнаго развитія Цезаря. Съ Антоніемъ же Клеопатра сначала по расчету, а потомъ по любви, разыгрывала роль Лайды, рожденной на престолѣ. Она вскорѣ замѣтила, что вкусы у Антонія грубые, что человѣкъ онъ наглый, любить пошлыя шутки и говорить обо всемъ прямо, не стѣняясь нисколько присутствующихъ. Клеопатра подмѣтила все и стала пѣть въ унисонъ. Она не отставала отъ любившаго выпить Антонія и пьянствовала наравнѣ съ нимъ цѣлыя ночи, вплоть до утра. Она сопровождала его по ночамъ по самымъ глухимъ, сомнительнымъ улицамъ Ракотиса, въ старомъ кварталѣ Александріи. Она рассказывала циничныя исторіи, пѣла эротическія пѣсни, декламировала скабрзные стихи. Она затѣвала со своимъ любовникомъ ссоры, доходившія до того, что Антоній ее билъ, но и она не оставалась въ долгу и возвращала ему удары. Ничего не забавляло такъ Антонія какъ видѣть, когда ея маленькая рука била и трепала его и слышать изъ ея божественнаго рта, слова и ругательства, которыя ему приходилась слышать только у сторожей Эскилинскихъ воротъ и въ Субурскихъ трущобахъ.

V.

Зимою 39 года обстоятельства войны при Перузахъ сложились такимъ образомъ, что Антонію надо было ѣхать въ Италію. Эту войну затѣяла жена его Фульвія изъ честолюбія, изъ желанія отомстить за прошлое Октавію и, какъ говорить Плутархъ, изъ ревности. Она надѣялась, что эти волненія заставятъ Антонія разстаться съ Клеопатрой и приѣхать въ Римъ. Антоній дѣйствительно шель къ Бриндузіи съ двумя стами кораблей. Но могущество Октавія въ ту пору достигло высокой степени, соперники его всѣ были сосланы и сама Фульвія обратилась въ бѣгство и потомъ умерла и

не видала болѣе мужа. Антоній узналъ объ ея смерти во время своего проѣзда черезъ Сицилію. Это обстоятельство благоприятствовало миру, такъ какъ не Антоній затѣялъ войну при Перузахъ, а жена его Фульвія и тесть Антоній. Когда умерла Фульвія, то между Октавіемъ и Антоніемъ уже нетрудно было устроить примиреніе. Нерва, Коккей, Полліонъ и Меценъ устроили имъ свиданіе въ Бриндузіи. На этомъ свиданіи они пришли къ взаимному соглашенію и рѣшили подѣлить между собою имперію слѣдующимъ образомъ: Октавій взялъ западную часть вплоть до Адриатическаго моря, Антоній-же получилъ Востокъ, Лепидъ-же долженъ былъ довольствоваться римскими владѣніями въ Африкѣ.

Въ Римѣ послѣ постоянныхъ недавнихъ кровопролитій ничего такъ не желали, какъ мира, а потому остались вполне довольными сдѣланнымъ въ Бриндузіи соглашеніемъ. Чтобы однако упрочить его, друзья триумвировъ рѣшили связать ихъ между собою родственными узами. Первымъ долгомъ рѣшили женить Антонія, только что потерявшаго свою жену Фульвію. Женить его хотѣли на Октавіи, сестрѣ Октавія и вдовѣ Маркелла. Эта знатная женщина, считавшаяся большою красавицей, отличалась рѣдкими качествами ума и была увѣрена въ своей побѣдѣ надъ Антоніемъ; она надѣялась своимъ бракомъ установить прочныя дружескія отношенія между Антоніемъ и своимъ братомъ для пользы ихъ и государства. Октавій одобрилъ этотъ проектъ и Антоній, несмотря на свою любовь къ Клеопатрѣ, изъ политическихъ соображеній, не счителъ возможнымъ отказаться отъ Октавіи. Свадьбу праздновали безъ конца. Хотя по закону вдова имѣла право выйти замужъ только черезъ десять мѣсяцевъ послѣ смерти мужа, но для сестры Октавія сенатъ сдѣлалъ исключеніе и разрѣшилъ бракъ раньше законнаго срока.

Антоній пробылъ въ Римѣ почти весь 39-й годъ. Онъ жилъ въ полномъ согласіи съ Октавіемъ и занимался съ нимъ управленіемъ государства. Но пользуясь одинаковыми правами и почестями съ Октавіемъ, онъ все таки чувствовалъ, что въ Римѣ занимаетъ второе мѣсто. Его гордость стараго

солдата, испытаннаго воина, лейтенанта Цезаря при Фарзалахъ и главнокомандующаго подъ Филиппами была оскорблена этими явными преимуществами совершенно юнаго Октавія. Въ ту пору одинъ знатный египтянинъ, посланный Клеопатрою въ Римъ, еще болѣе укрѣпилъ въ Антоніѣ его мрачныя мысли и подозрѣнія. „Твой умъ, говорилъ египтянинъ, смущаетъ умъ Октавія. Гордый и сильный, когда тебя нѣтъ, онъ теряетъ все свое значеніе, когда появляешься ты. Здѣсь звѣзда твоя меркнетъ, между тѣмъ какъ на Востокъ она блеститъ ярко и сильно“. Новое нападеніе Пароянъ подало Антонію поводъ уѣхать изъ Рима. Онъ взялъ съ собою Октавію и сначала остановился въ Аѣинахъ, гдѣ провелъ всю зиму 38—39 года и забылъ тамъ не только Пароянъ, которыхъ побѣждалъ лейтенантъ его Бентидъ, но даже Александрію и свою „неподражаемую“ жизнь съ Клеопатрою. По всей вѣроятности онъ не любилъ свою новую жену, прекрасную Октавію, такъ сильно, какъ любилъ Клеопатру, но все же любилъ ее. Насколько Антоній былъ силенъ физически и храбръ, на столько же имѣлъ слабую волю и легко поддавалъ вліянію женщины. Сначала онъ подчинялся своей первой женѣ Фульвіи, потомъ очутился подъ башмакомъ Клеопатры, теперь поддался обаянію прекрасной Октавіи.

Въ концѣ зимы онъ отправился въ походъ въ Сирію противъ Антиоха, но вскорѣ вернулся опять въ Аѣины, гдѣ провелъ два года. Въ 36 году снова произошло столкновеніе между Антоніемъ и Октавіемъ; поводомъ къ нему послужила экспедиція противъ пиратовъ, предпринятая Октавіемъ; онъ просилъ Антонія выслать ему подкрѣпленіе, но тотъ отказалъ ему и тогда междоусобная война стала неизбежною. Антоній снарядилъ въ Италію триста военныхъ судовъ, Октавій со своей стороны собралъ свои легіоны. Въ надеждѣ предупредить эту крайне нежелательную войну, Октавія просила Антонія взять ее съ собою въ Италію. Такъ какъ входъ въ Бриндузскую гавань былъ закрытъ, то флоту Антонія пришлось пристать въ Тарентъ. Октавія предупредила объ этомъ, а потому онъ форсированнымъ маршемъ отправилъ свои легіоны

къ этому городу. Октавія хотѣла одна выйти на берегъ. Она направилась по дорогѣ въ Венузы, переходя черезъ укрѣпленія и аванпосты римлянъ и нашла своего брата въ сопровожденіи Агриппа и Мецена. Она съ жаромъ отстаивала невинность Антонія и заклинала Октавію не дѣлать ее несчастною. — „Въ этотъ моментъ, говорила она, всѣ глаза обращены на меня, какъ на жену одного изъ триумвировъ и сестру другаго. Если злоба заведетъ васъ съ братомъ далеко, если война объявится, то остается сомнительнымъ, кто изъ васъ окажется побѣдителемъ; но одно несомнѣнно, что каковъ-бы исходъ войны ни былъ, я буду неутѣшна и несчастна“. Октавій поддался просьбамъ и увѣщаніямъ сестры и такимъ образомъ эта женщина второй разъ дала римлянамъ миръ.

Оба триумвира встрѣтились на набережной Тарента и послѣ взаимныхъ увѣреній въ своемъ уваженіи, они возобновили триумvirатъ снова на пять лѣтъ. Октавій далъ Антонію два легіона для укрѣпленія его войска на Востокѣ, а Антоній уступилъ Октавію для его флота на Средиземномъ морѣ сто трехбаночныхъ галеръ съ парусами и двадцать либурнь ¹⁾. Этимъ кораблямъ пришлось позже одержать побѣду при Акціумѣ! Изъ Тарента Октавія возвратилась въ Римъ одна, безъ Антонія, только съ своими двумя дѣтьми. Антоній же самъ уѣхалъ въ Малую Азію, гдѣ призывала его война съ Парѣами. Супруги рѣшили по окончаніи войны съѣхаться вновь либо въ Аѣинахъ, либо въ Римѣ, гдѣ Антоній рассчитывалъ на встрѣчу съ триумфомъ.

Начиная съ зимы 39-го и до лѣта 36-го года, то есть три долгихъ года, Клеопатра была разлучена съ Антоніемъ. Она царствовала надъ Египтомъ и Кипромъ, воспитывала сына Птолемея-Цезаріона и двухъ другихъ отъ Антонія, у нея были громадныя доходы и неисчислимыя богатства; но она съ трудомъ переносила разлуку съ Антоніемъ; любовь и оскорбленная гордость не давали ей покоя. Двадцати-лѣтняя Клеопатра не любила Цезаря, которому было уже пятьдесятъ

¹⁾ Родъ кораблей.

лѣтъ. Она любила Антонія. Сначала она отдалась триумвиру по расчету, но вскорѣ почувствовала къ этому красивому, суровому воину, сильному какъ Геркулесъ, такую же страстную любовь, какую сама въ немъ возбудила. Если древніе авторы намъ прямо не говорятъ, что Клеопатра любила Антонія, то объ этомъ говорятъ многіе факты, о которы хъ они рассказываютъ, сцены, ими описанныя. При томъ наружность Антонія могла возбудить сильную любовь всякой женщины: онъ былъ высокаго роста, прекрасно сложенъ, имѣлъ широкую грудь, густые, вьющіеся черные волосы, вдумчивые суровые глаза, орлиный носъ и выразительныя черты лица. Первая жена его Фульвія страстно его любила, вторая, Октавія любила такъ, какъ только можетъ любить женщина, наконецъ, Клеопатра дарила его своею любовью. Все это утверждалъ еще Шекспиръ, а мнѣніе этого замѣчательнаго знатока человѣческаго сердца можетъ считаться не менѣе рѣшающимъ, чѣмъ мнѣніе какого нибудь Діона Кассія или Павла Ороза.

Какъ-бы сильно Клеопатра не скучала по Антонію, мы все таки не можемъ себѣ представить ее скорбящею и плачущею въ уединеніи своего дворца. По всей вѣроятности, царица продолжала свою жизнь среди роскоши и веселія, предаваясь развлеченіямъ все время, свободное отъ официальныхъ церемоній, публичныхъ пріемовъ, совѣщаній по дѣламъ государства и совѣтовъ съ архитекторами и инженерами. Какъ всѣ Птоломеи, послѣдняя изъ Лагидовъ занималась украшеніемъ своего царства. Тифоній въ Дендерахъ былъ построенъ въ царствованіе Клеопатры. При ней же производилась постройка большаго храма въ Дендерахъ, храмовъ въ Эдфу, Гермонеѣ, Коптахъ и монументовъ въ Оивахъ, на лѣвомъ берегу Нила.

Клеопатра ни разу не писала Антонію, вѣроятно, желая играть роль равнодушной; хотя болѣе вѣроятно, какъ объясняетъ Плутархъ и доказываетъ Шекспиръ, что она въ теченіи этихъ трехъ лѣтъ имѣла новыя увлеченія. Если вѣрить историку Иосифу, чувственная натура Клеопатры постоянно требовала мимолетныхъ любовныхъ связей. Кромѣ извѣстныхъ

историкамъ пяти любовниковъ ея, у нея навѣрно было не мало неизвѣстныхъ, тайныхъ, не попавшихъ въ лѣтописи. Эти извѣстные пять любовниковъ Клеопатры были: Кней Помпей, Юлій Цезарь, Квинтъ Деллій, Антоній и Геродъ, царь Израильскій. Правда-ли, что у нея было еще кромѣ того много разнообразныхъ связей и анонимныхъ знакомствъ? Какъ-бы то ни было, но если историкъ Иосифъ и правъ, то это еще не доказываетъ, чтобы Клеопатра разлюбила Антонія.

Что касается Антонія, то онъ повидимому забылъ Клеопатру. Въ эти три года онъ постоянно жилъ съ Октавіей то въ Афинахъ, то въ Римѣ, потомъ, по возвращеніи изъ своего похода противъ Антиоха Коммагенскаго, онъ ни разу не посѣщаль Египта; мало того, когда онъ плавать отъ Тарента въ Лаодицею, онъ даже не подумаль захватить на нѣсколько дней въ Александрію, хотя это было по дорогѣ. Онъ поплылъ прямо въ Сирію. Но по какой-то непонятной причинѣ, какъ только онъ ступилъ на берегъ Азіи, онъ почувствовалъ, что любовь его къ Клеопатрѣ снова вспыхнула съ прежнею силою. Онъ расквартировалъ свои войска въ Лаодицеѣ и послалъ своего друга Фонтея Капито въ Египетъ съ порученіемъ пригласить Клеопатру къ нему. Царица не стала медлить отъѣздомъ, какъ пять лѣтъ тому назадъ, съ цѣлью этимъ еще болѣе разжечь страсть Антонія. Напротивъ, она тотчасъ же собралась въ путь и прибыла въ Лаодицею, гдѣ Антоній ее принялъ съ неподдѣльною радостью.

Но не одними поцѣлуями доказываль онъ ей свою радость: онъ подарилъ ей Халциду, Финикію и большую часть Киликіи, іудейскую провинцію Генесареть и Набаѳенскую Аравію. Антоній, собственно, не имѣлъ никакого права распоряжаться этими территоріями, принадлежавшими римлянамъ. Но гордость и любовь лишили его всякаго благоразумія и онъ говорилъ, „что величіе Рима не столько выражается его побѣдами и владѣніями, сколько своими подарками“.

Черезъ нѣсколько дней однако Антонію пришлось разстаться съ Клеопатрою, при чемъ они условились свидѣться

весною въ Александріи. Антоній со своимъ войскомъ направился въ Арменію, Клеопатра же вернулась въ Египеть, проѣхавъ черезъ Апамею, Дамась и Петру; съ іудейскими и аравійскими царями она хотѣла условиться на счетъ размѣра податей, которыя они должны ей платить съ территорій, полученныхъ ею въ подарокъ отъ Антонія. Царь Аравіи обѣщаль платить по триста талантовъ, что составляетъ около ста-шестидесяти тысячъ франковъ, іудейскій же царь назначилъ гораздо большій размѣръ подати. Въ ту пору въ Іудеѣ царствовалъ Геродъ, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ избранный царемъ; онъ отправился на встрѣчу Клеопатрѣ въ Дамась. Согласно Плутарху, Геродъ отличался замѣчательною красотою и отклонилъ далеко нецѣломудренныя заигрыванія царицы и даже предполагалъ убить ее, пока это было въ его власти, для того чтобы освободить Антонія отъ вліянія этой женщины. Но его приближенные и совѣтники отсовѣтовали ему убивать Клеопатру, доказывая, что первымъ долгомъ онъ подвергнется страшной мести триумвира.

Черезъ нѣсколько дней по возвращеніи Клеопатры въ Александрію она получила письмо отъ Антонія изъ Левкокома (городъ въ Сиріи), въ которомъ онъ просилъ ее пріѣхать какъ можно скорѣй и привести съ собою денегъ, провіанта и одежды для его солдатъ. Война эта была несчастна. Антоній думалъ только о томъ, какъ-бы ему свидѣться весною съ Клеопатрою, отъ чего пострадалъ успѣхъ компаніи. Когда онъ прибылъ въ Арменію, ему бы слѣдовало, послѣ перехода въ восемь-тысячъ стадій, сдѣлать зимнюю стоянку и начать военныя дѣйствія только весною, давъ войскамъ отдохнуть и собраться съ силами. Но у него не хватило терпѣнія ждать и онъ поспѣшилъ въ походъ, оставивъ всѣ свои осадныя орудія подъ охраною одного только отряда. Колесницы, башни, катапульты (камнеметательныя орудія), все было разрушено парѣанскою кавалеріей. Вслѣдствіе этихъ потерь Антоній безуспѣшно атаковалъ городъ Фраата. Опасаясь превосходства силъ непріятеля, онъ долженъ былъ отступить. Какъ разъ была середина зимы и легионерамъ приходилось

идти по глубокому снѣгу въ мятель и вьюгу. Каждое утро послѣ ночлега оказывалось нѣсколько человѣкъ замерзшихъ. Въ провіантѣ оказывался недостатокъ, дороги были незнакомы и сильная кавалерія Пароянъ утомляла легионы своими частыми нападеніями. Во время этого печальнаго отступленія, о которомъ не мѣшало бы вспомнить Наполеону, прежде чѣмъ переходить Нѣмазь, Антоній не терялъ своей энергіи и обнаружилъ качества, достойныя всякаго полководца: онъ, казалось, не чувствовалъ ни голода, ни усталости и въ одно и тоже время былъ императоромъ и центуриономъ (сотникомъ, командующимъ сотней). Онъ всегда находился въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ сраженія и въ двадцать-семь дней далъ Пароянамъ восемнадцать сраженій. Сегодня онъ былъ побѣдителемъ, но завтра приходилось возобновлять бой съ неприятелемъ, силы котораго постоянно обновлялись. Въ то время какъ Антоній завоевывалъ часть Сиріи, войско его изъ семидесяти тысячъ человѣкъ, уменьшилось до тридцати-восьми.

Хотя Клеопатра и слѣшила, но Антонию казалось, что она медлитъ и могла бы пріѣхать скорѣе. Нетерпѣніе его перешло въ безпокойство и ему пришло въ голову ужасное предположеніе, что вдругъ Клеопатра ему совсѣмъ даже не отвѣтитъ, какъ побѣжденному. Уничтоженный горемъ, онъ впалъ въ какое-то безсиліе и старался забыться въ винѣ, но ему не удалось этимъ развлечься. Въ самый разгаръ оргіи, онъ внезапно покидалъ своихъ собутыльниковъ, отправлялся на берегъ моря и съ безпокойствомъ всматривался въ туманную даль, въ ту сторону, откуда должна была пріѣхать Клеопатра.

Наконецъ, съ нетерпѣніемъ ожидаемая прибыла и привезла съ собою провіантъ, одежду для солдатъ и около двухъ-сотъ сорока талантовъ денегъ. Для раздачи денегъ легионерамъ, организациі войска и уплаты контрибуціи Антонию пришлось провести нѣкоторое время въ Левкокомѣ. Клеопатра осталась съ нимъ. Въ это время въ Римѣ уже распространился слухъ о безуспѣшности этой компаніи и Октавія изъявила желаніе отправиться въ Азію, не смотря на то, что братъ ея, Октавій, имѣлъ жестокость сообщить ей о связи Антонія съ Кле-

опатрою. Октавія просила брата дать ей корабли, войско и денегъ. До Октавія дошли слухи о преступномъ увлеченіи Антонія египетскою царицею и потому онъ исполнилъ просьбу сестры въ надеждѣ, что ей удастся убѣдить мужа разстаться навсегда съ Клеопатрою. Чтобы однако не встрѣтиться съ Клеопатрою, Октавія остановилась въ Аѳинахъ и оттуда извѣстила Антонія о своемъ пріѣздѣ. Но Антоній не захотѣлъ разстаться со своей любовницею и написалъ Октавіи, чтобы она оставалась въ Аѳинахъ, а его не ждала скоро, такъ какъ онъ отправляется въ походъ противъ Парянянъ. Въ это время Мидійскій царь, осажденный Парянянами, предложилъ Антонію общими усилиями разбить ихъ. Октавія не смутилась тѣмъ, что мужъ ея не пріѣхалъ къ ней въ Аѳины, она снова написала ему; настоящей причины его отказа она, вѣроятно, не знала. Въ этомъ письмѣ не было никакихъ намековъ или догадокъ, молодая женщина спрашивала только Антонія, куда онъ велитъ ей послать войска и провіантъ, привезенный для него изъ Рима. Это подкрѣпленіе было снабжено всѣмъ необходимымъ фуражемъ, военными осадными машинами, а пѣхота, въ числѣ болѣе трехъ тысячъ человѣкъ, была вооружена не хуже когорты преторіанской стражи. Кромѣ того Октавія привезла большую сумму денегъ. Для того чтобы соорудить это подкрѣпленіе и достать необходимыя деньги, Октавіи пришлось продать кое-что изъ своего собственнаго имущества. Со вторымъ письмомъ къ Антонію она послала Нигера. Нигерь бывалъ прежде довольно часто у Антонія и пользовался его уваженіемъ; онъ въ дружескомъ разговорѣ далъ ему понять, насколько онъ неправъ передъ своей женой, Октавіей, этой прекрасной женщиною; онъ совѣтовалъ ему, во имя его чести и славы, разстаться на всегда съ Клеопатрою.

Этотъ совѣтъ поколебалъ Антонія и онъ вздумалъ возвратиться въ Мидію. Такимъ образомъ онъ могъ свидѣться съ Клеопатрою въ Египтѣ, между тѣмъ какъ Октавіи онъ приказалъ остаться въ Греціи. Но Клеопатра съ тонкимъ инстинктомъ любящей женщины читала въ сердцѣ Антонія и боялась вторично потерять своего любовника. Она стала

очаровательнѣе и нѣжнѣе обыкновеннаго, а когда Антоній сталъ приготовляться къ отъѣзду въ Мидію, Клеопатра опасно заболѣла. Она ничего не ѣла, лишилась сна и проплакивала цѣлые дни и ночи. Лице ея поблѣднѣло, глаза впали, взоръ помутнѣлъ, она такъ измѣнилась въ нѣсколько дней, что ее нельзя было узнать. Она съумѣла упросить своихъ наперсницъ и друзей, а также приближенныхъ триумвира, чтобы они укоряли Антонія въ безчувственности. Они даже прямо обвиняли его въ томъ, что онъ сводитъ въ могилу всѣми обожаемую, любимую женщину, которая только живетъ своею къ нему любовью. „Октавія, говорили они, вышла за тебя замужъ только въ интересахъ своего брата и пользуется всѣми преимуществами законной супруги, между тѣмъ какъ Клеопатра, царица надъ столькими народами, носитъ только названіе твоей любовницы: ἐρωμένη Ἀντωνίου. Она не отказывается отъ этого прозвища, не считаетъ его унижительнымъ для себя. напротивъ—гордится имъ. Вся ея гордость, все счастье заключается въ томъ, чтобы жить съ тобою“. Антоній далъ себя уговорить, да притомъ онъ боялся потерять нѣжно-любимую Клеопатру, опасался, чтобы она не умерла отъ горя, или не отравилась. Онъ отложилъ свою экспедицію въ Азію и вернулся съ Клеопатрою въ Александрію, гдѣ снова началась „неподражаемая“ жизнь.

Въ началѣ 34 года Антоній соединилъ свои войска въ Азіи. Въ нѣсколько дней онъ разбилъ Армянь, захватилъ въ плѣнь ихъ царя со всею семьей и опустошилъ страну. Послѣ этого славнаго похода Антонія въ Римѣ ожидали почести. Но изъ за своей любви къ Клеопатрѣ онъ не рѣшился уѣхать и отпраздновалъ свою побѣду въ Александріи: это былъ первый случай, что римлянинъ триумфовалъ внѣ Рима. Это было оскорбленіе столицы, обида Сенату и народу, которые обязательно должны были принимать участіе въ чествованіяхъ побѣды.

Въ Александріи торжество отличалось своею соблазнительностью и великолѣпіемъ. Весь городъ былъ украшенъ цвѣтами и подъ звуки роговъ и трубъ маршировали легіонеры,

за ними шли жрецы, депутаты городовъ съ золотыми коронами, проѣзжали колесницы, наполненные трофеями, а сзади гнали плѣнныхъ мужчинъ и женщинъ. Передъ колесницею триумфатора Антонія, запряженною четырьмя бѣлыми конями, шель пѣшкомъ царь Артаваздъ, его жена и двое сыновей, закованные въ золотыя цѣпи. Когда шествіе это приблизилось къ Клеопатрѣ, воссѣдавшей на своемъ престолѣ, Антоній остановилъ своихъ коней и представилъ царицѣ плѣнныхъ царей. По окончаніи религиозныхъ церемоній и военнаго парада былъ заданъ всему народу Александрійскому громадный обѣдъ. Въ садахъ дворца и во многихъ улицахъ города были установлены обѣденные столы. По окончаніи пира Антоній посадилъ Клеопатру на роскошный престолъ изъ слоновой кости и золота и самъ занялъ мѣсто на совершенно такомъ же тронѣ. Трубы гремѣли и войска въ полномъ вооруженіи окружили престолы обоихъ любовниковъ. Антонію при этомъ вздумалось предложить, чтобы отнынѣ Клеопатра именовалась Царицею Царей (*Βασίλισσα Βασιλέων*), а сынъ ея Цезаріонъ, наслѣдникъ знаменитаго Юлія, — Царемъ Царей. Онъ снова передалъ имъ владычество надъ Египтомъ и Кипромъ и объявилъ народу о томъ, какъ думаетъ устроить своихъ трехъ дѣтей отъ Клеопатры. Старшему сыну Александру, котораго онъ назвалъ Геліосомъ, онъ отдалъ Арменію, Медію и Парянскія земли; дочери Клеопатрѣ, которую онъ назвалъ Зеленою—Ливію, а сыну Птоломею отдалъ Финикію, Сирію и Киликію. Всякое слово Антонія повторялось герольдами (глашатаями), послѣ чего гремѣли трубы. Въ тотъ же день Антоній представилъ народу и войскамъ своихъ державныхъ дѣтей. Александръ выступилъ въ Медійской одеждѣ и съ персидскою короною, въ сопровожденіи взвода Армянскихъ солдатъ. Птоломей явился во главѣ македонскихъ наемниковъ, вооруженныхъ восемнадцати-футовыми копьями.

Клеопатра сама дала примѣръ этому маскараду. Два года тому назадъ, когда Антоній вернулся, покоривъ Финикію, Халкиду и многія другія страны, Клеопатра официально дала себѣ имя Новой Изиды или Новой Богини. Съ того

времени она стала принимать народъ не иначе, какъ въ узкомъ платьѣ Изида, въ коронѣ, украшенной головами ястребовъ и коровьими рогами и лотосовиднымъ скипетромъ въ рукѣ.

Слѣдя своему капризу, Антоній велѣлъ изображать себя на картинахъ и статуяхъ подъ видомъ Озириса и Вакха рядомъ съ Клеопатрою—Изидой и Клеопатрою—Зеленою. Кажется, что Антоній былъ настолько очарованъ, даже просто заколдованъ своею любовницею, что отрекался отъ своей родины. Онъ принялъ должность великаго гимназіарха Александріи; онъ захотѣлъ чтобы профиль Клеопатры былъ выгравированъ на оборотной сторонѣ римскихъ монетъ, онъ осмѣлился вырѣзать ея имя на щитахъ легионеровъ. Онъ дозволялъ, чтобы Клеопатра ѣздила по Александріи, сидя на стулѣ изъ слоновой кости, между тѣмъ какъ онъ самъ, въ пурпуровой одеждѣ и вооруженный кривымъ восточнымъ мечемъ, сопровождалъ ее пѣшкомъ, окруженный египетскими министрами и толпою евнуховъ.

VI.

Свергнувъ Лепида, Октавій превратилъ триумvirатъ въ дуумvirатъ. Имперія была раздѣлена между нимъ и Антоніемъ. Но гордость Антонія не удовлетворялась владычествомъ на Востокѣ, также какъ Октавію казалось недостаточнымъ управлять Западомъ. Два раза междуособная война была отложена, но теперь она казалась неминуемою. По своему замѣчательному благородію Октавій и на этотъ разъ старался не доходить до войны, но увлекающійся Антоній напротивъ непременно желалъ ее. Онъ презиралъ Октавія какъ полководца и льстецы и солдаты, обожавшіе его, предсказывали ему вѣрную побѣду. Клеопатра до сихъ поръ не забыла гордый, недружелюбный пріемъ, оказанный ей въ Римѣ, а потому кипѣла местию. Увѣренная въ военномъ успѣхѣ Антонія, она уже клялась, что „будетъ творить правосудіе въ Капитоліѣ“.

Антоній началъ съ того, что обвинилъ Октавія въ скры-

тыхъ угрозахъ и мстительныхъ замыслахъ. Сторонники и друзья Антонія, которыхъ въ Римѣ было довольно много, а также и посланные изъ Египта, старались распространять въ народѣ слухъ объ этихъ мнимыхъ замыслахъ Октавія. Они говорили, будто Октавій, взявъ у Секста Помпея Сицилію, не счелъ нужнымъ подѣлить съ Антоніемъ свою добычу; мало того, онъ даже не возвратилъ ему взятыя у него сто двадцать трехбаночныхъ галеръ. Онъ свергнулъ Лепида и завладѣлъ провинціями, легіонами и кораблями, предназначенными этому триумвиру. Онъ роздалъ своимъ солдатамъ почти всѣ земли Италіи, не оставивъ ничего для ветерановъ Антонія. Затѣмъ стали критиковать всѣ письменныя распоряженія, сдѣланныя Октавіемъ во время его царствованія. Его стали обвинять въ томъ, что онъ истощалъ Италію налогами и стремится сдѣлаться единодержавнымъ правителемъ. Слухи утверждали даже, будто дѣйствительный наслѣдникъ Цезаря не онъ, Октавій, его племянникъ, а родной сынъ его Цезаріонъ; это будто-бы выяснилось изъ найденнаго недавно духовнаго завѣщанія диктатора. По свидѣтельству Діона Кассія Антоній особенно прогнѣвалъ Октавія тѣмъ, что формально призналъ Цезаріона законнымъ сыномъ Юлія Цезаря.

Между тѣмъ Октавій медлилъ, такъ какъ войска его еще не были готовы. Антоній былъ еще въ ту пору очень популяренъ въ Римѣ, у него тамъ былъ большой кругъ знакомства и жена его, Октавія, старалась поддерживать эти разнообразныя связи. Несмотря на оскорбленіе, нанесенное Октавію ея мужемъ, она оставалась ему вѣрна. Когда она вернулась изъ Греціи, то братъ ея Октавій уговаривалъ ее забыть Антонія и выѣхать изъ его дома, но она наотрѣзъ отказалась послѣдовать этому совѣту. Она продолжала жить въ его роскошномъ домѣ и воспитывала дѣтей Антонія. Приверженцы Антонія и друзья его, посланные изъ Александріи, были увѣрены, что найдутъ въ Октавіи помощь и поддержку. Она не переставала защищать Антонія передъ Октавіемъ, стараясь извинить его ошибки и сумасбродства и говорила, что было-бы непростительно, если два великихъ императора

затѣютъ междоусобную войну, одинъ, чтобы отомстить за личныя оскорбленія, другой изъ за любви къ иностранкѣ.

Девизъ Октавія гласить: *sat celeriter fieri quidquid fiat satis bene*, т. е. то, что дѣлаешь хорошо—дѣлаешь и достаточно быстро. Повидимому Октавій склонялся на увѣренія своей сестры, но если онъ и не снѣшилъ объявлять войну, то это не мѣшало ему исподоволь дѣлать къ ней необходимыя приготовленія. Онъ главнымъ образомъ старался возмутить народъ разказами о недостойной жизни Антонія въ Египтѣ, о его рабскомъ подобострастіи передъ Клеопатрою. Октавій говорилъ въ Сенатѣ, въ народѣ, передъ войскомъ; что Антоній пересталъ быть римляниномъ; онъ полный рабъ египетской царицы, незаконнорожденной дочери Лагидовъ. Его родина не Римъ, а Александрія, которую онъ намѣревается превратить въ столицу имперіи. Боги, которымъ онъ поклоняется—египетскіе боги, какъ Кнуфись съ овечьей головой, Ра съ клювомъ ястреба, лающій Анубись—*latrans Anubis*. Главными совѣтниками онъ выбралъ себѣ евнуха Мардіона, Харміона и Иразъ, служанку этой Клеопатры, которой онъ обѣщалъ подарить Римъ. Эти розказни внушили римлянамъ чувство омерзенія противъ Антонія, которымъ проникнуты и стихотворенія поэтовъ того времени. Такъ напри- мѣръ Гораций восклицаетъ: „между нашими орлами солнце видить, о позоръ, подлое знамя египтянки... Римляне, продавшіе себя женщинѣ, не краснѣя сражаются за нее... Пьяный своимъ счастьемъ и сумасбродными надеждами, это чудовище—*monstrum illud*, мечтаетъ о разрушеніи Капитолія и съ толпою подлыхъ рабовъ и евнуховъ, подготавлиетъ похороны имперіи!“

Консулы, выбранные въ 32 году, Домоцій Агенобарбусъ и Соссій, оба—приверженцы Антонія, пытались спасти его репутацію и въ то же время старались очернить Октавія передъ Сенатомъ. Но большинство оказалось противъ нихъ. Опасаясь гнѣва Переузскаго неумолимаго судьи, они покинули отчизну вмѣстѣ со многими Сенаторами. Они сначала не успѣли свидѣться съ Антоніемъ, который находился въ

Арменія и устраивалъ тамъ обрученіе своего малолѣтняго сына Александра съ дочерью Медейскаго царя, Ютапою. Они написали Антонію, что Октавій подготовляетъ свои войска и что столкновение неизбѣжно. Антоній, какъ опытный полководецъ, для того чтобы обойти своего непріятеля, рѣшилъ перенести арену войны въ Италію. Онъ послалъ Банидія съ шестнадцатью легіонами на берегъ Малой Азіи, а самъ отправился въ Эфесъ, куда должны были направлять свои части и всѣ его союзники. Клеопатра пріѣхала первою и привезла съ собою двѣсти кораблей въ три и даже десять ярусовъ и двадцать тысячъ талантовъ деньгами (сто милліоновъ франковъ).

Но было-бы лучше для Антонія, если-бы этотъ флотъ остался въ Египтѣ, деньги продолжали лежать въ сокровищницахъ Лагидовъ и Клеопатра не выѣзжала изъ Александріи. Въ Эфесѣ, гдѣ она пристала и въ Самосѣ, куда они отправились потомъ съ Антоніемъ, началась та же сумасбродная, „неподражаемая“ жизнь, которую они вели въ Александріи. Постоянно прибывали цари, управители, депутаціи отъ городовъ, и все это привозило Антонію войска и флотъ; ихъ надо было принимать съ разными церемоніями и задавать имъ обѣды и пиршества. Была приглашена цѣлая масса комедіантовъ и канатныхъ плясуновъ. Плутархъ говоритъ, что въ то время какъ вездѣ слышалось бряцаніе оружія, въ Самосѣ раздавался только смѣхъ и звукъ флейтъ и гитаръ. Въ этихъ развлеченияхъ время проходило незамѣтно, быстро, а между тѣмъ нельзя было терять ни минуты.

До того времени друзья и полководцы Антонія, какъ Деллій, Маркусъ Силанусъ, Тиціусъ, Планкусъ также поддали развращающему вліянію Клеопатры и не пытались даже ничего сдѣлать, для того чтобы освободить своего начальника отъ этой опасной женщины. Только Агенобарбусъ, какъ говоритъ Велеусъ Патеркулусъ, рѣшался не величать Клеопатру царицею; онъ прямо высказалъ Антонію, что, по его мнѣнію, египтянку слѣдуетъ выслать обратно въ Александрію вплоть до окончанія войны. Антоній общалъ послѣдовать его совѣту,

но къ его несчастію Клеопатра узнала объ этомъ замыслѣ. Теперь Клеопатра ни за что-бы не рѣшилась покинуть Антонія, такъ какъ опасалась, что Октавіи удастся снова сойтись съ мужемъ, а хитрая египтянка слишкомъ хорошо изучила пылкій темпераментъ и слабый, уступчивый характеръ своего любовника. Имѣлъ-ли онъ настолько силы воли для того чтобы отказаться отъ примиренія съ женою, столь желаемого въ Римѣ? Клеопатра подчинила своему вліянію Канидія, самаго заслуженнаго полководца послѣ Агенобарбуса; пуская въ ходъ просьбы и силу своего кокетства и даже, какъ говорятъ, деньги, она уговорила его поговорить за нее. Онъ сказалъ Антонію, что было бы несправедливо удалять Клеопатру, оказавшую столько помощи для этой войны, что тогда придется лишиться египтянъ, корабли которыхъ составляли главную часть флота Антонія. Онъ прибавилъ еще, что Клеопатра не должна подчиняться совѣтамъ ни одного изъ царей, которые были въ союзѣ съ Антоніемъ; какъ можетъ она подчиняться кому-бы то ни было послѣ того, какъ столько лѣтъ управляла такимъ обширнымъ государствомъ, какъ Египеть. Канидій говорилъ противъ здраваго смысла, но на руку Антонію; не удивительно поэтому, что Клеопатра осталась.

Въ то же время друзья Антонія, оставшіеся въ Римѣ, писали ему, какъ напримѣръ Геминій, и старались убѣдить его бросить свою любовницу. Наконецъ Геминій пріѣхалъ самъ, но никакъ не могъ добиться свиданія съ Антоніемъ наединѣ. Клеопатра подозрѣвала, что Геминій посланъ въ интересахъ Октавіи, а потому не отходила отъ Антонія ни на минуту. Въ концѣ одного ужина, когда Антоній былъ уже совершенно пьянъ, онъ наконецъ спросилъ Геминія о цѣли его путешествія. — „Дѣло, о которомъ я пріѣхалъ говорить съ тобою, сказалъ онъ, важное, а потому я не могу говорить о немъ съ тобою теперь, когда ты навеселѣ. Могу тебѣ сказать только, что все пойдетъ хорошо, если только Клеопатра вернется назадъ въ Египеть“. Тогда Клеопатра воскликнула въ ярости: „ты умно сдѣлалъ, что заговорилъ правду раньше, чѣмъ тебя къ этому принудили пыткой“. Антоній былъ раз-

серженъ не менѣ своей любовницы. На слѣдующій день Геминій чувствовалъ себя въ положеніи небезопасномъ и поспѣшилъ уплыть въ Италію. Мстительная египтянка желала также, чтобы его примѣру послѣдовали и другіе друзья Антонія, соединившіеся у Домиція Агенобарбуса, чтобы спросить объ его отъѣздѣ. Клеопатра своимъ дурнымъ обхожденіемъ, сарказмами, оскорбленіями довела Силануса, Деллія (ея бывшаго любовника, какъ говорили), Планкуса и Тиціуса до того, что они отказались оставаться приверженцами Антонія. Для того чтобы отомстить своему бывшему начальнику и въ то же время расположить къ себѣ новаго, Планкусъ и Тиціусъ, по возвращеніи въ Римъ, стали рассказывать Октавію о разныхъ пунктахъ завѣщанія Антонія; это завѣщаніе, по ихъ мнѣнію, навсегда должно погубить его во мнѣніи римскаго народа. Они говорили, что Антоній призналъ Цезаріона сыномъ Цезаря и распредѣлил всѣ римскія владѣнія на Востокъ между дѣтьми Клеопатры; онъ будто-бы приказалъ, чтобы послѣ его смерти тѣло его было изъ Рима отправлено въ Александрію къ Клеопатрѣ. Они прибавляли при этомъ, что по желанію Антонія они сами должны были читать его духовное завѣщаніе, которое хранится теперь въ коллегіи весталокъ. Октавій потребовалъ духовное завѣщаніе, на что весталки объявили, что отдать его ему не имѣютъ права, если же онъ захочетъ взять его самъ, то пусть пріѣзжаетъ и онѣ сопротивленія оказывать не будутъ. Октавію не въ чемъ было сомнѣваться; онъ взялъ завѣщаніе и велѣлъ прочитать его въ присутствіи всего Сената. Надо отдать имъ справедливость, римскіе сенаторы были возмущены оскверненіемъ завѣщанія Антонія, но еще больше—раздражены его содержаніемъ. Поступокъ Октавія извинялся тѣмъ, что онъ дѣйствовалъ въ интересахъ народнаго блага. Онъ созвалъ совѣтъ, на которомъ было рѣшено и публично объявлено, что Антоній отставляется отъ консульства; въ тотъ же день, то есть 1-го января 31 года Октавій объявилъ войну, но не Антонію, а царицѣ Египта. Такъ нужно было поступить для того, чтобы не оскорбить общественнаго мнѣнія. Октавій не хотѣлъ допустить до того, чтобы римляне сража-

лись противъ римлянъ; онъ зналъ, что Антоній не оставитъ Клеопатры въ опасности. Направляя свои легіоны противъ ненавистной египтянки, Октавій бралъ всю отвѣтственность междоусобной войны на себя.

Антоній и Клеопатра провели въ Аѳинахъ осень 32-го и часть зимы 31-го года. Они вели веселую жизнь, между тѣмъ какъ солдаты ихъ истощали всѣ города Греціи громадными налогами и вездѣ сифшили набрать воиновъ, безжалостно отнимая сыновей отъ матерей и мужей отъ женъ. Клеопатра и Антоній задавали безконечные пиры и оргіи, развлекались представленіями и публичными ристаніями. Ревность мучила Клеопатру, когда ей приходилось слышать, что Аѳиняне вспоминаютъ съ восторгомъ о времени, проведенномъ у нихъ Октавіей. Чтобы расположить къ себѣ народъ, Клеопатра старалась льстить народу и завоевать его любовь и уваженіе своею щедростью. Ей не стоило большаго труда заслужить расположеніе Аѳинянъ и они обѣщали поставить ей памятникъ въ видѣ статуи. Постановленіе это о сооруженіи статуи принесли ей депутаты, между которыми находился и Антоній, въ качествѣ аѳинскаго гражданина. Этотъ декретъ былъ прочтенъ царицѣ, послѣ чего съ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ восхваляли ея добродѣтели и блестящія качества. Тщеславіе Клеопатры было удовлетворено, но ненависть противъ Октавіи не была уничтожена. Она потребовала, чтобы Антоній развелся съ женою и послалъ сообщить ей объ этомъ именно изъ Аѳинъ, гдѣ онъ провелъ съ Октавіей три счастливыхъ года. Октавія должна была навсегда покинуть домъ Антонія и увести съ собою его дѣтей. Вся въ слезахъ и глубокомъ траурѣ вышла она изъ дома своего мужа, котораго, не смотря ни на что, все еще любила.

VII.

Антоній не оставлялъ своего проекта, состоявшаго въ томъ, чтобы перенести войну въ Италію и тѣмъ не дать Октавію возможности собрать въ одномъ мѣстѣ свои военныя силы. Но онъ потерялъ не мало времени въ бездѣйствіи.

Весною 31-го года его войска и эскадры были собраны въ Акціумѣ, при входѣ въ Амбрасійскій проливъ, и были готовы уже къ отъѣзду, Но вдругъ распространился слухъ о томъ, что у береговъ Эпира показались римскіе корабли. Это былъ только авангардъ флота Агриппы, но появленіе этихъ передовыхъ отрядовъ въ водахъ Греціи доказывало, что приготовления Октавія должны быть уже окончены и захватить его врасплохъ уже было невозможно. Антоній рѣшилъ тогда ждать, пока придутъ еще корабли римлянъ и обнаружатъ свою тактику. Флотъ и войско Антоній оставилъ въ Акціумѣ, а самъ съ Клеопатрой отправился въ Патрасъ. Въ началѣ августа мѣсяца онъ узналъ, что флотъ Октавія бросилъ якорь близъ Эпирскаго берега, что войска высаживались и Октавій находился уже въ Торинѣ. Антоній снова возвратился въ Акціумъ очень недовольный тѣмъ, что непріятель такъ скоро и легко занялъ выгодную позицію.

Во время переѣзда Клеопатра старалась разсѣять его своими шутками. „Не велика бѣда,—говорила она,—что Октавій сидитъ на уполѣвникѣ“¹⁾. Шутка эта не лишена остроумія, такъ какъ Торинъ по гречески значитъ уполовникъ.

Армія Антонія простиралась до стадесяти тысячъ человекъ и состояла изъ двѣнадцати легионовъ, двѣнадцать тысячъ кавалеріи и многочисленнаго подкрѣпленія изъ киликійцевъ, пафлагонійцевъ, іудеевъ, медійцевъ и арабовъ. Флотъ его состоялъ изъ пятисотъ караблей въ три, пять, восемь и десять ярусовъ. Эти корабли были построены въ Египтѣ и представляя цѣлыя плавающія крѣпости, снабжены башнями, метательными и другими военными машинами. У Октавія было восемьдесятъ тысячъ фантассиновъ, набранныхъ въ Италиі, Сициліи, Испаніи и Галліи, десять тысячъ кавалеріи, но только двѣсти пятьдесятъ судовъ — трехбаночныхъ галеръ и легкихъ либурнъ. Сухопутныя силы, такимъ образомъ, у противниковъ были почти одинаковы, но морскія — были распределены не равномерно. Но преимущества флота Октавія

¹⁾ Ложка для сивжанія наклици.

состояли въ искусномъ маневрированіи и превосходствахъ моряковъ, сражавшихся съ успѣхомъ еще въ Сициліи, подъ начальствомъ Агриппы. Напротивъ, моряки Антонія были мало опытны и большинство ихъ отправлялось въ бой только въ первый разъ. Его громадные, тяжелые корабли съ трудомъ могли маневрировать.

Антоніанцы заняли сѣверный пунктъ Акарнаніи, вблизи Акціумскаго мыса, отрядивъ большую часть своихъ силъ на Эпирскій берегъ. Прочно укрѣпившись въ траншеяхъ, сооруженныхъ еще зимою, войско Антонія защищало узкій проходъ въ Амбрасійскій проливъ. Октавій разбилъ свой лагерь въ Эпирѣ, на небольшомъ разстояніи отъ аванпостовъ непріятеля. Позиція Антонія была очень выгодная и позволяла ему долго отбивать приступы римлянъ, такъ какъ проходъ Акціумъ считался неприступнымъ; но ему было отрѣзано море, откуда прибывалъ къ нему почти весь провіантъ.

Октавій сторагъ нетерпѣніемъ дать сраженіе на сушѣ, или на водѣ. Антоній былъ разстроены, и въ безпокойствѣ не зналъ, на что рѣшиться. Онъ посадилъ большую часть своихъ войскъ на корабли и отправилъ ихъ на Эпирскій берегъ, какъ будто онъ собирался сдѣлать нападеніе на римскій лагерь. Потомъ онъ внезапно раздумалъ и перевезъ обратно своихъ солдатъ въ Акарнанію. Офицеры Антонія мало надѣялись на тактическія достоинства своихъ громадныхъ, тяжелыхъ кораблей, но зато вполне полагались на мужество и испытанность своихъ легионеровъ; поэтому они посоветовали Антонію дать лучше сраженіе на сушѣ, замѣтивъ, что такова просьба солдатъ.

Во время одного смотра войскъ къ Антонію обратился одинъ старый центуріонъ ¹⁾, весь покрытый рубцами и сказалъ: „Императоръ, неужели ты не довѣряешь этимъ ранамъ и этому мечу, что ты возлагаешь свои надежды на гнилое дерево (корабли)? Пускай Финикійцы и Египтяне сражаются на морѣ; что же касается насъ, то позволь намъ сражаться

¹⁾ Сотникъ.

на сушѣ, гдѣ мы привыкли дѣйствовать дружно и либо побѣдить, либо умереть!“.

Но Антоній мучился мрачными предзнаменованіями. Во многихъ городахъ молнія разбила статуи его и Клеопатры. Въ Альбѣ одна мраморная статуя, воздвигнутая въ честь Антонія оказалась покрытою потомъ. Но еще о болѣе странномъ предзнаменованіи рассказываетъ Плутархъ: будто ласточки свили свои гнѣзда подъ кормою царской галеры Клеопатры Антоніады; но внезапно явились другія ласточки, прогнали первыхъ, выбросили изъ гнѣздъ и умертвили птенцовъ.

Произошло нѣсколько стычекъ въ окрестностяхъ Акціума и антоніанцы всякій разъ терпѣли пораженія. Домицій Агенобарбусъ измѣнилъ Антонію и перешелъ въ непріятельскій лагерь; за нимъ Антонія оставили двое союзныхъ царей и увели съ собою свои войска; всѣ эти непріятныя происшествія, вмѣстѣ съ дурными предзнаменованіями, дѣйствовали удручающимъ образомъ на душу Антонія. Онъ сомнѣвался въ своемъ успѣхѣ, сомнѣвался въ своихъ друзьяхъ, не довѣрялъ солдатамъ и даже самой Клеопатрѣ. Ее тоже мучили странныя предзнаменованія, разбитыя молніей статуи, ласточки на Антоніадѣ, а потому она была печальна, потеряла мужество и была погружена въ мрачныя размышленія. Антоній видѣлъ все это и у него явилось страшное подозрѣніе, что она намѣревается отравить его и этимъ заслужить расположеніе Октавія. Нѣсколько дней онъ не рѣшался съѣсть ни одного блюда, прежде чѣмъ она при немъ не пробовала его на вкусъ. Изъ жалости къ своему любовнику, Клеопатра охотно исполняла этотъ его капризъ. Однажды вечеромъ однако, по окончаніи трапезы, Клеопатра оторвала изъ своего вѣнка розу, оборвала ей лепестки, бросила ихъ въ кубокъ съ виномъ, и смѣясь подала Антонію. Но какъ только онъ поднесъ его къ губамъ, она удерживаетъ его и велитъ выпить отравленное вино невольнику, который тутъ же кончается на ихъ глазахъ въ страшныхъ предсмертныхъ судорогахъ. — „О Антоній! воскликнула Клеопатра, какъ можешь ты подозрѣвать такую женщину, какъ я?! Ты видишь, что если-бы я могла жить

безъ тебя, я давно имѣла бы случай и полную возможность убить тебя“.

Безпокойство, упадокъ духа, овладѣли войскомъ Антонія, когда стали замѣчаться недостатки въ провіантѣ и начались болѣзни. Даже Канидій, все время съ нетерпѣніемъ ожидавшій боя, теперь совѣтовала оставить флотъ и идти сражаться во Фракію, куда Дикомъ, царь Гетовъ, обѣщала прислать подкрѣпленіе. Но Антоній вовсе не нуждался въ подкрѣпленіи, такъ какъ численностью войско его превосходило непріятеля. Клеопатра предложила другой исходъ, хотя не менѣе постыдный, но за то болѣе благоразумный. Если уже бѣжать, говорила она, то лучше уйти въ Египеть, чѣмъ во Фракію. Она предложила оставить часть войска въ Греціи, въ качествѣ гарнизона закрѣпленныхъ городовъ, посадить остальную часть на корабли, и поплыть въ Египеть, миновавъ флотъ Октавія. Послѣ нѣкотораго колебанія, Антоній принялъ этотъ проектъ, хотя, безъ сомнѣнія, ему не легко было рѣшиться бѣжать передъ войскомъ, вождя котораго онъ презиралъ. Прежде всего, однако, Антоній надѣялся разбить римскій флотъ въ морскомъ сраженіи, которое было необходимо, для того чтобы выйти изъ узкаго прохода въ Акціумскую гавань. Если побѣда будетъ на его сторонѣ, то онъ будетъ въ состояніи снова возвратиться на свою позицію и атаковать войско Октавія.

Антоній не допускалъ, чтобы онъ могъ потерпѣть пораженіе, имѣя такой сильный флотъ; если же морское сраженіе останется нерѣшеннымъ, то онъ отправится въ Египеть.

Вслѣдствіе побѣговъ и болѣзней число галерныхъ гребцовъ значительно уменьшилось, поэтому Антоній рѣшилъ съечь сто сорокъ кораблей, для того чтобы такимъ образомъ пополнить экипажъ оставшихся.

Двадцать двѣ тысячи легионеровъ, наемниковъ и союзниковъ было посажено на корабли. Чтобы однако не обезкуражить солдатъ и матросовъ, держали въ тайнѣ, что, собственно, подъ видомъ приготовленій къ сраженію, готовятся къ отступленію. Тайна была такъ хорошо сохранена, что

штурмана удивлялись, когда было сдѣлано распоряженіе поднять паруса. Они возражали, что во время боя достаточно маневрировать веслами и рулемъ. Тогда Антоній велѣлъ распространить слухъ, что паруса берутся для того, чтобы успѣшнѣе преслѣдовать непріятеля послѣ побѣды.

Второго Сентября, утромъ, корабли Антонія, образуя четыре большія дивизіи, направились къ Акціумскому каналу и когда вышли изъ него, то построились и приготовились къ бою и приблизились къ флоту Октавія, поджидавшего ихъ въ восьми или десяти стадіяхъ отъ берега. Правымъ крыломъ Антоніанцевъ командовалъ самъ Антоній и Публикола; центромъ Маркъ Юстей и Маркъ Октавій, лѣвое же крыло находилось подъ предводительствомъ Целія. Клеопатра осталась въ резервѣ съ шестидесятью египетскими кораблями. У римлянъ правымъ крыломъ командовалъ Октавій, лѣвымъ Агриппа, а центромъ—Аррунтіи. Бой завязался около полудня. Войска, оставшіяся въ полномъ вооруженіи на берегу, недоумѣвали, почему сраженіе ведется совершенно не такъ, какъ-бы слѣдовало. Галеры не ищутъ столкновеній, съ цѣлью разбить другъ друга своими мѣдными носами, чѣмъ обыкновенно начинались морскія сраженія того времени. Тяжелые корабли Антонія не могли двигаться съ достаточною скоростью, для того чтобы нанести сильный толчекъ судамъ противника, легкія же галеры римлянъ боялись приблизиться и быть разбитыми метательными и другими орудіями непріятельскихъ кораблей. Три или четыре галеры римлянъ должны были соединенными усиліями нападать на одинъ корабль Антонія. Солдаты бросали желѣзные крюки, стрѣляли зажженными стрѣлами въ верхнія палубы, прицѣпляли брандеры къ полводнымъ частямъ корабля, дѣлали вылазку, между тѣмъ какъ могучія батареи, расположенныя на вершинахъ башенъ осаждаемыхъ судовъ, засыпали нападающихъ цѣлымъ градомъ стрѣлъ и камней.

Сначала правое крыло римлянъ, предводительствуемое Октавіемъ, отступило подъ натискомъ Целія. На другомъ концѣ поля сраженія Агриппа сдѣлалъ попытку окружить Антонія и Публиколу, вслѣдствіе чего остался безъ прикрытія центръ.

Этим воспользовались подвижныя либуры, для того чтобы забраться на корабли обоихъ Марковъ, за которыми находились резервы Клеопатры. Борьба шла съ переменнымъ счастьемъ, и обѣ стороны сражались съ одинаковымъ ожесточеніемъ. Но все дѣло испортила своимъ нетерпѣніемъ нервная Клеопатра. Отъ сильнаго безпокойства ее уже нѣсколько часовъ была лихорадка. Со своего мостика на Антоніадѣ она съ волненіемъ слѣдила за ходомъ сраженія и въ началѣ ей казалось, что побѣждаютъ они. Но теперь, разстроенная шумомъ битвы и воплями, она думала только о томъ, какъ-бы спастись бѣгствомъ. Она съ возрастающимъ нетерпѣніемъ ежеминутно ожидала сигналъ къ отступленію, но напрасно... Вотъ она видитъ, какъ правое крыло растягивается вдоль Эпирскаго берега, между тѣмъ какъ лѣвое крыло приближается къ открытому морю, между тѣмъ какъ центръ, подъ прикрытіемъ котораго находится она со своимъ резервомъ, центръ этотъ атакованъ, разстроенъ, разъединенъ римскими либурами и ему грозитъ опасность потерпѣть пораженіе. Блѣдная отъ страха, боясь приближенія смерти—*pallens morte futura*,—Клеопатра вполнѣ подчинилась своему паническому страху и даетъ приказаніе поднимать паруса и захвативъ съ собою свои шестьдесятъ кораблей, выѣзжаетъ въ открытое море. Въ самый разгаръ битвы Антоній замѣтилъ движеніе египетской эскадры и тотчасъ же узналъ красные паруса Антоніады. Онъ видитъ, что Клеопатра обратилась въ бѣгство и въ рѣшающую минуту увезла съ собою свое сильное подкрѣпленіе, хотя было условлено, что не она, а Антоній самъ дастъ сигналъ къ отступленію. Происходитъ смятеніе, паника овладѣваетъ людьми и Антоній отдаетъ приказаніе поднять паруса своей галеры и направляется вслѣдъ за Клеопатрой, въ надеждѣ вернуть резервъ и тѣмъ обезпечить за собою успѣхъ сраженія. Но тутъ ему вдругъ приходитъ въ голову ужасная мысль. А что если Клеопатра измѣнила ему, а потому покинула его? Тогда ему не удастся вернуть въ Акціумъ ни ее, ни кораблей! Потому онъ думаетъ вернуться въ Акціумъ одному и въ бою умереть со своими солдатами. Но умереть, не повидавшись съ

Клеопатрою, было выше его силъ! Онъ на это не можетъ рѣшиться. Какая-то роковая сила увлекаетъ его по пятамъ этой женщины. Онъ поднимается на Антоніаду, но чувство стыда и презрѣнія передъ самимъ собою овладѣваетъ имъ вполнѣ. Онъ садится на носовую часть корабля, закрываетъ глаза руками и въ такомъ положеніи остается совершенно неподвижнымъ три дня и три ночи.

VIII.

Египетскій флотъ и большое число другихъ судовъ, послѣдовавшихъ за бѣглецами, бросили якорь въ Кенополисѣ, около Тенарскаго мыса. Клеопатра послала десять разъ своихъ женщинъ къ Антонію звать его къ себѣ, но тотъ, казалось, и не слышалъ, что онѣ ему говорили. Но наконецъ Антоній отправился къ царицѣ и они ужинали и провели ночь вмѣстѣ. Стали пріѣзжать друзья Антонія, которымъ удалось спастись и привозили извѣстія съ поля сраженія. Антоніанскій флотъ долго сопротивлялся, но теперь всѣ уцѣлѣвшіе корабли были захвачены Октавіемъ. Сухопутное войско оставалось на своей позиціи и не измѣнило Антонію. Антоній послалъ Канидія и курьеровъ на поле сраженія, давъ имъ распоряженіе собрать войска, а самъ отправился въ Киренаику, гдѣ имъ было оставлено нѣсколько легионовъ. На одномъ изъ его кораблей везли его драгоценности и всю серебряную и золотую посуду, на которой онъ угощалъ союзныхъ царей. Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Кенополиса, Антоній подѣлилъ свои богатства между нѣсколькими друзьями и уговаривалъ ихъ поселиться въ Греціи; онъ на отрѣзъ отказывалъ имъ въ томъ, чтобы они принимали какое-либо дѣятельное участіе въ его злополучной судьбѣ. Прощаясь съ ними, онъ дружескимъ тономъ говорилъ съ ними, сожалѣлъ ихъ и смотрѣлъ на ихъ слезы съ улыбкою, полною грусти.

Клеопатра уѣхала изъ Греціи на нѣсколько дней раньше Антонія. Ей необходимо было вернуться въ Египетъ, такъ

какъ она опасалась, какъ-бы пораженіе въ Акціумѣ не вызвало возмущенія египтянъ.

Но для того, чтобы обмануть народъ на нѣсколько дней и въ это время принять свои мѣры, она въѣхала въ Александрію съ торжественностью побѣдительницы. Съ кораблей ея, украшенныхъ въ переднихъ частяхъ коронами, раздавались побѣдныя пѣсни, звуки флейтъ и сирей*). Какъ только она прибыла въ свой дворецъ, Клеопатра приказала казнить нѣкоторыхъ сановниковъ, измѣны которыхъ она могла опасаться. Эти казни были выгодны для государственной казны, потому что по египетскимъ законамъ имущество казненныхъ конфисковалось. Когда казни уже были совершены, Клеопатра стала опасаться, что теперь революція стала неизбежною. Но она не такъ ужасалась за будущее, какъ оставалась еще подъ впечатлѣніемъ страха, овладѣвшаго ею въ Акціумѣ. Иногда, обуреваемая мрачными мыслями, она желала смерти такой-же пышной, какою была ея жизнь. Она приказала построить на берегу моря, на стрѣлкѣ Лохіасскаго мыса, громадный костеръ, на которомъ хотѣла сгорѣть вмѣстѣ со всѣми своими драгоценностями. Другой разъ ей приходила мысль о побѣгѣ. По ея приказанію большое число ея громадныхъ кораблей были снабжены необходимымъ экипажемъ, машинами и вьючными животными и отправлены на другой берегъ къ Красному морю. Клеопатра мечтала о томъ, чтобы взять съ собою всѣ свои богатства и начать въ какой-нибудь незнакомой странѣ Азіи или Африки новую роскошную и изнѣженную жизнь.

Вскорѣ въ Александрію вернулся Антоній. Онъ совсѣмъ потерялъ всякое мужество. Канидій бѣжалъ и войско въ Акарнаниі, послѣ семи-дневнаго приступа, сдалось Октавію. Въ Киренаикѣ ему даже не удалось повидать своего офицера, Скарпа, который, перейдя на сторону цезаріанцевъ, угрожалъ подослать къ нему убійцъ. Геродъ, котораго онъ самъ назначилъ іудейскимъ царемъ, не замедлилъ выразить свои вѣрноподданническія чувства Акціумскому побѣдителю, Окта-

*) Погремушки у Египтянъ.

вію. Вездѣ Антонія ожидала измѣна, какъ со стороны союзниковъ, такъ и — легионовъ. Онъ дошелъ до того, что сталъ сомнѣваться въ Клеопатрѣ и одно время не хотѣлъ ее даже видѣть. Онъ ропталъ на жестокихъ боговъ, но еще больше на человѣческую подлость и рѣшилъ провести остатокъ дней своихъ въ полномъ уединеніи. Тогда ему припомнилась печальная исторія Тимона, которую ему приходилось слышать въ болѣе свѣтлые дни своей жизни. Обреченный на жизнь, выпавшую на долю Тимона, Антоній поселился на пустынномъ молѣ *) Посидона и занялся постройкою башни, которую онъ хотѣлъ назвать Тимоніономъ.

Клеопатра не такъ легко мирилась со своей судьбою. Приходя въ полное отчаяніе въ минуты опасности, теряя совершенно мужество, она вскорѣ-же прибрѣтала всю свою энергію, какъ только снова находилась въ безопасности. У Клеопатры было слишкомъ пылкое воображеніе, для того чтобы совершенно, или надолго, предаться отчаянію. Она узнала, что корабли ея, отправленные въ Красное море, сожжены аравитянами; этимъ бѣгство сдѣлалось ей невозможнымъ, а потому она рѣшила бороться. Въ то время какъ Антоній предавался тихому отчаянію, Клеопатра собирала новыя войска, снаряжала новые корабли, заключала новые союзы, исправляла укрѣпленія въ Пелузахъ и Александріи, раздавала оружіе въ народъ и для того, чтобы воодушевить александрійцевъ къ оборонѣ своего города, она велѣла записать своего сына Цезаріона въ милицію. Антоній восхищался мужествомъ и дѣятельностью Клеопатры. Друзья уговорили его бросить свое уединеніе, да ему оно и самому стало тяжело, а потому онъ вернулся во дворець. Царица встрѣтила его такъ, какъ встрѣчала его, когда онъ побѣдоносный возвращался изъ Киликіи, или Арменіи. Начались съ его новыми друзьями безконечныя празднества, банкеты, оргіи, но Антонія и Клеопатру изъ „Неподражаемыхъ“ переименовали въ „Неразлучныхъ“: *οι συναποθανοῦμενοι*.

*) Каменный валъ въ морѣ.

Выборъ этого мрачнаго названія даетъ ясное понятіе о душевномъ состояніи обоихъ любовниковъ. Антоній, казалось, потерялъ всякую надежду, Клеопатра не вполне еще потеряла надежду, хотя временами впадала въ мрачное отчаяніе. Въ эти тяжелые дни, она спускалась въ склепы дворца, помѣщавшіеся рядомъ съ тюрьмами, гдѣ содержались приговоренные къ смертной казни. По приказанію царицы невольники приводили ихъ переть нею и она испытывала на нихъ дѣйствіе различныхъ ядовъ. Клеопатра внимательно слѣдила за смертною агоніей несчастныхъ. Эти опыты повторялись часто, такъ какъ Клеопатра не могла напасть на тотъ ядъ, который убиваетъ быстро и безъ сильныхъ мученій.

Она замѣтила, что яды сильные убиваютъ быстро, но вызываютъ ужасныя мученія, яды же менѣе энергичные производили безконечно долгую агонію. Потомъ ей пришло въ голову испробовать ядъ змѣй. Сдѣлавъ нѣсколько опытовъ, она убѣдилась, что ядъ одной египетской гадюки, называемой по гречески асписомъ (*aspis*), не причиняетъ ни конвульсій, ни мученій, а напротивъ, смерть самую тихую, похожую на спокойный сонъ. Что же касается Антонія, то онъ, подобно Катону и Бруту, могъ надѣяться на свой мечъ.

Во время этихъ приготовленій къ оборонѣ и смерти, Антоній и Клеопатра, однако, не забывали возобновить свои сношенія съ ихъ побѣдителемъ. Антоній написалъ Октавію, который находился въ началѣ зимы въ Сиріи, гдѣ сосредоточились теперь его главныя военныя силы. Антоній напомнилъ ему ихъ прежнія дружескія отношенія, ссылаясь на свои многочисленныя заслуги, извинялся за свои ошибки и предлагалъ сложить оружіе съ условіемъ, чтобы ему было разрѣшено жить въ Александріи частнымъ человѣкомъ.

Октавій даже не удостоилъ его своимъ отвѣтомъ. Онъ не отвѣтилъ и на второе письмо, въ которомъ Антоній писалъ, что покончить съ собою, если только Клеопатра будетъ продолжать царствовать въ Египтѣ. Со своей стороны царица, по просьбѣ Антонія, послала гонцовъ къ Октавію съ богатыми подарками. Посланный объяснялъ Октавію, что нена-

висть его къ Антонію не должна распространяться также и на царицу, такъ какъ никоимъ образомъ ее нельзя обвинять въ послѣднихъ событіяхъ: вѣдь Римъ самъ объявилъ войну Египту для того, чтобы покончить этимъ способомъ съ Антоніемъ. А разъ Клеопатра была вызвана на бой, то, конечно, должна была принять мѣры для своей защиты. Теперь-же, когда Антоній побѣжденъ и долженъ либо скрываться, либо покончить съ собою, римляне должны смилостивиться надъ Клеопатрою и оставить за ней престоль.

Октавій видѣлъ уже себя властелиномъ Египта и даже всего міра. Для него не представлялъ никакой опасности осколокъ меча, оставшійся въ рукѣ Антонія и еще менѣе опасался онъ остатковъ войска и флота Клеопатры. Но двѣ вещи казались для Октавія неисполнимыми: это завладѣть несмѣтными богатствами Клеопатры для того, чтобы уплатить своимъ легионерамъ и заставить Клеопатру фигурировать на его торжествѣ. Клеопатру могла похитить смерть, а богатства ея могли погибнуть въ огнѣ. У Октавія въ Александріи было не мало шпионовъ, которые доносили ему, что Клеопатра дѣлаетъ опыты съ разными ядами, а всѣ свои несмѣтныя богатства она замуравила въ своемъ будущемъ склепѣ. Октавій видѣлъ, что надо приложить хитрость для того, чтобы осуществить свои замыслы по отношенію къ египтянкѣ. Онъ принималъ ея подарки и сдѣлалъ видъ, что убѣдился въ справедливости словъ ея посланнаго; онъ велѣлъ ей передать, что не лишитъ ее престола, если она заставитъ убить Антонія. Но черезъ нѣсколько дней Октавій спохватился, что тактика съ Клеопатрою не достигнетъ цѣли, а надо дѣйствовать болѣе рѣшительно. Онъ послалъ къ ней одного изъ своихъ приближенныхъ, Өирея. Пріѣхавъ въ Египетъ, Өирей довольно непочтительно и дерзко говорилъ передъ Антоніемъ и дворомъ, причемъ высказывалъ настоящія чувства и мысли Октавія. Но, послѣ тайнаго свиданія съ Клеопатрою, онъ сталъ увѣрять противное, сталъ говорить, что довѣритель его велѣлъ только снова передать царицѣ, что бояться ей рѣшительно нечего. Чтобы убѣдить ее, онъ старался увѣрить ее

въ томъ, что Октавій ее любить такъ, какъ нѣкогда ее любилъ Цезарь и Антоній. Клеопатра имѣла нѣсколько аудіенцій съ Эиремъ и публично увѣряла его въ своемъ дружескомъ расположеніи.

У Антонія явилось страшное подозрѣніе въ томъ, что Клеопатра ему измѣнила, и онъ воспользовался остаткомъ своей власти для того, чтобы отомстить Эирею. Оскорбляя его достоинство посланника, онъ велѣлъ его побить хлыстами до крови и въ такомъ видѣ послалъ назадъ къ Октавію.

Гнѣвъ Антонія доказываетъ, что Клеопатра внимательно слухала Эирея. Женщина легко вѣритъ подобнымъ объясненіямъ, особенно если эту женщину сильно любили. Правда, Клеопатрѣ было уже тридцать семь лѣтъ, но это не мѣшало ей вѣритъ все еще въ силу своего обаянія. Она знала, что Октавій ни разу не видѣлъ ее, или если и видѣлъ, то только мелькомъ, въ Римѣ, послѣ смерти Цезаря. Но это ничего не значило. Вѣдь, слухъ о ея необычайной красотѣ не могъ не достигнуть его и во всякомъ случаѣ онъ могъ желать познакомиться съ Клеопатрой ближе, хотя-бы изъ любопытства. Клеопатра страстно любила Антонія, но не только за его мужественную красоту; его слава и могущество поддерживали и упрочили ея любовь, воодушевляли ее. Теперь Антоній былъ бѣглець, побѣжденъ, оставленъ и обманутъ своими друзьями и покинутъ своими легіонами; онъ потерялъ всякую надежду и мужество и вполне подчинился своей участи. Его странное уединеніе въ Тимоніенской башнѣ, въ то время какъ Клеопатра отдалась лихорадочной дѣятельности, вызвало въ сердцѣ царицы къ Антонію скорѣе чувство презрѣнія, нежели сожалѣнія, сочувствія. Женщины вообще не понимаютъ и не извиняютъ тѣ моменты полного отчаянія и упадка энергіи, которые могутъ наступить у самыхъ сильныхъ мужчинъ. Но какъ мало любви у Клеопатры къ Антонію ни осталось и какъ ее не взволновали разговоры съ Эиремъ и перспективы, которыя онъ рисовалъ ей, она и не думала убивать Антонія, или предать его Октавію. Угрожаемому въ Александріи и покинутому послѣдними своими легіонерами, Антонію оставалось

только надѣяться на сомнительную вѣрность египетскихъ войскъ, а потому онъ бѣжалъ въ Нумидію или Испанію.

Около середины весны 30-го года распространился въ Александріи слухъ, что римское войско переступило восточную границу Египта. Антоній собралъ все свое войско и пошелъ на встрѣчу неприятелю. Подъ стѣнами укрѣпленнаго города Парэтоніумъ произошло сраженіе и Антоній, отчаянно сражавшійся съ горстью людей, былъ опрокинутъ. Когда онъ вернулся въ Александрію, то Октавій находился отъ нея въ разстояніи всего двухъ переходовъ. Въ то время какъ офицеръ его, Корнелій Галль, проникъ въ Египетъ черезъ Киренаику, Октавій самъ прошелъ въ нее черезъ Сирію и послѣ кратковременной осады взялъ Пелузы. Относительно капитуляціи Пелузъ послѣдніе Антоніанцы утверждали, что городъ сдался вслѣдствіе измѣны, что Селевкъ призналъ себя побѣжденнымъ по приказанію самой Клеопатры. Правда-ли, что царица сдѣлала подобныя распоряженія? Это кажется очень сомнительнымъ. Чтобы оправдать себя противъ этихъ подозрѣній передъ Антоніемъ, Клеопатра выдала ему жену и дѣтей Селевка и разрѣшила предать ихъ по его желанію смертной казни.

Конечно, этотъ поступокъ былъ только слабымъ доказательствомъ невинности Клеопатры, но Антоній долженъ былъ довольствоваться и этимъ. Она извинялась передъ нимъ и проливая горячія слезы (искреннія или фальшивыя?) и ей удалось умилостивить своего любовника. Впрочемъ, теперь было не время для объясненій, а слѣдовало сражаться.

Октавій расположился со своими войсками на высотахъ, въ двадцати стадіяхъ къ Западу отъ Александріи. Антоній предпринялъ самъ кавалерійскую рекогносцировку въ этомъ направленіи и недалеко отъ Гипподрома столкнулся съ римскою кавалеріей. Завязалось отчаянное кровопролитное сраженіе и, не смотря на свое значительное численное превосходство, римляне были опрокинуты и разбиты на голову. Антоній преслѣдовалъ ихъ до самыхъ укрѣпленій, послѣ чего вернулся въ городъ счастливый и гордый этою побѣдою, не

имѣвшей никакого важнаго значенія. Передъ дворцомъ онъ соскочилъ съ коня и, не снимая оружія, въ шлемѣ и латахъ и забрызганный кровью, побѣждалъ обнять Клеопатру. Царица, преувеличивая въ своемъ воображеніи значеніе этой схватки, съ новою силою стала надѣяться и любить. Она снова видѣла передъ собою своего прежняго Антонія, императора и бога войны. Она страстно обняла Антонія и въ эту минуту искренней любви, вѣроятно, ее мучили угрызения совѣсти за измѣну въ Пелузахъ и свои интимные разговоры съ посланнымъ Октавія. Клеопатра захотѣла сдѣлать смотръ войскамъ, привѣтствовала ихъ рѣчью и наградила самыхъ храбрыхъ массивными золотыми браслетами.

У Антонія снова возродилась надежда, а потому онъ считалъ уже всякіе переговоры излишними. Въ тотъ-же самый день онъ послалъ къ Октавію посла и приглашалъ его закончить ихъ распрю поединкомъ въ присутствіи обоихъ войскъ. Октавій далъ презрительный отвѣтъ, „что Антоній можетъ искать себѣ смерть другимъ способомъ“. Эти слова показывали полную увѣренность Октавія въ своемъ превосходствѣ и поразили Антонія подобно страшному предзнаменованію. Воскреснувшія было у него, послѣ утренней побѣды, надежды снова разлетѣлись и онъ видѣлъ теперь свое настоящее положеніе въ мрачныхъ краскахъ суровой дѣйствительности. Антоній рѣшилъ, однако, дать завтра рѣшительное сраженіе и заказалъ роскошный ужинъ. „Завтра, — говорилъ онъ, — быть можетъ будетъ уже слишкомъ поздно!“ Но ужинъ прошелъ печально, какъ похоронныя поминки, такъ какъ немногіе друзья, оставшіеся вѣрными Антонію, хранили мрачное молчаніе и даже нѣкоторые плакали. Антоній старался обнаружить надежду и чтобы ободрить друзей, а быть можетъ и самого себя, сказалъ: — „Не думайте, что я завтра буду только искать геройскую смерть: я буду сражаться для жизни и побѣды“.

Съ наступленіемъ дня Антоній поднялся на пригорокъ, откуда могъ обозрѣвать равнину и море. Онъ увидѣлъ, какъ войска его расположились передъ фронтомъ непріятеля и

флотъ объѣзжалъ Лохисскій мысъ, египетскіе корабли въ боевомъ порядкѣ направились на встрѣчу римскимъ либурнамъ, но когда приблизились къ нимъ на разстояніе двухъ выстрѣловъ, то гребцы внезапно перестали грести и подняли на воздухъ свои громадныя весла. Римляне отдали салютъ и затѣмъ оба флота, соединившись въ одну массу кораблей и либурнъ, поплыли черезъ проливъ по направленію къ гавани. Почти въ то же самое время Антоній увидѣлъ, какъ его кавалерія, вчера еще съ такою храбростью сражавшаяся, заколебалась и въ беспорядкѣ перешла на сторону Октавія. Въ римскихъ легіонахъ раздаются трубные звуки, возвѣщающіе атаку; легіонеры подаются впередъ съ обычными криками: *Cominus! Cominus!* Пѣхота Антонія не ожидаетъ этого натиска, разбѣгается и направляется къ городу, увлекая съ собою своего начальника. Антоній совершенно обезумѣлъ отъ бѣшенства, когда возвращался въ Александрію: онъ проносилъ ругательства и угрозы, билъ бѣглецовъ прямо остриемъ своего меча, какъ бьютъ плоскою частью; онъ кричалъ, что Клеопатра приказала войскамъ измѣнить ему и перейти на сторону Октавія. Онъ былъ въ отчаяніи, что ему измѣнила та женщина, для которой онъ сражался единственно изъ любви къ ней.

Но Антоній ошибался. Клеопатра не могла больше ни выдать Антонія, ни спасти его. Отъ нея, отъ этой новой богини, царицы царей отказался ея народъ, подобно тому какъ Антоній, этотъ великій полководецъ, былъ оставленъ, покинуть своимъ войскомъ. Ихъ дѣло было проиграно, они потеряли всѣ свои права; но какимъ образомъ это случилось? Въ предъидущую ночь стража Октавія возмущала египтянъ, обѣщая однимъ амнистію, другимъ полную защиту. Храбрые всадники, которымъ Клеопатра наканунѣ, за ихъ удачную кавалерійскую стычку, подарила по золотому браслету, къ восходу солнца обратились въ бѣгство!

При видѣ бѣглыхъ солдатъ, цѣлою толпою нахлынувшихъ въ Александрію, Клеопатра испугалась. Она знаетъ, какъ мучается при этомъ видѣ Антоній и какая безсильная злоба его

душить. Она уже свыклась съ мыслью о смерти, но желаетъ смерти только самой мирной, подобной обмороку или сну; она содрагается при мысли о мечѣ въ рукахъ Антонія и представляетъ себѣ съ ужасомъ раны и страшныя предсмертныя муки. Клеопатра отчаявается умиловить Антонія, у нея не хватаетъ на это ни силы, ни мужества. Въ ужасѣ она покидаетъ свой дворецъ въ сопровожденіи Ирасѣ и Харміоны и запирается въ склепѣ, при чемъ приказываетъ сказать Антонію, будто она умерла. Посланный застаётъ Антонія бѣгающаго какъ сумасшедшій по пустыннымъ заламъ дворца. Когда онъ узнаетъ страшное извѣстіе, гнѣвъ его проходитъ и онъ со слезами восклицаетъ:— „Что-же худшее можешь ты узнать еще, Антоній? Судьба отняла у тебя то, что тебѣ единственно дорого въ жизни, изъ за чего ты только и дорожилъ этою брэнною жизнью!“ Онъ приказываетъ своему приближенному, Эросу, убить его, снимаетъ свои латы и восклицаетъ:— „О Клеопатра! Я не жалуюсь больше на разлуку съ тобою, такъ какъ мы сейчасъ соединимся съ тобою на вѣки“. Эросъ уже обнажилъ свой мечъ, но поражаетъ имъ не Антонія, а самаго себя.— „Храбрый Эросъ, говоритъ тогда Антоній, видя, какъ тотъ падаетъ мертвымъ, я сейчасъ послѣдую твоему примѣру“. Съ этими словами онъ поражаетъ себя мечемъ въ грудь и падаетъ безъ памяти на постель.

Но уже черезъ нѣсколько минутъ Антоній снова приходитъ въ себя, призываетъ солдатъ и невольниковъ и молить о томъ, чтобы его прикончили. Но никто не рѣшается исполнить эту просьбу и оставляютъ его одного въ борьбѣ съ смертными муками. Въ это время Клеопатра узнала страшную новость. Ея отчаяніе особенно сильно потому, что ее начинаютъ мучить угрызения совѣсти. Во что-бы то ни стало, она хочетъ еще увидѣть Антонія живаго, или мертваго и посылаетъ къ нему Діомеда. Жизнь Антонія уже угасаетъ, но извѣстіе, что Клеопатра жива, его воскресаешь. „Онъ поднимается,—говоритъ Діонъ Кассій, такъ какъ будто-бы онъ могъ еще жить!“ Рабы подхватываютъ его на руки и несутъ къ Клеопатрѣ; по дорогѣ Антоній произноситъ руга-

тельства и проклятія, прерываемыя только стопами агоніи. Наконецъ его вносятъ въ склепъ. Онъ видитъ Клеопатру у окна верхняго этажа; но для безопасности она не позволяетъ откинуть и поднять рѣшетку, а бросаетъ на землю веревки и велитъ Антонію прикрѣпить къ нимъ. Затѣмъ при помощи Ирасъ и Харміоны, единственныхъ женщинъ, взятыхъ ею съ собою въ мавзолей, она начинаетъ притягивать Антонію къ себѣ на веревкахъ. „Было не легко для женщинъ, — замѣчаетъ Плутархъ, — втащить на верхъ человѣка такого громаднаго роста, какъ Антоній. Картина эта была замѣчательно трогательная, способная вызвать сожалѣніе, продолжаетъ историкъ. Клеопатра, съ озабоченнымъ лицомъ, изо всей силы притягивала къ себѣ веревки, между тѣмъ какъ Антоній, весь окровавленный, умирающій, поднимался, на сколько ему позволяли силы, и протягивалъ къ царицѣ свои ослабѣвшія руки“.

Наконецъ Клеопатрѣ удалось положить Антонію на кровать и она долго не выпускала его изъ своихъ объятій, покрывая его поцѣлуями и слезами и называла своимъ мужемъ, руководителемъ, императоромъ. Она рвала свои груди, вонзивъ въ нихъ глубоко ногти, затѣмъ снова бросалась на Антонію, цѣловала его рану и осушала на ней кровь своимъ лицомъ. Антоній пробовалъ успокоить и утѣшить ее и уговорить позаботиться о своей безопасности; мучимый лихорадкою и внутреннимъ жаромъ, онъ просилъ дать ему пить и съ жадностью проглотилъ кубокъ вина. Смерть его приближалась и Клеопатра снова начала плакать и причитать: — „Не убивайся о моихъ послѣднихъ минутахъ, — сказалъ Антоній, — поздравь меня лучше съ тѣмъ, что я удостоился въ своей жизни сдѣлаться самымъ великимъ и могущественнымъ человѣкомъ; поздравь меня, что я, будучи римляниномъ, никѣмъ не былъ никогда побѣжденъ, кромѣ какъ другимъ римляниномъ“. — Антоній испустилъ послѣдній вздохъ въ объятіяхъ Клеопатры, въ объятіяхъ той, какъ сказалъ Шекспиръ, для которой жилъ.

Когда Октавій узналъ о самоубійствѣ Антонію, онъ по-

слалъ въ Александрію Прокулія и Галла и поручилъ имъ завладѣть Клеопатрою, чтобы не дать ей возможности покончить съ собою. Клеопатра парламентировала съ посланными, оставаясь за своей рѣшеткою. Она не хотѣла и слышать обѣщаній обоихъ римлянъ и заявила, что она рѣшится выйти къ Октавію только въ томъ случаѣ, если онъ обязуется подъ присягою утвердить ее, или ея сына на египетскомъ престолѣ; если-же онъ на это не согласится, то можетъ завладѣть только ея трупомъ. Тогда Прокулій рѣшился на хитрость. Оставивъ Галла объясняться съ царицей, онъ забрался на то окно, черезъ которое былъ поднятъ умирающій Антоній и нашелъ тамъ лѣстницу; онъ приставилъ ее къ стѣнѣ, проникъ въ склепъ, спустился тамъ по внутренней лѣстницѣ и вошелъ къ Клеопатрѣ. Въ это время Харміона, услышавъ шумъ, закричала:—„Несчастливая царица, тебя захватили живою“!—Тогда Клеопатра мгновенно вытатила изъ за пояса кинжалъ, который постоянно носила съ собою въ послѣднее время. Но Прокулій ловко выхватилъ у нея кинжалъ и не выпустилъ ее изъ рукъ до тѣхъ поръ, пока не убѣдился въ томъ, что при ней нѣтъ никакого оружія, или спрятаннаго пузырька съ ядомъ. Тогда онъ принялъ свою обычную важную осанку и объявилъ Клеопатрѣ, что ей нечего опасаться Октавія. — „Царица, — сказалъ онъ ей, — ты несправедлива къ Октавію, такъ какъ не хочешь представить ему случая проявить свое милосердіе“. — Когда Клеопатра сама и богатства ея были во власти римлянъ, то ей конечно уже невозможно было отстаивать свою корону. Какой ей толкъ былъ въ томъ, что ей дарована жизнь, когда она теперь желала только умереть. Какъ единственную милость, она просила оказать Антонію погребальныя почести. Такъ какъ съ этою-же просьбою обратились и многіе офицеры, сражавшіеся подъ начальствомъ Антонія, то Октавій рѣшилъ исполнить просьбу Клеопатры. Тогда Клеопатра обмыла тѣло своего любовника, одѣла и вооружила его, какъ-бы снаряжая на послѣдній бой, и затѣмъ похоронила его въ томъ склепѣ, который построила для себя. Послѣ похоронъ, царицу, по приказанію Октавія, привели въ

дворецъ Лагидовъ, гдѣ ей оказывали полный почетъ, но въ то же время за ней зорко слѣдили.

Страшныя волненія и потрясенія, пережитыя Клеопатрою въ послѣднее время, неутѣшное горе и полное отчаяніе, овладѣвшія ею, наконецъ удары, которые она себѣ сама наносила въ грудь во время предсмертной агоніи Антонія,—все это вызвало у нея горячку и воспаленіе въ груди. Она надѣялась, что болѣзнь эта будетъ имѣть для нея смертельный исходъ, а потому, чтобы ускорить желанный конецъ, она нѣсколько дней отказывалась принимать не только лекарства, но и пищу. Когда Октавій узналъ объ этомъ, то велѣлъ ей напомнить, что у нея есть дѣти и она обязана жить для нихъ. Клеопатра дала убѣдить себя и стала лечиться. Безпокойство и опасенія однако не покидали Октавія. Что если царское тщеславіе у Клеопатры возьметъ верхъ надъ материнскими чувствами? Если опасеніе фигурировать на предстоящемъ торжествѣ въ качествѣ плѣнной заставитъ ее прибѣгнуть къ самоубійству? Хотя за ней и зорко слѣдятъ, но достаточно малѣйшей оплошности, измѣны,—и планъ ея будетъ исполненъ. Если даже у Клеопатры не было ни оружія, ни яду, то кто можетъ поручиться за то, что она не прикажетъ своей вѣрной Харміонѣ задушить ее? Видно изъ этихъ опасеній, что Октавій, какъ сказалъ Діонъ Кассій, „опасался, что смерть Клеопатры лишитъ его всей славы“ (*τῆς πάσης δόξης ἀστερημένος*). Онъ рѣшилъ лично переговорить съ Клеопатрою.

Клеопатра, какъ пишетъ Плутархъ, въ то время уже перестала вѣрить, что (какъ это ей увѣрялъ Өирей) она внушила любовь Октавію. Иначе онъ успѣшилъ-бы увидѣться съ нею, а между тѣмъ съ самаго своего пріѣзда въ Александрію, Октавій ни разу не пожелалъ ее видѣть. Да и вообще все его поведеніе по отношенію къ ней и все, что ей приходилось слышать о немъ, нисколько не подтверждало словъ Өирея, будто Октавій влюбленъ въ нее.

Когда Октавій вошелъ къ Клеопатрѣ, она уже была на пути къ выздоровленію, но все еще лежала. Она мгновенно вскочила съ постели, хотя была одѣта только въ тунику, и

опустилась на колѣни. Когда Октавій увидѣлъ эту женщину, изнуренную лихорадкою, худую, мертвенно блѣдную, съ изстрадавшимися чертами, опущенными, красными отъ слезъ глазами, съ испаряннымъ лицомъ и грудью, онъ не могъ себѣ даже представить, что видитъ передъ собою женщину, очаровавшую Цезаря и плѣнившую Марка-Антонія. При томъ, будь Клеопатра прекраснѣе самой Венеры, Октавій не позволилъ бы себѣ полюбить ее. Этотъ человѣкъ никогда не позволилъ бы себѣ пожертвовать интересы государственные своимъ страстямъ. Октавій попросилъ Клеопатру прилечь снова на свою постель и усѣлся около нея. Клеопатра сама начала оправдываться и сваливала всю вину послѣднихъ происшествій на Антонія. Душившія ее рыданія часто прерывали эту беспорядочную рѣчь. Потомъ она пыталась разжалобить Октавія и вынула изъ за корсета пачку писемъ Цезаря, стала цѣловать ихъ и воскликнула: „Если ты желаешь знать, какъ твой отецъ любилъ меня, то прочти эти письма... О Цезарь! Зачѣмъ я не умерла раньше тебя!“... И посреди своихъ рыданій несчастная женщина силилась состроить Октавію очаровательную улыбку, но и кокетство измѣнило ей въ эту минуту.

На всѣ ея вздохи и рыданія императоръ не отвѣчалъ ни слова, онъ даже избѣгалъ ея взгляда и сидѣлъ, опустивъ глаза къ полу. Онъ заговорилъ только для того, чтобы разбить по всѣмъ пунктамъ аргументы ея, которыми она пыталась оправдать себя передъ нимъ. Она сейчасъ-же убѣдилась въ полной непреклонности, безчувственности этого человѣка, она видѣла, что ея страданія и несчастья нисколько не разжалобили его. Тогда Клеопатра увидѣла ясно, что надѣяться ей больше не на что, и смерть ей снова показалась желанною. Она перестала жаловаться и плакать, отерла свои слезы и для того, чтобы обмануть Октавія относительно принятаго ею намѣренія она обѣщала исполнить всѣ поставленныя условія, если только ей будетъ дарована жизнь. Она представила Октавію инвентарь своихъ драгоценностей и просила его позволить ей оставить себѣ нѣкоторыя дорогія украшенія, чтобы лично

преподнести ихъ Октавіи и Ливіи.— „Не теряй мужества, о женщина! — сказалъ ей императоръ, уходя, тебѣ не будетъ сдѣлано ни малѣйшаго зла“.

Обманутый разговоромъ съ Клеопатрою, Октавій больше не сомнѣвался, что во время торжества египетская царица, при всемъ народѣ, будетъ идти закованная передъ его триумфальною колесницею. Когда онъ уходилъ отъ Клеопатры, то не слышалъ послѣднихъ словъ, которыя она прошептала: *Ὁ θριάμβευσον αὐ!* т. е. я не буду на торжествѣ невольницей! Со времени взятія Александріи Клеопатра часто повторяла эти слова.

Черезъ нѣсколько дней послѣ посѣщенія Октавія, одинъ изъ его приближенныхъ тайнымъ образомъ сообщилъ Клеопатрѣ, что послѣ завтра ее отправятъ въ Италію. Она попросила пустить ее со своими женщинами сдѣлать либаціи (возліанія) на могилѣ Антонія. Такъ какъ она была слишкомъ слаба, для того чтобы идти, то ее понесли на носилкахъ. Онѣ украсили могилу вѣнками, Клеопатра разливала по кубкамъ вино, затѣмъ она въ послѣдній разъ припала къ надгробному камню и сказала: „О дорогой Антоній, если твои боги имѣютъ нѣкоторое могущество—такъ какъ мои измѣнили мнѣ—то не покидай твоей жены. Не мучься тѣмъ, что ее заставляютъ ѣхать въ Римъ и присутствовать тамъ на роковомъ торжествѣ. Укрой меня съ собой въ землю Египта“.

Возвратившись домой, Клеопатра сѣла въ ванну. Потомъ женщины ея одѣли ее въ лучшія одежды, изящно причесали и надѣли на голову царскую корону. Клеопатра заказала роскошный ужинъ и, когда окончился ея туалетъ, она сѣла за столъ. Тогда вошелъ крестьянинъ и принесъ корзину. Когда гвардейскіе солдаты хотѣли узнать, что въ ней находится, крестьянинъ открылъ корзину; въ ней оказались прекрасные финики, и солдатамъ было разрѣшено попробовать ихъ. Затѣмъ Клеопатра взяла корзину, послала письмо Октавію, которое написала еще утромъ, и осталась одна съ Ирасъ и Харміоною. Тогда она открыла корзину и высыпала финики, подъ которыми оказалась спящая змѣя. — „Вотъ она наконецъ!“ — восклик-

нула Клеопатра и стала дразнить змѣю золотою булавкою. Змѣя приподнялась и ужалила ее въ руку.

Прочитавъ письмо Клеопатры, Октавій посѣдѣлъ въ ея дворець. Онъ нашелъ своихъ офицеровъ и стражу на своихъ мѣстахъ: они не знали ничего изъ того, что происходило во дворцѣ. Октавій велѣлъ взломать двери и увидѣлъ Клеопатру въ пышной царской одеждѣ, лежащую на свсемъ золотомъ ложѣ. Она заснула вѣчнымъ сномъ, также какъ лежавшая у ея ногъ Ирасъ; Харміонъ еще дышала и силилась поправить корону на головѣ Клеопатры.

Октавій приказалъ предать смерти Цезаріона, сына, котораго египтянка имѣла отъ Цезаря, но въ отношеніи трупъ Клеопатры онъ оказался милостивымъ. Онъ внялъ ея просьбѣ, высказанной ею въ послѣднемъ письмѣ, и позволилъ похоронить ее рядомъ съ Антоніемъ. Онъ разрѣшилъ также поставить надгробные памятники Харміонѣ и Ирасъ, пожелавшимъ послѣдовать за своей владычицей въ царство тѣней.

Своимъ самоубійствомъ Клеопатра избѣгла участія въ торжествѣ Октавія. По приказанію Октавія въ Римѣ, передъ триумфальнымъ кортежемъ, пронесли статую этой знаменитой царицы, подчинившей себѣ самаго сильнаго изъ римлянъ и которая пожелала лучше умереть, чѣмъ присутствовать при торжествѣ ея побѣдителя.

Конечно великими царицами были только тѣ изъ нихъ, которыя обладали добродѣтелями, достойными мужчинъ; управляли своими народами, руководили ими на благо государства и подготовляли великія событія. Клеопатра была настоящею женщиною, и не можетъ поэтому быть зачислена въ число великихъ царицъ. Если же она счумѣла двадцать лѣтъ оставаться царицею Египта и отстаивать его независимость, то сдѣлала это именно благодаря своимъ качествамъ чисто женскимъ: интригѣ, любезности, слабости и ловкости. Она царствовала только потому, что счумѣла сдѣлаться любовницей Цезаря, а потомъ Марка-Антонія. Престоль Лагидовъ оберегался мечемъ Римлянъ. Какъ только по ошибкѣ Клеопатры это оружіе было разбито — престоль ея обрү-

шился. Самолюбіе, единственное изъ ея царскихъ достоинствъ, было бы у нея значительно слабѣе, если бы оно не развилось подъ вліяніемъ благоприятныхъ обстоятельствъ. Кромѣ того она не чувствовала въ себѣ ни силы, ни ума, а потому для достиженія своихъ плановъ единственно только рассчитывала и полагалась на своихъ любовниковъ. Эта царица отличалась безопасностью куртизанки. Она жила для любви, пышности и для гордости и спѣси. Когда она увидѣла, что любовникъ ея убитъ, ея красота поблекла, богатства выскользнули у нея изъ рукъ, престолъ обрушился, тогда, только передъ самою смертью, у нея явилось мужество, котораго не доставало всю жизнь. Нѣтъ, Клеопатра не была великою царицею и не будь она въ связи съ Антоніемъ, ее бы также забыли какъ Арзиною или Беренику. Если слава ея бессмертна, то только потому, что ей пришлось быть героинею одного изъ самыхъ трагическихъ романовъ древняго міра.

III.

Θ Ε Ο Δ Ο Ρ Α .

1.

Монтескье и всѣ западные историки возмущались деспотизмомъ, испорченностью нравовъ и цѣлымъ рядомъ преступленій и вѣроломствъ, которыми заявила себя Восточная Имперія; если вѣрить имъ, то можно-бы подумать, что, напротивъ, западные народы въ періодъ такъ называемаго царства справедливости и свободы совершенно вернули добродѣтели, которыми они блистали въ золотомъ вѣкѣ. Но какую же картину представляетъ намъ Западъ въ VI вѣкѣ, когда царствовалъ Юстиніанъ? Мы видимъ самое ужасное варварство, распутство и излишества дикарей, рядомъ съ утонченностью цивилизациі. Вездѣ—беспорядокъ, произволь, жестокость, нравственное разложеніе и вопіющая нищета. Никто не считаетъ себя въ безопасности, посреди этой анархіи, на-

чиная отъ правителей, власть имущихъ, и кончая послѣднимъ вассаломъ. Цари не сочувствуютъ нуждамъ своего народа, въ глазахъ своихъ полководцевъ не имѣютъ никакого авторитета и постоянно опасаются возмущенія. Магнаты благоволили только платить добровольные взносы, а духовенство угрожало царю гнѣвомъ Всевышняго, если онъ покусится на церковныя богатства, между тѣмъ какъ главная часть населенія, римскіе поселенцы и гальскіе вассалы, были обременены налогами, оброками и страдали отъ лихоимствъ. Когда Хильперикъ давалъ свои приказанія агентамъ казначейства, онъ обыкновенно присовокуплялъ: „Если кто-нибудь окажетъ противодѣйствіе моимъ приказаніямъ, то пусть ему выколютъ глаза“.

Когда цари и ихъ сановники путешествовали со своими свитами, они никогда не брали съ собою съѣстныхъ припасовъ: все необходимое для прокормленія людей и животныхъ добывалось вымогательствами и даже грабежами. Скотину угоняли, жилища и хлѣва сожигались.

Неприкосновенность личности была такъ же мало обезпечена, какъ и неприкосновенность имущества. Когда посланные одного испанскаго Вестгота явились къ царю Невстріи и сказали, чтобы онъ отдалъ свою дочь въ жены ихъ господину, то царь приказалъ, чтобы штатъ молодой принцессы былъ сформированъ насильственнымъ образомъ. Много людей были тогда насильно взяты изъ своихъ жилищъ: „сына разлучали съ отцомъ, отъ дочери вводили мать“, говоритъ Григорій Турскій и прибавляетъ, „что опустошеніе это можно только уподобить тому, что творилось въ Египтѣ... Многіе въ отчаяніи повѣсились“. И такимъ образомъ поступали не только съ невольниками, но и съ лицами знатнаго происхожденія: *multi vero meliores natu*.

Въ эту эпоху невольники были еще очень многочисленны, и о томъ, какъ обходились съ ними ихъ повелители, можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа. Любимое увеселеніе Раукинга князя Австразійскаго состояло въ слѣдующемъ: онъ заставлялъ своихъ рабовъ свѣтить ему во время ужина смоляными факелами и потомъ приказывалъ, чтобы несчастные неволь-

ники тушили эти факелы между своими голыми бедрами; когда факелы были потушены, онъ приказывалъ ихъ снова зажечь и потомъ опять потушить такимъ же варварскимъ способомъ. Когда двое влюбленныхъ вступили въ бракъ и были обвѣнчаны священникомъ, не испросивъ на то разрѣшенія своего господина, князя Урвіо, онъ велѣлъ ихъ живыми закопать въ одну и ту же яму.

Гдѣ было тогда искать правосудія? Недостатка въ самыхъ разнообразныхъ законахъ однако не было: существовало Римское право, обычное право Франковъ, Бургундовъ, Вестготовъ и Лангобардовъ. Но самый опытный юристъ не разобрался-бы въ этомъ хаосѣ разнообразныхъ правъ; а потому понятно, что князья, совершенно незнакомые съ правовѣдѣніемъ, на обязанности коихъ лежало творить судъ, производили одну только путаницу; присутствіе иногда кончалось тѣмъ, что судья насмѣхался и даже билъ тяжущихся. Юридическія формы не давали никакого обезпеченія. Виновность или невинность опредѣлялись числомъ свидѣтелей, а потому дѣло сводилось къ тому, чтобы достать себѣ какъ можно больше свидѣтелей; само собою понятно, что свидѣтелей этихъ всякій могъ нанять за деньги, или могъ заставить кого нибудь показывать въ его пользу угрозами и т. п. Законъ устанавливалъ наказанія сообразно съ національностью истца и отвѣтника.

„Если Франкъ оскорбилъ Римлянина, говорить салическій законъ, то онъ долженъ заплатить тридцать су; если же Римлянинъ оскорбилъ Франка, то долженъ заплатить шестьдесятъ два су“. Послѣ владычества римлянъ наступили полные безпорядки. „Въ государствѣ управляютъ сто начальниковъ: они тираны въ своихъ земляхъ и грабятъ на большихъ дорогахъ, вѣрнѣе нѣтъ больше никакого государства. Вездѣ господствуетъ невѣжество и нищета“. Такъ говоритъ Григорій Турскій и прибавляетъ: „наука и искусства находятся въ запущеніи, школы погибли. Мы переживаемъ тяжелыя времена“.

Состояніе нравственности вполне соответствовало состоянію соціальному. Цари сами совершали всевозможныя преступленія и распутства, показывая этимъ дурной примѣръ

народу. Политика ихъ состояла въ томъ, чтобы вредить всякому, дипломатія—въ измѣнѣ, финансы—въ лихоимствѣ, правосудіе—въ полномъ произволѣ, нравы ихъ частной жизни достаточно характеризовались наложничествомъ и многоженствомъ. Начальники были не лучше царей, а большинство епископовъ были еще хуже начальниковъ. Паполь, епископъ въ Реймсѣ, оказался такимъ притѣснителемъ, что большинство обывателей изъ епархіи убѣждало; Фронтонъ, епископъ Ангулемскій велѣлъ отравить своего предшественника для того, чтобы скорѣе получить епископство; Каутинъ пилъ безъ просыпа. Багдегизиль, Сагитарій, Дроктегизиль, Фродибертъ и другіе прелаты отличались своими преступленіями и распутствомъ. Замѣтьте, что ихъ обвиняетъ не какая либо секретная исторія, ихъ обвиняетъ не одинъ только Прокопій, а повѣствуетъ объ этомъ Григорій Турскій.

Велико-Британія страдала отъ притѣсненій и постоянныхъ нападеній семи шаекъ морскихъ разбойниковъ и междоусобныхъ войнъ, а потому нищета тамъ была самая ужасная. Германія еще представляла страну совершенно варварскую. Нельзя было также искать примѣрныхъ нравовъ и правильной администраціи у Лангобардовъ, „отличавшихся своимъ неслышаннымъ варварствомъ“, или у Аварійцевъ, Аллемановъ. Вестготовъ, занимавшихъ Испанію и сѣверо-востокъ Галіи, справедливо можно было назвать народомъ болѣе цивилизованнымъ, чѣмъ Франковъ. Однако, всякое примѣненіе власти возбуждало кровавые мятежи, такъ что одинъ вестготскій король, какъ рассказываетъ Paul Orose, жалуется, что „подданныхъ невозможно держать въ повиновеніи, вслѣдствіе ихъ неукротимой дикости“. При Теодорихѣ Великомъ, король Остготовъ, положеніе Италіи нѣсколько улучшается. Теодорихъ достигъ своего значенія и власти силою, но по смерти его исчезло безслѣдно оказанное имъ на Италію благое вліяніе. Однако, хотя Теодорихъ и старался играть роль римскаго императора, тѣмъ не менѣе и его поступки обнаруживаютъ всю грубость нравовъ настоящаго варвара; объ этомъ свидѣтельствуетъ его поступокъ съ Одоакромъ, кото-

раго онъ пригласилъ на пиръ и тамъ собственноручно задушилъ; о томъ же свидѣтельствуемъ и то, что по его приказанію Боецій и Симмакъ были преданы колесованію и замучены до смерти.

Какъ-же именовались герои исторіи VI вѣка? Главнѣйшіе изъ нихъ были: Хельперихъ, Хлотаръ, Теодорихъ Великій, Оеддаты, Альбоинъ, наконецъ Теодебертъ, Зигебертъ, Брунегильда и Фредегонда. Всѣ они были деспотами, клятвопреступниками и убійцами-заговорщиками.

2.

Отъ Запада перейдемъ теперь къ Восточной Имперіи. Константинополь въ ту пору имѣлъ значеніе прежняго Рима и былъ столицею міра. Имперія простиралась тогда отъ Альпъ до Ефрата и отъ Дона до пустынь Африки. Она утратила обширныя территоріи на востокъ и сѣверъ, но за то приобрѣла не мало странъ на югъ и западъ. Когда могущество Юстиніана достигло своего апогея, Восточная Имперія состояла изъ шестидесяти четырехъ различныхъ епархій, изъ которыхъ самая маленькая была Сицилія. Въ девятистахъ тридцати пяти городахъ исполнялись приказанія и законы императора. Между тѣмъ какъ варварскіе народы жили въ странѣ анархической, имперія имѣла сильную и сложную организацію. Всѣ службы были централизованы, всѣ должности покоились на іерархическихъ основаніяхъ. Вѣдомство гражданское было строго отдѣлено отъ военнаго управленія и состояло изъ министерства юстиціи и финансовъ (по нынѣшней номенклатурѣ); въ каждой епархіи были отдѣленія этихъ министерствъ, во главѣ которыхъ стояли губернаторы провинцій; эти послѣдніе въ свою очередь находились подъ начальствомъ викаріевъ, прямыми начальниками которыхъ были два начальника римской императорской стражи (по нынѣшнему министры внутреннихъ дѣлъ), имѣвшихъ постоянное мѣстожителство въ Константинополѣ. Каждый изъ этихъ начальниковъ епархій, градоначальниковъ и проч. имѣлъ въ

своём распоряженіи громадный персоналъ служащихъ; какой нибудь губернаторъ провинці имѣлъ подъ своимъ вѣдомствомъ около семи-сотъ чиновниковъ и другихъ подчиненныхъ. Дѣйствующая армія насчитывала до шести-сотъ-сорока тысячъ человекъ. Стоявшія въ каждой провинці войска находились подъ прямымъ начальствомъ ея князя. Генералы подчинялись главному военному начальнику (по нынѣшнему военному министру). Во время походовъ, въ которыхъ требовалось соединить нѣсколько корпусовъ, назначался полководцемъ (главнокомандующимъ) одинъ изъ намѣстниковъ провинцій. Кромѣ начальника римской императорской стражи и главнаго военнаго начальника знатными офицерами двора числились главный камергеръ, главный церемоніймейстеръ, подъ вѣдѣніемъ котораго находился весь дворецъ, министръ финансовъ, министръ государственныхъ имуществъ (по нынѣшнему) и квесторъ, редактировавшій законы и постановленія. Эти разнообразныя офицеры и начальники носили титулы патриціевъ, знатныхъ, свѣтлѣйшихъ и *egregius* ¹⁾ и составляли подъ предсѣдательствомъ императора нѣчто въ родѣ совѣта министровъ. Въ составъ его входилъ также префектъ Константинополя, префектъ полиціи, патріархъ и начальникъ дворцовой гвардіи. Изъ институтовъ Римской республики сохранился еще сенатъ и консулатъ.

Во всѣхъ городахъ были устроены школы, во всѣхъ частяхъ имперіи въ трибуналахъ чинилось правосудіе по юстиціановскимъ законамъ, составляющимъ еще до сихъ поръ основаніе современныхъ законодательствъ. Дороги, содержаніе которыхъ стоило большихъ денегъ, избороздили по всѣмъ направленіямъ провинціи; по нимъ неустанно двигалась почта и доставляла изъ столицы въ отдаленнѣйшіе города имперіи приказы по гражданскому и военному вѣдомствамъ. Границы были защищены постоянными отрядами войскъ, многочисленными крѣпостями и непрерывною линіей фортификаціонныхъ укрѣпленій. Бѣдняки находили убѣжища, больные принима-

¹⁾ избранный, лучший.

лись въ больницы. Промышленность и торговля процвѣтали, въ искусствѣ выработывался новый стиль, рабство исчезло совершенно, привилегіи знатныхъ болѣе не существовали, не было кастъ—равенство и свобода царствовали для всѣхъ.

Такимъ образомъ имперія рѣзко отличалась отъ окружавшихъ ее и угрожавшихъ ей варварскихъ племенъ. Мы видимъ еще какъ-бы миръ кесарей, но измѣнившійся подъ благимъ вліяніемъ христіанства. Въ самомъ дѣлѣ Юстиніанъ противодѣйствуетъ эллинизму Θεодосія II-го и Анастасія, онъ признаетъ превосходство Римскаго епископа надъ Константинопольскимъ патріархомъ, онъ велитъ составить свой „Кодексъ“ и „Институты“ на латинскомъ языкѣ. Юстиніанъ мечталъ возстановить въ прежнемъ могуществѣ и блескѣ Римскую имперію и для осуществленія этого предпринялъ войны въ Италіи, на Востокъ и въ Африкѣ. Для Юстиніана слово эллинъ—синонимъ язычника, онъ преслѣдуетъ грековъ и закрываетъ школы въ Аѳинахъ. вмѣстѣ съ Юстиніаномъ доживаетъ свой вѣкъ и Римская имперія, но имперія греческая начинается только съ Гераклита. Юстиніанъ не былъ самодержцемъ въ полномъ смыслѣ этого слова, но онъ былъ кесаремъ.

Если однако ближе ознакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ, въ которомъ находилась имперія въ царствованіи Юстиніана, то оказывается, что величіе этого царствованія было скорѣе кажущимся, чѣмъ дѣйствительнымъ. Эта образцовая администрація главнѣйше содѣйствовала деспотизму, суровый фанатизмъ доводилъ до гоненій, всеобщее равенство было только кажущимся и на самомъ дѣлѣ оказывалось всеобщимъ рабствомъ; законы такъ мудро разработанные часто примѣнялись ложно, драгоценные памятники раззоряли народъ и ослабляли войско, которому нечѣмъ было платить. Консулатъ въ ту пору былъ ничто иное, какъ почетнымъ титуломъ, компетенція же сената сводилась къ компетенціи муниципальнаго совѣта, на управленіе государствомъ сенатъ почти не имѣлъ никакого вліянія; воля царя и его сановниковъ замѣняла правосудіе. Жалобы истцовъ обыкновенно не

достигали до императора, въ провинціяхъ народъ былъ недоволенъ, ропталъ, въ Константинополѣ же толпа объявляла себя довольною, если происходила обычная раздача хлѣба и предвидѣлись скачки на гипподромѣ.

Вотъ что оказывается при ближайшемъ изученіи порядковъ, царившихъ въ Византіи; но, прежде чѣмъ обвинять ее, припомнимъ, каковъ былъ Римъ при кесаряхъ. Римская чернь стояла-ли она выше народа Константинопольскаго? Были-ли ея чувства благороднѣе? Достаточно-ли она умѣла презирать хлѣбъ и зрѣлища? Каковы-же были въ первомъ вѣкѣ власть консуловъ, авторитетъ сената и права гражданъ? Народъ въ столицѣ только успѣлъ вырваться изъ самаго постыднаго рабства и жалобы, подававшіяся проконсуламъ, явно свидѣтельствовали о бѣдственномъ положеніи провинцій. Императоръ не уважалъ законовъ и нерѣдко расправлялся кинжаломъ и ядомъ. Въ Римѣ нерѣдко происходили заговоры, бунты, сверженія съ престола и убійства императоровъ, также какъ въ Константинополѣ; при томъ ни дѣянія, ни нравы Тиберія, Калпигулы, Мессалины, Нерона и Домиціана не могутъ быть взяты за образецъ. Эти царствованія крови и гноя, какъ выразился Светонъ, безпристрастною исторіей названы періодомъ расцвѣта Римской имперіи, между тѣмъ какъ эпоха царствованія Юстиніана, Гераклита, Порфирогенета, Іоанна Цимисхія и Константина XII называется временемъ упадка Римской имперіи.

Однако, не смотря на распатанность государственнаго строя Византіи въ теченіи болѣе девяти-сотъ лѣтъ, на испорченность нравовъ ея народа, на плохую администрацію, слабое войско,—имперія эта была въ состояніи съ успѣхомъ сопротивляться нападеніямъ двадцати народовъ и въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ противодѣйствовали вторженіямъ Турокъ; мало того, черезъ Византію христіанство проникло къ Славянамъ, цивилизація проникла къ Арабамъ и греческія письменна—на Востокъ.

3.

Въ VI вѣкѣ Франки пришли изъ Лютеціи, состоявшей тогда изъ одного города и нѣсколькихъ бѣдныхъ строеній, разбросанныхъ на лѣвомъ берегу рѣки; Галлы пришли изъ Ліона, Готы изъ Вероны; Латиняне пришли изъ самого Рима, представлявшаго въ ту пору печальную картину разрушенія, послѣ того какъ онъ подвергся четырехкратному разгрому. На развалинахъ Рима можно было видѣть возмутительную картину, какъ изъ изувѣченныхъ статуй и архитектурныхъ орнаментовъ, просто-на-просто готовили известку! За то большинство драгоценныхъ произведеній искусства украшали теперь Константинополь и всякій пріѣзжій былъ пораженъ богатствомъ и великолѣпіемъ этого города.

Константинополь превосходилъ своею красотою во многомъ Римъ времянь Августа. И дѣйствительно, мѣстоположеніе Константинополя замѣчательно красивое. Съ трехъ сторонъ его мраморно-бѣлыя стѣны утопаютъ въ лазуревосинемъ морѣ, вдаль виднѣется богатая, свѣжая зелень садовъ и взоръ теряется въ безконечныхъ лугахъ и лѣсахъ, окружающихъ городъ со стороны суши. Мраморная ограда тянулась на длину въ четыре льѣ и окружала семь холмовъ, на которыхъ были расположены всѣ тринадцать кварталовъ города. Ворота для вылазки были прикрыты рядомъ колоннъ, а большія городскія ворота громаднхъ размѣровъ построены въ формѣ триумфальной арки. На другомъ берегу Золотаго Рога виднѣлся четырнадцатый кварталъ Константинополя, нынѣ называемый Галатою. Въ центрѣ города возвышался громадный базиликъ, воздвигнутый императоромъ Константиномъ въ честь святой Мудрости (*Ἁγία Σοφία*, изъ чего сдѣлали святая Софія); этотъ базиликъ послѣ пожара снова выстроенъ Θεодосіемъ II-мъ. Идя далѣе по главнымъ улицамъ, можно было видѣть громадныя роскошныя царскія дворцы, церкви святой Ирины, святого Стефана, святой Аквиліны и двадцать другихъ, большой гипподромъ, масса разныхъ амфите-

атровъ, пятьдесятъ портиковъ, галлерей, восемь громаднхъ термъ *) и сто пятьдесятъ частныхъ бань; далѣе слѣдовали громадны фонтаны, пять общественныхъ хлѣбныхъ амбаровъ, арсеналъ, цѣлая анфилада зданій Сената, Судилище, Базначейство, школы и Библиотека, содержавшая сто-двадцать тысячъ манускриптовъ, и наконецъ четыре тысячи пятьсотъ дворцовъ и другихъ замѣчательныхъ зданій. Въ городѣ имѣлось восемь водоемовъ и множество колодцевъ, которые снабжались водою изъ цистерны Поликсены, емкостью въ триста-двадцать пять тысячъ кубическихъ метровъ.

Августеонъ и Форумъ императора Константина представляли двѣ главныя площади Константинополя. Площадь Августеонъ была окружена двукрылыми портиками и представляла фигуру правильнаго прямоугольника; по срединѣ ея былъ установленъ позолоченный верстовой столбъ, отъ котораго расходились по радіусамъ дороги во всѣ провинціи государства; надъ столбомъ перекинутъ былъ сводъ, украшенный разнообразными статуями. Форумъ Константина состоялъ изъ двойнаго полукруга мраморныхъ галлерей. По срединѣ былъ фонтанъ и возвышалась бронзовая группа громаднхъ размѣровъ, представлявшая Данила со львами. Рядомъ съ фонтаномъ виднѣлась порфирова колонна въ девяносто футовъ вышиною, не считая цоколя и верхней площадки, на которой была укрѣплена античная статуя Аполлона.

Подобно Брухіуму Птоломеевъ, Палатина Кесарей, Ватикана папъ, Серайля султановъ, Московскаго Кремля и Краснаго города императоровъ Китая,—императорскій дворецъ Константинополя былъ окруженъ громадною каменною оградою и состоялъ изъ цѣлой массы разнообразныхъ строеній: дворцовъ, церквей, часовень, бань, портиковъ, галлерей, казармъ для стражи, квартиръ для придворныхъ и проч. По главной линіи этихъ зданій проходилъ широкій проѣздъ, вымощенный мраморомъ; по сторонамъ его виднѣлись скверы съ цвѣточными клумбами, аллеи кипарисовъ и лимоновъ; здѣсь вид-

*) Публичныхъ бань.

нѣются висячія надъ моремъ террасы, тамъ роскошныя бассейны, артезіанскіе колодцы; широкія открытыя лѣстницы соединяли между собою различныя части дворца. На южномъ и западномъ концѣ они постепенно спускались къ Босфору и Пропонтидѣ. На сѣверѣ дворецъ Дафніи, также какъ и священный дворецъ выходили въ сады; послѣдній изъ этихъ дворцовъ служилъ постояннымъ мѣстомъ жительства императора и въ немъ находился восьми-угольный престольный залъ, Хризотриклиніумъ. На сѣверной сторонѣ возвышался еще дворецъ, наружный фасадъ котораго выходилъ на площадь Августеона, какъ разъ противъ собора святой Софіи. На западѣ цѣлый рядъ зданій, подобный громадному бастиону, глядѣлъ на гипподромъ и термы (публичныя бани) Зевкисппа; зданія эти составляли церковь святаго Стефаноса и Kathisma. Каѳизма состоялъ изъ атриума, триклиніума, изъ зала, предназначеннаго для отдыха, и наконецъ изъ престола, съ высоты котораго виднѣлся гипподромъ. Императоръ участвовалъ зрителемъ на скачкахъ и показывался народу, не выходя изъ своего дворца. Архитекторъ такъ расположилъ престоль, что императоръ былъ на виду у народа, но въ то же время находился въ полной безопасности. Въ гипподромѣ народъ пользовался полною свободою слова, а случалось, что онъ позволялъ себѣ не мало свободы и въ дѣйствіяхъ, такъ что дѣло нерѣдко доходило до кровопролитныхъ схватокъ. Но престоль императора былъ совершенно неприступенъ; уступы Каѳизмы находились на высотѣ десяти метровъ (болѣе 4-хъ сажень) подъ ареною гипподрома, а главный валъ въ формѣ буквы П, гдѣ стояли тѣлохранители и гвардія, представлялъ совершенно неприступную позицію. Если-бы стали кидать камнями, то императоръ могъ спрятаться въ триклиніумъ, бронзовыя двери котораго всегда были закрыты, и такимъ образомъ онъ могъ вернуться изъ Каѳизмы въ священный дворецъ, не подвергаясь ни малѣйшей опасности. Императрица никогда не появлялась въ императорской ложѣ во время скачекъ на гипподромѣ. Этикетъ двора въ то время уже сообразовался съ обычаями Востока и не разрѣшалъ, чтобы супруга импе-

ратора показывалась народу при такомъ малозначущемъ случаѣ, какъ скачки. Семинаристы церкви святаго Стефаноса разсказываютъ впрочемъ, что видѣли—будто императрица присутствовала на скачкахъ въ гипподромѣ.

Гипподромъ въ Константинополѣ не только превосходилъ Колизей своими размѣрами, но и былъ устроенъ съ большимъ великолѣпіемъ. Фигура его представляла собою удлиненную лошадиную подкову, основаніе которой упиралось въ Каэизму, многочисленныя зданія и конюшни, въ ложи патріарха, генераловъ и придворнаго персонала. Вся остальная дугообразная часть состояла изъ сорока ярусовъ съ мраморными сидѣніями; надъ ярусами тянулась широкая галлерей, украшенная портиками и статуями. Мезинецъ одной изъ этихъ колоссальныхъ фигуръ былъ величиною въ ростъ человѣка. Маленькая рѣчка Эрипа была отведена въ широкій каналъ и огибала арену гипподрома. Этотъ каналъ имѣлъ двоякое значеніе: онъ защищалъ зрителей отъ скачковъ дикихъ звѣрей, которыхъ иногда показывали въ циркѣ; во вторыхъ, онъ лишалъ зрителей возможности завладѣть ареною въ концѣ ристанія на колесницахъ, когда разгоряченныя партіи обыкновенно забывали всякое благоразуміе. По главной линіи гипподрома тянулась длинная и широкая платформа, названная *сріпа* (игла) и раздѣляла арену на двѣ части. На этой иглѣ былъ установленъ громадный обелискъ, привезенный Θεодосіемъ изъ Верхняго Египта, и бронзовая колонна, представлявшая трехъ переплетающихся змѣй съ золотымъ таганомъ Аполлона на вершинѣ; эта колонна была сооружена въ Дельфахъ греками въ память той блестящей побѣды, одержанной ими надъ Персами. Этотъ старинный памятникъ до сихъ поръ можно видѣть въ Константинополѣ въ такъ называемомъ Атъ-Меданѣ.

Послѣ гипподрома одною изъ наибольшихъ достопримѣчательностей Византіи являлись термы, общественныя бани Зевкиспа. Христордоръ изъ Контоса написалъ цѣлую поэму для того, чтобы описать всѣ статуи, установленныя въ термахъ и привезенныя изъ Рима, Аѳинъ, Олимпіи, Коринѳа и Малой Азіи. При видѣ всѣхъ этихъ мраморныхъ и бронзо-

выхъ статуй знаменитыхъ мастеровъ, въ памяти послѣдовательно начинаютъ воскресать всѣ элементы жизни древнихъ грековъ. При видѣ Аполлона, богини Аѳины и Зевса припоминается религія древнихъ грековъ и теорія Олимпійцевъ. Ахиллъ, Елена, Андромаха, Калхасъ и Амфіарай воскрешаютъ въ нашей памяти древне-греческую мифологію; статуи Өемистокла, Перикла, Алкивіада и Александра говорятъ намъ о политикѣ и войнахъ грековъ, а статуи Эсхила, Демосѳена, Геродота и Өукидида—объ краснорѣчьи и исторіи. Древне-греческую поэзію и философію мы припоминаемъ при видѣ Гомера, Пиндара, Пифагора, Платона и Аристотеля.

Константинополь соединялъ въ себѣ великолѣпные города новаго съ знаменитыми памятниками столицъ древности. Великолѣпные византійскіе памятники были сооружены изъ самыхъ драгоценныхъ матеріаловъ и украшены мозаикою, эмалями, слоновою костью, золотомъ, порфирами, ляписъ-лазурью и драгоценными камнями; они представляли какъ-бы роскошную рамку для высоко художественныхъ произведеній Греціи. Но еще большее разнообразіе представляла толпа, оживлявшая многочисленныя улицы и переулки: тутъ можно было увидѣть сенатора, одѣтаго въ древнюю тогу, провинціального намѣстника и пограничную стражу въ широкой хламидѣ и шелковой туникѣ съ вышитыми на ней пестрыми фигурами; гвардейскихъ солдатъ въ золоченыхъ латахъ, солдатъ въ римскихъ лацернахъ (епанча отъ дождя) съ бахромами и вышитыми медальонами; ремесленниковъ, одѣтыхъ въ коричневые безрукавые туніки, какъ носили еще во времена Аѳинской и Римской республики. Постоянное населеніе Константинополя было не меньше Римскаго, но кромѣ туземцевъ въ Византійской столицѣ всегда проживали въ большомъ числѣ иностранцы разнообразныхъ національностей. Весь свѣтъ устремлялся въ Византію. Моряки, торговцы, наемники, поденщики, челобитчики, обиженные и истцы, наконецъ просто любопытные и молодые люди, желавшіе поступить въ военную службу и проч.,—все это прибывало въ Константинополь со всѣхъ концевъ Византіи, изъ Европы, Азіи и Африки. Въ

Константинополь можно было встрѣтить людей различных типовъ, въ національныхъ костюмахъ: рядомъ съ длиннымъ кафтаномъ Парса можно было видѣть Герула въ широко-рукавомъ плащѣ изъ крысиныхъ шкурокъ, полосатый военный плащъ Гота, верблюжий бурнусъ Нумидянина, развѣвajícíся кудри Сикамбра, завитую бороду Перса, бѣлокурое лицо Херуска и бронзовую маску Мавра.

4.

Судьбѣ угодно было, чтобы Θεодора царствовала въ этой обширной имперіи, въ этомъ великолѣпномъ городѣ... надъ этими многочисленными народами.

Если вѣрить Прокопію, то Θεодора родилась въ конурѣ сторожа при дикихъ звѣряхъ въ амфитеатрѣ партіи Зеленыхъ. Отецъ ея Акакій умеръ вскорѣ послѣ ея рожденія, значить въ концѣ V вѣка, во время царствованія Анастасія. Жена Акакія вышла замужъ, или стала любовницей того человѣка, который замѣстилъ ея покойнаго мужа, кормившаго медвѣдей (*arctotrophus*). Но за полученную взятку одинъ изъ директоровъ цирка смѣстилъ его и поставилъ на его мѣсто другаго. Бѣдная женщина, очутившись съ малолѣтними дѣтьми въ полной нищетѣ, пустилась на хитрость. Она воспользовалась первыми скачками на гипподромѣ и заставила Θεодору и двухъ другихъ своихъ малютокъ выступить на арену. Она одѣла ихъ какъ будто они обречены на смерть, завѣсила вуалью, на голову повязала повязку; выйдя на арену, дѣти опустили на колѣни и съ мольбою протянули свои маленькія ручки въ сторону зрителей. Зеленые только смѣялись надъ слезами и мольбами этихъ дѣтей. Голубые-же разжалобились и воспользовались случаемъ, для того чтобы преподать своимъ соперникамъ урокъ гуманности. Когда умеръ одинъ изъ сторожей ихъ цирка, то они тотчасъ-же назначили на это мѣсто вочима трехъ маленькихъ просителей. Такимъ образомъ семья эта перешла изъ амфитеатра Зеленыхъ къ Голубымъ.

Эти амфитеатры были учреждены каждою партіей на свои

собственныя средства; представленія и состязанія въ нихъ посѣщались гораздо больше, чѣмъ въ большомъ гипподромѣ и тамъ на аренѣ происходили не одни только скачки на колесницахъ и борьба дикихъ звѣрей. Тамъ можно было услышать музыкальные хоры, можно было видѣть балетныя представленія и пантомимы, упражненія акробатовъ и жонглеровъ. Вотъ въ этихъ-то представленіяхъ Θεодора и появлялась передъ публикою. Она была слишкомъ еще мала для того, чтобы исполнять какую-нибудь отвѣтственную роль, а потому она только сопровождала свою старшую сестру Комито, пользовавшуюся уже большою любовью публики; Θεодора подавала сестрѣ разныя вещи и строила гримасы. Когда она подросла, то приобрѣла всѣ симпатіи публики. Она не бывала ни танцовщицею, ни пѣвицею, но отличалась какъ ловкая и граціозная акробатка и выдумывала новыя занимательныя фокусы съ замѣчательнымъ остроуміемъ. Какъ только она появлялась на сценѣ, всѣ взгляды обращались на нее и во время всего представленія не могли отъ нея оторваться. Особенно дружныя аплодисменты вызывала Θεодора въ тѣхъ пантомимахъ, въ которыхъ ее били и угощали пощечинами; она при этомъ строила такія уморительныя рожицы, дѣлала такія потѣшныя и въ то-же время миловидныя движенія и ужимки, съ такимъ искусствомъ переходила отъ плача къ смѣху, что никто изъ зрителей не могъ оставаться серьезнымъ или равнодушнымъ.

Была-ли Θεодора дѣйствительно такъ очаровательно-хороша, какъ объ томъ свидѣтельствуетъ Прокопій въ одномъ изъ своихъ сочиненій,—неизвѣстно. „Ея красота, говоритъ онъ, такая своеобразная, что никто не можетъ ее выразить словами или изобразить на картинѣ“. Или Θεодора была только очень хорошенькою и граціозною, какъ характеризуетъ ее Прокопій въ своей „Исторіи“ словами: *εὐπρόσωπος καὶ εὐχαρὶς*. Судя по этой послѣдней характеристикѣ, Θεодора была нѣсколько мала ростомъ, съ очень бѣлымъ, даже блѣднымъ лицомъ и живыми блестящими глазами. Этимъ и ограничивается описаніе наружности Θεодоры, которое намъ даетъ историкъ; онъ не говоритъ ничего о томъ, походила-ли она по сложенію

своего тѣла на Фрину, которая одержала побѣду надъ ареопагомъ и была натурщицей знаменитаго художника Апеллеса. Въ пользу сходства Теодоры съ Фриной говорить однако то, что она любила являться въ амфитеатрѣ, обвязавъ только вокругъ поясицы шелковый поясъ. Теодора намѣревалась даже нѣсколько разъ явиться передъ народомъ совершенно безъ всякаго прикрытія, но полицейскія правила этого не разрѣшали. За кулисами, а также на репетиціяхъ она совершенно раздѣвалась, нисколько не стѣсняясь присутствія акробатовъ и артистовъ, и въ такомъ видѣ упражнялась въ бросаніи диска.

Съ профессіей акробата Теодора соединяла ремесло куртизанки. Въ Теодорѣ олицетворялось распутство древняго міра во всей его грубости. Въ сравненіи съ нею Мессалину можно бы назвать воздержною.

Ведя такую жизнь, Теодора скоро приобрѣла худую славу. Встрѣчая ее на улицѣ, люди отвертывались отъ нея и переходили на другую сторону, чтобы не задѣть за ея платье и не дышать съ нею однимъ воздухомъ. Увидѣть ее утромъ считалось дурнымъ предзнаменованіемъ на весь день. Тѣмъ не менѣе, нѣкто Экеболъ, человекъ вольномыслящій и не заботившійся объ общественномъ мнѣніи, увезъ Теодору съ собою въ Киренаику, когда его назначили туда губернаторомъ. Онъ надѣялся, что репутація Теодоры не успѣла еще проникнуть въ Африку; но вскорѣ-же онъ совершенно разочаровался въ недостойной Теодорѣ и выгналъ ее изъ своего дома. Очутившись безъ всякихъ средствъ къ жизни, въ нищетѣ, Теодора кочевала по всѣмъ городамъ восточной Африки, начиная отъ Кирены до Александріи, ведя образъ жизни куртизанки. Когда она вернулась снова въ Константинополь, ей было уже около двадцати-пяти лѣтъ. Теодору, говоритъ Прокопій, трудно было узнать, до того она постарѣла и поблѣднѣла отъ разгульной жизни, которую она вела въ послѣднее время. Вернулась она въ Константинополь послушавшись предсказанія одной колдуньи, подтвердившагося сномъ. Ей снилось, что она вышла замужъ за начальника демоновъ и стала такимъ образомъ обладательницей богатствъ всего міра.

Этотъ начальникъ демоновъ — ὁ ἄρχων τῶν δαιμόνων — по Прокцію, былъ никто иной, какъ Юстиніанъ. Въ ту пору послѣ императора Юстиніанъ былъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ людей въ государствѣ. Онъ родился въ Дакии (между 483 и 489 годами) въ семействѣ бѣдныхъ крестьянъ и былъ привезенъ въ Константинополь своимъ дядей Юстиномъ. Этотъ Юстинъ сначала былъ простымъ солдатомъ, но за свои особыя заслуги былъ сдѣланъ княземъ, сенаторомъ и командиромъ императорской гвардіи. Дядя пригласилъ для обученія Юстиніана ученаго монаха Теофила и поручилъ ему дать своему ученику такое образованіе, какое соотвѣтствовало тому кругу, въ которомъ вращался онъ самъ. Юстиніанъ научился искусству краснорѣчія и бойко писалъ, онъ изучилъ музыку и архитектуру, но выказалъ особыя способности и знанія въ правовѣдніи и богословіи. Юстиніанъ былъ самолюбивъ въ высшей степени и съ замѣчательною ловкостью умѣлъ вѣрно оцѣнить, какая сторона въ данный моментъ болѣе сильная и всегда ей покровительствовалъ, въ надеждѣ со-временемъ извлечь изъ того свои выгоды; онъ былъ большой знатокъ людей и умѣлъ пользоваться ими для своихъ цѣлей; онъ не стѣснялся выборомъ средствъ для достиженія цѣли, отличался всегда своею невозмутимостью, сдержанностью, терпѣніемъ и скрытностью. Юстиніанъ понималъ, что положеніе даже второстепенное, подчиненное при дворцѣ, гдѣ завязывалось столько интригъ, гораздо выгоднѣе чѣмъ независимое, почетное назначеніе въ провинціи; оставаясь при дворцѣ, онъ скорѣе надѣялся достигнуть могущества и высшихъ почестей. Однимъ словомъ, Юстиніанъ былъ надѣленъ немногими хорошими свойствами, но обладалъ всѣми качествами, необходимыми для того, чтобы скоро достигнуть почетнаго, могущественнаго положенія. Можно даже думать, что многіе изъ его совѣтовъ оказали большую пользу дядѣ его Юстину. Юстиніанъ несомнѣнно содѣйствовалъ долгой безупречной службѣ своего дяди и помогъ ему попасть на императорскій престолъ, по смерти Анастасія (518 г.).

Юстинъ вознаградилъ за все это своего племянника и въ

сравнительно короткое время надавалъ ему званія сенатора, полководца, патриція, почетнаго губернатора Африки и Итали, и наконецъ начальника дворцовой гвардіи.

И вотъ въ это-то время, когда Юстиніанъ удостоился всѣхъ этихъ почетныхъ и важныхъ должностей, судьба свела его съ Θεодорою. Онъ влюбился въ нее и надо думать, что легко одержалъ надъ ней побѣду. Въ своей „Исторіи“ Прокопій говоритъ, что въ ту пору, когда Θεодора сдѣлалась любовницею Юстиніана, онъ уже былъ сильнымъ государственнымъ человѣкомъ. Это было уже послѣ восшествія на престолъ Юстина, значить послѣ 518 года. Извѣстно также, что тетка Юстиніана, императрица Евфимія, рѣшительно была противъ его брака съ Θεодорой, такъ что онъ женился на ней только послѣ ея смерти, въ 523 или 524 году. Впрочемъ надо признать, что Θεодора, одна встрѣча съ которою считалась дурнымъ предзнаменованіемъ, не принесла Юстиніану никакого несчастья. Въ первый-же годъ ихъ совмѣстной жизни Юстиніанъ получилъ консульство и при томъ при обстоятельствахъ особенно благопріятныхъ. Въ 520 году столкновенія между партіями привели къ мятежамъ, беспорядкамъ, а потому до конца года были запрещены всѣ увеселенія. Когда наступилъ новый годъ, то Юстиніанъ, какъ консулъ, долженъ былъ официально открыть циркъ и этимъ обезпечилъ себѣ популярность. При этомъ онъ не преминулъ щегольнуть своею роскошью и щедростью. Юстиніанъ беззабѣчно запуская руку въ царскую казну, значительно увеличенную бережливымъ Анастасіемъ: онъ тратилъ болѣе восьми милліоновъ франковъ на игры, представленія, увеселенія, на состязанія дикихъ звѣрей и на раздачу денегъ народу. Черезъ два года сенатъ предложилъ императору удостоить Юстиніана званіемъ „нобиліссимуса“ (*nobilissimus*), что равносильно нынѣшнему титулу императорскаго высочества; это званіе давало Юстиніану право считаться наслѣдникомъ престола. Юстинъ санкціонировалъ постановленіе сената. Упрочивъ свое могущество, Юстиніанъ выхлопоталъ для Θεодоры званіе патриціи, титулъ, считавшійся одною степенью только ниже нобилісси-

муса, по дворянской іерархіи того времени. Когда Θεодора получила этотъ титуль, то въ глазахъ народа приобрѣла большое значеніе и къ ней стали питать довѣріе и даже уваженіе; къ ней стали прїѣзжать со всѣхъ концовъ государства челобитчики и истцы со всевозможными просьбами; она воспользовалась этимъ и сумѣла приобрести отъ нуждавшихся въ ея содѣйствіи людей значительныя суммы денегъ. Впослѣдствіи Юстиніаномъ былъ изданъ законъ, по которому на частное имущество Θεодоры должны были распространиться императорскія преимущества.

Но влюбленному Юстиніану казалось, что, — присвоивъ Θεодорѣ титуль патрициі, обезпечивъ ея имущество, — онъ сдѣлалъ для нея еще мало, а потому онъ рѣшился жениться на ней. Но мать умоляла его не дѣлать этого, а тетка его, императрица Евфимія рѣшила употребить все свое вліяніе для того, чтобы воспрепятствовать этому браку. Она ссылалась на то, что по закону, гражданину, удостоенному званія сенатора, не разрѣшалось жениться на бывшей комедіанткѣ или дочери актера, да и вообще — на женщинѣ или дѣвушкѣ низкаго происхожденія. Но когда въ 523 году Евфимія скончалась, то Юстиніанъ выхлопоталъ черезъ императора, чтобы вышеприведенный законъ былъ отмѣненъ и, не смотря на слезы матери (которая будто-бы и умерла отъ горя), онъ былъ публично повѣнчанъ съ Θεодорою.

Три года послѣ того, старый Юстинъ, до послѣдняго времени надѣявшійся еще долго жить, почувствовалъ приближеніе смерти. Въ четвергъ на Страстной недѣлѣ, 1-го апрѣля 527 года, императоръ велѣлъ позвать къ себѣ Юстиніана и Θεодору, и въ присутствіи депутаціи отъ сената, далъ имъ титуль Августовъ.

Въ первый день Пасхи, въ соборѣ святой Софіи, Юстиніанъ и Θεодора были коронованы патриархомъ Епифаномъ. Изъ собора императорская чета для публичнаго освященія отправилась въ гипподромъ, который въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ служилъ форумомъ. Ни одного оскорбительнаго слова или ропота не раздавалось въ толпѣ, напротивъ, слышались

только единодушные крики одобренія и въ концѣ церемоніи народъ на рукахъ донесъ Юстиніана съ женою до императорскаго дворца. Ни одного слова, какъ говоритъ Прокопій, не было сказано въ сенатѣ, ни слова не послышалось отъ священства, въ народѣ или въ войскахъ по поводу этой постыдной комедіи, не смотря на то, что всѣ еще не забыли, какъ на томъ-же мѣстѣ, гдѣ теперь чествовали Θεодору, она отдавалась первому встрѣчному.

Черезъ нѣсколько времени послѣ коронованія умеръ Юстинъ; передача власти произошла безъ всякихъ недоразумѣній. Бывшая канатная плясунья и куртизанка, еодора отнынѣ называлась императрицею римлянъ; градоначальники, епископы, губернаторы провинцій и командующіе войсками всѣ должны были ей присягать по слѣдующей формулѣ:

„Клянусь во имя Всемогущаго Бога, и Господа нашего Исуса Христа и Бога Духа Святаго, во имя Пренепорочной Дѣвы и Матери Господа нашего, во имя четырехъ Евангелистовъ и святыхъ и честныхъ архангеловъ Гавріила и Михаила, что я буду честно и неизмѣнно служить государю нашему Юстиніану и супругѣ его, государынѣ Θεодорѣ“.

5.

Рисуя въ предыдущихъ главахъ портретъ Θεодоры, мы говорили, что въ юности своей она предавалась самому беззастѣнчивому грубому разврату. Такое представленіе мы составляемъ себѣ о еодорѣ, читая историка Прокопія. Но, спрашивается, соотвѣтствуетъ-ли это представленіе истинѣ и если соотвѣтствуетъ, то насколько? Нельзя-ли подозревать тутъ клеветы, быть можетъ возведенной на ни въ чемъ неповинную Θεодору только потому, что происхожденія она была темнаго и провела свое дѣтство и юность въ бѣдности и уединеніи?

Юридическая аксіома: *Testis unus, testis nullus* (одинъ свидѣтель — не есть свидѣтель), имѣетъ свое значеніе и въ исторіи. И въ чемъ-же заключается это единственное свидѣ-

тельство, говорящее противъ Θεодоры? Въ чемъ-же заключается эта единственная противъ нея улика? Противъ нея говоритъ писатель одновременно историкъ и памфлетистъ, то преувеличенный защитникъ, то завзятый обличитель, даже клеветникъ, желающій отомстить своимъ современникамъ за оказанную ему немилость и причиненныя несчастія. Какое довѣріе можно питать къ писателю, который, съ одной стороны, отдавая полную справедливость императору въ своихъ сочиненіяхъ: Война съ Персами, Война съ Вандалами, Война съ Готами,—написалъ въ то-же время Секретную Исторію, въ которой прямо мѣшаетъ Юстиніана съ грязью? Съ одной стороны, Прокопій говорилъ: — „Юстиніанъ для своихъ подданныхъ былъ лучше отца роднаго... образцовый императоръ; все въ немъ божественно:—это ангелъ, посланный съ неба для славы и блага имперіи. Что значать въ сравненіи съ его побѣдами дѣтскія забавы Θεмистокла и Кира?“ Но тотъ-же Прокопій говоритъ, что Юстиніанъ совершилъ всевозможныя преступленія, разворилъ имперію, навсегда уронилъ могущество и силу римлянъ; мало того, онъ называетъ его осломъ, сравниваетъ съ Домиціемъ, говоритъ, что онъ демонъ съ человѣческимъ обликомъ. Это противорѣчіе показалось такимъ непонятнымъ, что многіе критики XVII, XVIII и даже нынѣшняго столѣтія высказываютъ сомнѣніе въ томъ, чтобы Прокопій былъ авторомъ Секретной Исторіи. Но не смотря на то, что они приводили въ подтвержденіе своего предположенія довольно вѣскія данныя, Никифоромъ Каллистомъ доказано, что Войны, Сочиненія и Анекдоты—Секретная Исторія были написаны однимъ и тѣмъ-же лицомъ. Но отъ того эта скандальная хроника не пріобрѣтаетъ большаго научнаго значенія, большаго достовѣрности. Такъ, Любовныя походенія Галловъ, Мемуары графа Viel-Castel'a, пасквиль на Марію-Антуанетту и проч. не заключаютъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, но, тѣмъ не менѣе, никто не будетъ считать эти сочиненія рѣшающими, авторитетными.

Если кто-нибудь пожелаетъ прочесть о Θεодорѣ-царицѣ, то можетъ пользоваться Секретною Исторіей Прокопія,

такъ какъ не трудно различить въ этомъ сочиненіи вымыселъ отъ истины, если сличать его съ другими сочиненіями Прокопія, съ другими авторами изъ духовенства и византійскими хрониками. Если сопоставить то, что говоритъ Прокопій памфлетистъ съ тѣмъ, что онъ-же утверждаетъ, какъ историкъ, и принять во вниманіе другихъ лѣтописцевъ, то его въ нѣсколькихъ мѣстахъ можно поймать въ явной клеветѣ и лжи. Но онъ не всегда склоненъ къ вымыслу: многіе факты, которые онъ рассказываетъ, сообщены также Малалюю, Теофаномъ и Пасхальною Хроникою. Прокопій преувеличиваетъ, искажаетъ, вдаетъ въ ненужныя подробности, тѣмъ не менѣе отъ его исторіи нельзя отнять извѣстной исторической точности. Къ сожалѣнію, для сужденія о достовѣрности того, что онъ говоритъ о первыхъ годахъ жизни Θεодоры, недостааетъ серьезнаго матеріала, такъ какъ данныя Прокопія можно сопоставить только съ писателями изъ значительно позднѣйшей эпохи, а потому не заслуживающихъ большаго довѣрія.

Лже-Гордіенъ говоритъ, что по происхожденію Θεодора была патриціанка и принадлежала къ знатной фамиліи Аникія: — вотъ взглядъ, подрывающій достовѣрность легенды о канатной плясунѣ. Зонарь и Никифоръ Каллисть говорятъ, что Θεодора родилась на островѣ Кипрѣ, а это не согласуется съ преданіемъ о циркѣ Зеленыхъ, или придется допустить, что Акакій, отецъ Θεодоры, переселился изъ Кипра въ Константинополь и тамъ сдѣлался сторожемъ при циркѣ. Незвѣстный авторъ Древностей Константинополя говоритъ, что императрица велѣла построить церковь святаго Пантелеймона на томъ мѣстѣ, гдѣ находилась жалкая лачуга, въ которой еще недавно она жила, прокармливаясь пряжею льна. Этотъ взглядъ противорѣчитъ легендѣ о куртизанкѣ или придется допустить, что по своему возвращенію изъ Пентаполя, Θεодора прожила нѣсколько лѣтъ въ Константинополѣ, ища уединенія и работы. Этотъ взглядъ также вполне возможный.

Но всѣ эти свидѣтельства не заслуживаютъ большаго довѣрія. Съ другой стороны, если, какъ мы уже говорили выше, нельзя не вѣрить всему тому, что Прокопій говоритъ въ своей

Секретной Исторіи о царствованіи Юстиніана, то спрашивается, почему-же намъ не принять всего того, что онъ говоритъ о молодости Θεодоры? Неужели-же мы все это должны считать за вымыселъ самого Прокопія? Разъ мы ему должны вѣрить въ одномъ случаѣ, то почему-же мы будемъ сомнѣваться въ другомъ? А такъ какъ многія данныя Прокопія о царствованіи Юстиніана вѣ всякаго сомнѣнія, то врядъ-ли можно не вѣрить тому, что онъ пишетъ о распутной жизни Θεодоры въ ея молодости. Что-же касается аргумента Гиббона въ пользу того, что обвиненія Прокопія слишкомъ невѣроятны для того, чтобы ихъ можно было сочинить, то его (аргументъ) можно скорѣе признать правдоподобнымъ, нежели основательнымъ.

За недостаткомъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ, нужно во всякомъ случаѣ весьма осторожно относиться къ даннымъ Прокопія и отнюдь не полагаться черезчуръ на его правдивость. Если Θεодора дѣйствительно была куртизанкой и репутація ея была такая ужасная, что всѣ отворачивались при встрѣчахъ съ нею, то какъ допустить, чтобы Юстиніанъ, сенаторъ, командующій императорскою гвардіей и наслѣдникъ престола, публично выбралъ эту женщину себѣ въ любовницы, далъ ей званіе патриціанки и наконецъ женился на ней? Не рисковалъ-ли онъ при этомъ своею популярностью, компрометировать себя передъ сенатомъ и потерять престоль? Какъ допустить, чтобы ни у кого не вырвалось восклицанія или слова удивленія и даже неудовольствія во время коронованія Юстиніана и представленія народу? Положимъ, Прокопій говоритъ намъ, что императрица Евфимія до самой своей смерти противилась браку Юстиніана на Θεодорѣ, но одинъ современникъ, монахъ Теофилъ, говоритъ, что мать Юстиніана также не хотѣла дать согласіе на этотъ бракъ и вотъ по какой причинѣ. Одинъ колдунъ предсказалъ ей, что эта женщина „прекрасная, умная, образованная и съ властолюбивымъ характеромъ, сдѣлается злымъ гениемъ Юстиніана и имперіи“. Такимъ образомъ дѣло заключалось не въ поведеніи Θεодоры въ прошломъ, но въ той роли, которую ей предстоитъ играть

въ будущемъ. Прокопій утверждаетъ, будто Юстинъ долженъ былъ отмѣнить законъ Константина, воспреещающій женитьбу императора на комедіантѣ, для того чтобы Юстиніанъ могъ жениться на Θεодорѣ. Но кажется, нѣтъ болѣе сомнѣнія въ томъ, что отмѣна этого закона должна быть приписана Юстиніану и произведена она была черезъ десять лѣтъ послѣ его женитьбы на Сеодорѣ. Не слѣдуетъ-ли также удивляться тому, что во время своего возмущенія, Никаты не воспользовались случаемъ, чтобы упрекнуть Юстиніана какими-нибудь подробностями изъ прошлой жизни его супруги? Не удивительно-ли также, что ни одинъ византійскій историкъ не упоминаетъ о молодости Θεодоры, а еще болѣе странно то, что писатели изъ духовенства, какъ Кириллъ, Пелагій, Викторъ Тунисскій, Либерать, Анастасій и Никифоръ Каллисть въ своихъ обличеніяхъ и сатирахъ ни разу не упоминаютъ объ ужасной молвѣ, распространившейся о Θεодорѣ въ Константинополѣ. А между тѣмъ всѣ они были враждебно настроены противъ Юстиніана, какъ неодобрившему Халкедонскій соборъ.

6.

Царствованіе Юстиніана вполнѣ основательно считаютъ великимъ. Въ Константинополѣ, въ провинціяхъ и на границахъ стали появляться новыя зданія и новыя крѣпости. Предмѣстье разрослось, прекрасно обстроилось и стало именоваться четырнадцатымъ кварталомъ столицы; городъ Пальмира возродился изъ своихъ развалинъ въ небываломъ великолѣпіи; новый выпускъ государственныхъ облигацій свидѣтельствуетъ о могуществѣ императора и благоустройствѣ страны; они проникли въ Грецію, Малую Азію и побережья Африки, вплоть до Геркулесовыхъ столбовъ. Ученый Трибоніанъ, назначенный квесторомъ, предпринимаетъ съ помощью семнадцати юрисконсультовъ пересмотръ римскихъ законовъ. Кодексъ Юстиніана распространяется во всей имперіи, далѣе урегулируются отношенія духовенства къ государству, а также устанавливаются взаимныя отношенія между епископомъ въ

Римъ и патриархомъ въ Константинополѣ. Еще въ ту пору, когда Велизарій и Ситтасъ служили офицерами у Юстина, Юстиніанъ открылъ въ нихъ способности хорошихъ полководцевъ. Когда онъ самъ сдѣлался императоромъ, то отправилъ ихъ противъ Персовъ. Велизарій и Ситтасъ разбили непріятеля и закончили эту войну, продолжавшуюся съ перемѣннымъ счастьемъ болѣе тридцати лѣтъ. Другіе генералы, какъ Германнъ, Петръ, Хиріакъ покорили Цановъ и разбили варваровъ, вступившихъ уже въ Арменію. Юстиніанъ съ самаго начала своего царствованія придерживался своей знаменитой политики, состоявшей въ томъ, что онъ обращалъ въ вассаловъ тѣ изъ покоренныхъ народовъ, которыхъ обратить въ подданство почему либо было невозможно. Эта политика начинала уже давать свои результаты. Знаменитый полководецъ Мондонъ, сынъ царя Гепидовъ и родственникъ будущаго вождя Гунновъ, Атиллы, прислалъ къ Юстиніану свою депутацію съ выраженіемъ своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ и съ предложеніемъ принять его войска на службу Византіи. За Мондономъ и другіе цари, какъ Гордій, царь Гунновъ изъ Херсоннеса, Гретесъ, царь Геруловъ, дѣлаются союзниками императора. Всѣ самыя глухія и пограничныя города и мѣстечки имперіи находятся въ полной безопасности отъ нападенія варваровъ. Не зачѣмъ и спрашивать, какъ смотрѣлъ на все это народъ? Народъ съ радостью привѣтствовалъ новаго императора, ознаменовавшаго начало своего царствованія славными побѣдами и мудрыми мѣропріятіями.

Когда Юстиніана вторично выбрали консуломъ, то въ гипподромѣ былъ данъ цѣлый рядъ представленій и состязаній съ такимъ великолѣпіемъ, какою до того никогда не было.

Эти состязанія на колесницахъ, введенныя въ Римъ изъ Олимпіи, и въ Константинополѣ изъ Рима, страшно увлекали народъ въ большихъ городахъ государства. Эта страсть къ скачкамъ вытѣснила всѣ другія увлеченія народа. Греко-Римляне всѣ свои силы и способности, которыя они прежде тратили на диспуты и обсужденіе различныхъ общественныхъ вопросовъ въ форумѣ, теперь посвящали только состязаніямъ

въ гипподромѣ, кончавшимся иногда кровопротіемъ. Скачки замѣняли народу интересы къ политикѣ, удовлетворяли его пристрастію къ зрѣлищамъ и увлеченіе игрою. Весь народъ раздѣлился на двѣ соперничавшія между собою партіи, названіе которыхъ соотвѣтствовало цвѣту одежды возницъ. Одна партія нашла названіе Зеленыхъ, другая Голубыхъ; каждая имѣла своихъ начальниковъ, свою казну, свой особый амфитеатръ, своихъ лошадей, колесницы и персоналъ возницъ, конюховъ, фокусниковъ, всевозможныхъ служащихъ и стражу. Каждая партія должна была олицетворять собою извѣстныя политическія направленія и религіозныя воззрѣнія. Но въ дѣйствительности это не имѣло мѣста, какъ мы сейчасъ и увидимъ.

Императоръ раздѣлялъ вполне интересъ своихъ подданныхъ къ скачкамъ въ гипподромѣ. Онъ обыкновенно открыто высказывалъ свои симпатіи къ одной, или другой изъ партій и при этомъ случалось, что недовольные за что либо императоромъ присоединялись къ партіи враждебной той, къ которой онъ принадлежалъ. Если императоръ принадлежалъ къ партіи Голубыхъ, то побѣда Зеленыхъ считалась торжествомъ оппозиціи. Но эта оппозиція не имѣла никакого серьезнаго основанія, и единственнымъ его послѣдствіемъ было то, что смѣнялся какой нибудь министръ, или префектъ и замѣщался новымъ. Константинопольцы не думали даже возвратиться къ республиканскому образу правленія.

Маркъ Аврелій былъ осторожнѣе Юстиніана и не обнаруживалъ явнаго предпочтенія ни партіи Голубыхъ, ни Зеленыхъ. Юстиніанъ же былъ въ этомъ отношеніи менѣе предусмотрителенъ и держался стороны Голубыхъ вмѣстѣ съ Θεодоромъ, раздѣлявшей всегда его симпатіи и антипатіи. При томъ ни Юстиніанъ, ни Θεодора никогда не считали нужнымъ держать въ тайнѣ свои чувства. Знатнѣйшіе градоначальники имперіи, блиставшіе скорѣе своею ловкостью, нежели своими добродѣтелями, старались расположить къ себѣ императора тѣмъ, что провозносили партію Голубыхъ и старались взводить различныя обвиненія на Зеленыхъ. Эти люди знали,

что на жалобы Зеленыхъ во дворцѣ не обратятъ никакого вниманія, а потому не стѣснялись открыто оскорблять ихъ и позволяли себѣ даже насильственные поступки. Зеленые не находили никакой поддержки въ администраціи и никакой защиты въ судахъ. Голубые же, будучи увѣрены въ своей безнаказанности, преслѣдовали Зеленыхъ при каждомъ представлявшемся къ тому случаѣ. Столкновения возбужденныхъ сторонъ нерѣдко доводили до рукопашныхъ и даже кровопролитныхъ схватокъ. Можно было опасаться, что возобновятся беспорядки и возмущенія 520-го года, съ такимъ успѣхомъ прекращенные Константинопольскимъ префектомъ Θεодотомъ и Антиохійскимъ префектомъ Ефремомъ. Но знали-ли Юстиніанъ въ точности о всемъ томъ, что у него творится въ столицѣ? Императоръ жилъ въ своемъ обширномъ дворцѣ совершенно изолировано и немного о томъ, что творится въ Константинополѣ, а тѣмъ паче—въ другихъ городахъ имперіи, доходило до него: городской шумъ не достигалъ до его слуха. Онъ зналъ о событіяхъ, о царствовавшемъ общественномъ мнѣніи, только то, что находили нужнымъ доносить до его свѣдѣнія его лживые министры и приближенные, нерѣдко нарочно обманывавшіе его.

Только въ одномъ мѣстѣ Константинополя императоръ могъ услышать откровенное мнѣніе народа. Только въ гипподромѣ, этомъ форумѣ, трибуналѣ и capitoлии второго Рима, народъ сохранилъ свободу слова прежнихъ Римлянъ.

7.

Тринадцатаго Января 532 года, въ первые иды ¹⁾ новаго года въ гипподромѣ повалила толпа болѣе многочисленная, чѣмъ обыкновенно. Сто тысячъ зрителей толклись въ проходахъ цирка и занимали мѣста на скамейкахъ. Послышались крики и пѣсни, развѣвались голубыя и зеленыя знамена пар-

¹⁾ иды = пятнадцатое число марта, мая, іюля и октября и тринадцатое прочихъ мѣсяцевъ у римлянъ.

тій. Наконецъ прибываютъ патриархи, патриции, князья и епископы и занимаютъ свои мѣста въ оставленныхъ для нихъ ложахъ. Отряды четырехъ гвардейскихъ корпусовъ въ блестящихъ шлемахъ и латахъ, сколѣры, кубукулиры, слуги и полицейскіе устанавливаются вокругъ своихъ знаменъ на террасѣ Пій. Бронзовыя двери Каэизма открываются и Юстиніанъ въ коронѣ и со скипетромъ, окруженный генералами, офицерами и эвнухами приближается къ краю трибуны. Слышатся возгласы и шепотъ толпы и все это смѣшивается въ могучій ропотъ, почти крикъ. Юстиніанъ благословляетъ народъ, осѣняя его крестнымъ знаменіемъ полою своей пурпуровой трабеи ¹⁾).

Тогда колесницы вѣзжаютъ на арену. Въ партіи Голубыхъ крики смолкаютъ, между тѣмъ какъ въ амфитеатрѣ Зеленыхъ шумъ и волненіе продолжаютъ. Юстиніанъ остается непоколебимымъ и дѣлаетъ видъ, что ничего не слышитъ. Но неодобрительный шепотъ и крики становятся все сильнѣе, явственнѣе и знаменательнѣе, и тогда императоръ даетъ мандатору, одному изъ своихъ офицеровъ, приказаніе потребовать отъ народа, чтобы онъ объяснилъ значеніе этихъ беспорядковъ. Зеленые сначала были испуганы этимъ требованіемъ, а потому они съ почтеніемъ, почти смиренно, слѣдующими словами формулируютъ свои жалобы.

— „Да будешь ты благополучно царствовать еще много лѣтъ, о Августъ Юстиніанъ! Ты будешь всегда побѣдителемъ. Но мы страждемъ отъ разнаго рода несправедливостей и обращаемся къ твоей добротѣ и справедливости, извѣстной людямъ и Богу! Мы не можемъ долѣе терпѣть, не можемъ переносить долѣе всевозможныхъ преслѣдованій! Но мы не смѣемъ назвать имени нашего притѣснителя, боясь возбудить еще большія притѣсненія.

— Если дѣло заключается только въ этомъ—благоразумно отвѣчаетъ Юстиніанъ черезъ мандатора — то я ничего не знаю“.

¹⁾ Торжественная одежда у Римлянъ.

Выслушавъ этотъ отвѣтъ императора, делегатъ Зеленыхъ начинаетъ говорить другимъ тономъ, и вотъ между Юстиніаномъ, Зелеными и Голубыми завязывается удивительный по своей формѣ и содержанію разговоръ. Выраженія рабскаго подбострастія перемѣшиваются съ дерзостями, крики гнѣва— съ насмѣшками и ироническими выраженіями, божба пересыпается съ ужаснымъ богохульствомъ. Вопросы и отвѣты, жалобы и угрозы слѣдуютъ другъ за другомъ, какъ строфы и антистрофы траги-комическаго древне-греческаго хора.

— „Какъ это ты ничего не знаешь?!—въ волненіи говорить делегатъ Зеленыхъ. Клянусь Богородицею, этого не можетъ быть! Развѣ ты не знаешь, что нашъ постоянный притѣснитель никто иной, какъ одинъ изъ твоихъ придворныхъ офицеровъ?

— Нѣтъ, никто изъ моихъ офицеровъ не обижалъ васъ.

— Нашъ мучитель—Калоподіосъ, камергеръ и защитникъ верховной власти, да буде тебѣ извѣстно, нашъ Государь!

— Неправда, Калоподіосъ не вмѣшивается даже въ ваши дѣла.

— Пусть онъ только посмѣетъ еще разъ вмѣшиваться, гдѣ его не спрашиваютъ. Онъ тогда не избѣгнетъ участи Іуды! Господь воздастъ ему по дѣламъ его!

— Вы что же это пришли въ гипподромъ для того чтобы наносить оскорбленія властямъ?

— Несправедливаго постигнетъ участь Іуды.

— Замолчите вы, іудеи, манихейцы, самаритяне!

— Да заступится за насъ Пресвятая Богородица!

— Я вамъ приказываю, насмѣхается тогда мандаторъ, чтобы вы всѣ, сколько васъ есть, приняли крещеніе!

— Мы не смѣемъ ослушаться твоего приказанія, также насмѣшливо отвѣчаютъ Зеленые. Пускай принесутъ воды и насъ окрестятъ всѣхъ до послѣдняго.

— Вы это что-же, не дорожите жизнью? въ гнѣвъ восклицаетъ Юстиніанъ.

— Всякій человекъ дорожитъ жизнью. Если же мы скажемъ тебѣ что-нибудь непріятное, то просимъ тебя, государь

нашъ, быть великодушнымъ и не преслѣдовать за это! Вѣдь Господь Богъ все выслушиваетъ съ терпѣніемъ... Но объясни намъ, почему же это Зеленые нигдѣ не находятъ поддержки и справедливости?

— Вы лжете! Это неправда!

— Пусть намъ запретятъ носить наше зеленое знамя и увидите, что тогда судьямъ нечего будетъ больше дѣлать. Сегодня въ городѣ было совершено убійство и конечно никто не сомнѣвается въ томъ, кто его совершилъ. Это напередъ извѣстно, что если совершено преступленіе, то виновные принадлежатъ къ партіи Зеленыхъ... Насъ всѣ подозреваютъ и проклинаютъ. А на дѣлѣ-то крамольники вы, Голубые, и первый убійца ты самъ!

— Вы всѣ подлежите смертной казни!“

Тогда вмѣшались Голубые:

— Вы и только вы одни крамольники и убійцы!

— Нѣтъ, неправда—это вы сами!

— А кто же по вашему убилъ вчера торговца лѣсомъ?

— Конечно вы!

— А кто убилъ сына Еспагаэоса?

— Вы... конечно вы?

— О Боже Милосердый! Куда же дѣвалась справедливость!

— Господь не внимаетъ преступникамъ, нравоучительнымъ тономъ говорить Юстиніанъ черезъ мандатора, дѣлая видъ, что до сихъ поръ не отказывается отъ своихъ религіозныхъ взглядовъ.

— Если господь не внемлетъ злодѣямъ, то почему же мы испытываемъ постоянное гоненіе? Пускай призовутъ ученаго или отшельника-монаха для рѣшенія этого вопроса.

— Ахъ вы богохульники! Замолчите лучше, невѣрующіе! Не то васъ заставятъ молчать!

— Если ты полагаешь, что мы сказали все, что было нужно, то мы замолчимъ, государь нашъ... Желаемъ правосудію дальнѣйшаго преуспѣянія и успѣха! Теперь твои при-

говоры ничто! Мы убѣжимъ и перейдемъ въ іудейство. Лучше перейти въ язычество, чѣмъ покориться партіи Голубыхъ!

— О ужасъ! восклицаютъ Голубые съ насмѣшкою. Какая это для насъ будетъ великая потеря! Какого избраннаго общества, какихъ достойныхъ людей мы потеряемъ!

— „Такъ пусть же тогда будутъ вырыты изъ могилъ кости всѣхъ тѣхъ, которые останутся въ гипподромѣ на сегодняшнее представленіе!“—въ одинъ голосъ закричали Зеленые и, воспользовавшись минутнымъ замѣшательствомъ своихъ противниковъ, какъ одинъ человѣкъ встали и вышли изъ цирка.

Это было величайшимъ оскорбленіемъ царскаго достоинства, какое можно себѣ представить. Юстиніанъ тотчасъ же возвращается въ свой дворецъ и вслѣдъ за нимъ и Голубые выходятъ изъ гипподрома, хотя былъ всего только полдень. Префектъ Евдемонъ, разсерженный этою сценою, разыгравшейся въ циркѣ, опасается, что императоръ привлечетъ его къ отвѣтственности за случившееся; поэтому онъ рѣшается какъ нибудь исправить дѣло. Первымъ долгомъ онъ приказываетъ арестовать трехъ субъектовъ, на которыхъ болѣе или менѣе падаетъ подозрѣніе въ убійствѣ торговца лѣсомъ и сына Еспагаэоса. Ихъ наскоро судятъ, приговариваютъ къ смертной казни и полицейскіе солдаты уводятъ ихъ въ старую Византію на лобное мѣсто.

Въ присутствіи массы народа, еле скрывающаго свое бѣшенство и негодованіе, палачъ вѣшаетъ перваго изъ осужденныхъ. Но когда онъ собирается покончить и со вторымъ, то лопаается веревка и онъ падаетъ съ висѣлицы. Тогда народъ выражаетъ свое одобреніе, бросается на стражу и освобождаетъ второго и третьяго осужденнаго. Ихъ сажаютъ на барку и переправляютъ на другой берегъ Босфора, гдѣ они находятъ убѣжище въ церкви святаго Лаврентія.

Одинъ изъ освобожденныхъ принадлежалъ къ партіи Голубыхъ, другой—къ Зеленымъ. Утромъ еще Голубые и Зеленые были самыми ожесточенными врагами, теперь они дѣйствуютъ сообща. Не смотря на ночное время, бушующая толпа направляется къ воротамъ императорскаго замка и требуетъ

помилованія узниковъ и осужденныхъ. Но императоръ не по-
даетъ признаковъ жизни и тогда толпа направляется къ
дворцу префекта Евдемона. Завязывается схватка между стра-
жею дворца и буйствующею толпою. Перерѣзавъ солдатъ,
народъ поджигаетъ преторію и огонь, благодаря вѣтру, быстро
переходитъ на сосѣдніе дома и охватываетъ всю улицу.
Тогда бунтовщики направляются къ тюрьмѣ, взламываютъ
двери и освобождаютъ воровъ и убійць, затѣмъ начинается
грабежъ и поджогъ и по улицамъ раздаются крики: „Nixal Nixal!
(Будь побѣдителемъ!)“ и возгласы эти повторяются тысячами
голосовъ мятежниковъ.

На слѣдующій день, 14 января, утромъ уже толпа на-
рода стучалась въ ворота дворца. Вышло двое придворныхъ
и попытались вести переговоры съ мятежниками, предлагая
имъ успокоиться. Но тысячи голосовъ кричало: „Трибоніанъ!
Іоаннъ Каппадоскій! Евдемонъ! Калоподіосъ!“ Въ надеждѣ
успокоить народъ, Юстиніанъ объявляетъ, что смѣститъ своихъ
четырёхъ градоначальниковъ и поставитъ на ихъ мѣста новыхъ.
Но это средство нисколько не помогало: бунтъ превратился
въ возмущеніе, касавшееся уже не приближенныхъ Юстиніана,
имъ покровительствуемыхъ, а самаго императора. Его уступки
не могли уже обезоружить разъяренную толпу.

Пятнадцатаго января, Юстиніанъ, видя что всё его мѣро-
пріятія не ведутъ ни къ чему, даетъ приказаніе прекратить
возстаніе силою. Войско Геруловъ, надежное въ случаѣ мя-
тежей, какъ всё наемники, но дикое и жестокое, направ-
ляется изъ дворца на встрѣчу бунтовщикамъ. Въ пылу сра-
женія варвары опрокидываютъ священниковъ, вышедшихъ
съ хоругвями и образами для того, чтобы разнять непріате-
лей. Тогда въ народѣ раздаются крики: „святотатство! Бого-
хульство!“ и миролюбивые граждане, до сего времени не при-
нимавшіе никакого участія въ возстаніи и даже женщины при-
соединяются къ мятежникамъ. И вдругъ на солдатъ Мондона
посыпался градъ черепиць, камней, съ крышъ полетѣли плиты,
домашняя утварь и горячія головни, такъ что наемники въ без-
порядкѣ обратились въ бѣгство, назадъ къ дворцу Юстиніана.

Въ слѣдующіе два дня, 16 и 17-го января, пожары продолжали разрушать городъ и убійства не прекращались. Если считали когонибудь приверженцемъ Юстиніана, то его прямо душили, или топили въ Босфорѣ какъ собаку, привязавъ камень на шею. Лавки и квартиры золотыхъ дѣлъ мастеровъ грабили до чиста и потомъ поджигали дома ихъ. Болѣе состоятельная и богатая часть населенія эмигрировала массами на Азіятскій берегъ. Въ разныхъ концахъ города виднѣются зловѣщіе громадныя костры, и огонь превращаетъ въ пепель тысячи домовъ и городскихъ зданій: Соборы святой Софіи, святой Ирины, св. Теодоры, св. Аквилины, бани Александра, Октогонъ, купальни Зевксиппа со всѣми своими украшеніями и статуями, убѣжище Евбула, народный портикъ, большая больница и проч.—все это превращено въ развалины или пепель...

Въ шестой день возстанія, 18 января, эвнухъ Нарзесъ сталъ подкупать извѣстную часть Голубыхъ для того, чтобы посѣять распрю между инсургентами, принадлежавшими прежде къ враждебнымъ партіямъ. Юстиніанъ надѣялся успокоить возмущенный народъ, если открыто выступить передъ нимъ и дать обѣщаніе всепрощенія. И вотъ, когда толпа собралась въ гипподромъ и бурно совѣщалась, на трибунѣ появился императоръ, въ сопровожденіи многочисленной свиты, приближенныхъ и стражи. Онъ держалъ въ рукахъ Евангеліе и громкимъ голосомъ обратился къ народу со слѣдующими словами:

— „Клянусь этою священною книгою, что я прощаю вамъ всѣ нанесенныя мнѣ оскорбленія. Никто изъ васъ не будетъ привлеченъ къ отвѣтственности, или наказанъ, если вы добровольно успокоитесь и прекратите всѣ безпорядки“.

И затѣмъ, унижая свое царское достоинство, Юстиніанъ продолжалъ:

— „Я одного себя считаю виновнымъ, васъ же признаю невиновными. Это несчастіе послано мнѣ свыше, за мои прегрѣшенія, за то, что я отказывался выслушивать ваши настоячивыя просьбы и справедливыя жалобы“.

Послѣ этихъ словъ кое-гдѣ слышались крики: „Да здравствуетъ императоръ Юстиніанъ и супруга его императрица Θεодора!“

Но эти возгласы тотчасъ же были заглушены и покрыты неодобрительнымъ свистомъ, угрозами и ругательствами:— „Ты лжешь, скотина! слышалось въ одномъ концѣ гипподрома.— Смерть богохульнику! Смерть убійцѣ!“ слышалось въ другомъ. Когда Юстиніанъ услышалъ эти угрозы, онъ поспѣшилъ вернуться во дворецъ, не смотря на то, что его трибуна считалась совершенно неприступною.

Тогда народъ, желая выбрать себѣ новаго императора, направляется къ дому Ипатія, племянника Анастасія. Гордость и боязнь боролись въ душѣ Ипатія, когда онъ узналъ, чего требуетъ отъ него народъ. Но пока онъ колебался принять или не принять предложеніе народа, жена его плакала, опасаясь, что народъ намѣревается его убить. Не дожидаясь рѣшенія Ипатія, толпа насильно увлекаетъ его и брата Помпея за собою до форума Константина; тамъ поднимаютъ Ипатія на рукахъ, усаживаютъ на щитъ и торжественно провозглашаютъ императоромъ. Въмѣсто короны ему украшаютъ голову золотымъ ожерельемъ. Теперь толпа хочетъ непременно идти къ дворцу и покончить съ падшимъ тираномъ, но одинъ изъ сенаторовъ, участвовавшій въ возстаніи, останавливаетъ толпу и говорить:

— „Обождемъ лучше, пока наши военныя силы увеличатся, тѣмъ болѣе, что Юстиніанъ и не думаетъ нападать на насъ, а вскорѣ будетъ искать случая спастись бѣгствомъ. Если мы не будемъ слишкомъ спѣшить дѣйствовать, то безъ всякой борьбы сдѣлаемся побѣдителями“.

Народъ слѣдуетъ совѣту сенатора и, чтобы продолжать пародію коронованія, отправляются снова въ гипподромъ, усаживаютъ Ипатія на императорскую трибуну и привѣтствуютъ его всевозможными оваціями.

Между тѣмъ Юстиніанъ оставался въ глубинѣ священнаго дворца полумертвый отъ страху. Онъ уже все испыталъ съ народомъ: уступки и сопротивление, угрозы и силу; онъ

объщаль ему всепрощеніе и даже унижалъ свое царское достоинство, но все было тщетно, народъ не удовлетворялся этимъ... Со стороны Халкеи онъ видитъ пламя, угрожающее его дворцу, со стороны гипподрома слышитъ крики и ругательства, слышитъ какъ народъ угрожаетъ убить его и въ то же время превозносить его намѣстника, Ипатія. Инсургенты нападаютъ на арсеналь, завладѣваютъ оружіемъ и вооружаются и теперь только бронзовыя ворота отдѣляютъ Юстиніана отъ разъяренной, жаждущей его крови толпы мятежниковъ. И кто-же остается вѣрнымъ ему, на чью защиту онъ можетъ рассчитывать? При немъ осталась только какая-нибудь тысяча заслуженныхъ воиновъ Велизарія и двѣ тысячи варваровъ; что-же касается императорской гвардіи, прислуги, кубикуляровъ и придворной стражи, то на ихъ вѣрность рассчитывать никогда нельзя было. Юстиніанъ, хотя и многократно умѣлъ одерживать побѣды при помощи своихъ генераловъ и войска, не обладалъ военною храбростью, мало того, у него не было и гражданскаго мужества. Въ своемъ соображеніи онъ видѣлъ уже, какъ его полумертваго отъ страха ведутъ на казнь, подобно какому-нибудь Вителлію, его бьютъ и издѣваются надъ нимъ.

Онъ созываетъ совѣтъ изъ своихъ министровъ, приближенныхъ, генераловъ и немногихъ сенаторовъ и патриціевъ, оставшихся ему вѣрными; каждый изъ нихъ долженъ высказать откровенно передъ императоромъ и императрицею свое мнѣніе о томъ, что слѣдуетъ теперь предпринять для того, чтобы выйти изъ опаснаго положенія, въ которомъ находятся. Но самые сильные духомъ изъ нихъ потеряли мужество и заразились паникою. Юстиніанъ не требовалъ, чтобы ему совѣтовали, онъ требовалъ только, чтобы одобрили его рѣшеніе бѣжать, этотъ единственный исходъ, который ему остался. Уже три дня около дворцоваго сада стоялъ на якорѣ корабль, нагруженный его драгоценностями и богатствомъ. Юстиніанъ съ императрицею сядутъ на корабль, а Велизарій со своими тремя тысячами солдатъ попытается подавить возстаніе. Такимъ образомъ императору удастся спасти свою жизнь, но

престоль для него будетъ потерянь на вѣки. Съ другой стороны, съ такою горстью солдатъ Велизарій могъ надѣяться подавить возстаніе только въ томъ случаѣ, если его люди были-бы воодушевлены присутствіемъ императора и прониклись сознаниемъ, что должны спасти его или погибнуть. Тѣмъ не менѣе всѣ призванные на совѣщаніе, не исключая даже Велизарія и Мондона, одобрили прозектъ Юстиніана.

Во время всего совѣщанія Θεодора хранила молчаніе. Но, раздраженная трусостью своего мужа и малодушіемъ его офицеровъ, она съ твердостью сказала:

„— Если-бы не оставалось другаго способа спастись, какъ бѣгство, я не желала-бы бѣжать. Не всѣ-ли мы можемъ ожидать ежедневно смерти съ самаго нашего рожденія? Но тотъ, кто носилъ корону, не долженъ пережить ея потерю. Я молю Бога, чтобы не прожила ни одного дня, если потеряю царское достоинство. Пусть померкнетъ солнце съ того момента, какъ меня перестанутъ величать императрицею! Если-же ты, императоръ, хочешь бѣжать, то все уже готово: корабль снаряженъ и готовъ сняться съ якоря по твоему приказанію и ты можешь уѣхать со всѣми твоими богатствами; но опасайся какъ-бы привязанность къ жизни не довели тебя до унижительной ссылки и до постыдной кончины. Я же придерживаюсь древней поговорки, что царское достоинство есть наилучшій саванъ“.

Мужественныя, краснорѣчивыя слова Θεодоры вернули всѣмъ присутствующимъ прежнюю энергію и рѣшимость. Велизарій снова узнаетъ въ себѣ прежняго великаго полководца и онъ тутъ-же составляетъ планъ дѣйствія. Мятежники заперлись въ гипподромѣ, какъ въ крѣпости, и вотъ Велизарій рѣшилъ перерѣзать ихъ тамъ всѣхъ, чтобы циркъ сдѣлался могилою бунтовщиковъ. Коронованіе Ипатія ознаменуется кровью его новыхъ подданныхъ. Три тысячи вѣрныхъ людей, ветерановъ Велизарія и Геруловъ Мондона оцѣпляють гипподромъ со всѣхъ сторонъ; одни завладѣвають выходами, между тѣмъ какъ другіе по внутреннимъ лѣстницамъ достигаютъ проходовъ надъ скамейками и оттуда пускаютъ внизъ

на партизановъ Ипатія цѣлый градъ стрѣль. Тѣ въ смятеніи бросаются къ аренѣ. Болѣ ловкіе изъ мятежниковъ пытаются нѣсколько разъ идти на приступъ, но ихъ отбиваютъ и снова тѣснятъ назадъ. Между тѣмъ толпа хочетъ спастись черезъ выходныя двери, но въ этихъ узкихъ проходахъ находятся Герулы Мондона и, пользуясь своей позиціей, безжалостно умерщвляютъ бунтовщиковъ: десять варваровъ могли изъ узкихъ проходовъ перестрѣлять сотни мятежниковъ. Первые ряды бѣглецовъ натываются на копыя и около каждаго выхода образуется стѣна изъ труповъ. Обезумѣвшая толпа въ безпорядкѣ поворачиваетъ назадъ къ аренѣ, но градъ стрѣль вскорѣ довершаютъ дѣло, такъ какъ груда труповъ отрываетъ отступленіе оставшимся въ живыхъ и совершенно приковываетъ ихъ къ мѣсту. Тогда солдаты устремляются на арену и копыями и мечами добиваютъ несчастныя жертвы, купающіяся въ собственной крови.

Рѣзня эта кончилась только поздною ночью. Разъярившіеся отъ вида крови варвары не оставили въ живыхъ ни одного человѣка. Послѣ этого побоища пришлось похоронить до тридцати тысячъ жертвъ. Изъ всѣхъ бывшихъ въ гипподромѣ не уцѣлѣлъ никто, исключая Ипатія и его брата, которыхъ солдаты пощадили для того, чтобы отдать во власть Юстиніана.

„— Великій императоръ, воскликнули они, падая на колѣни передъ Юстиніаномъ, вѣдь это мы предали тебѣ враговъ твоихъ, ибо по нашему приказанію они собрались въ гипподромѣ“.

Но Юстиніанъ, овладѣвшій снова полнымъ спокойствіемъ духа, отвѣтилъ:

„— Хорошо, но если вы имѣли такую власть надъ этими людьми, что они слушались васъ, то вы должны были воспользоваться ею раньше, чѣмъ придавать огню мой городъ“.

На слѣдующій день Юстиніанъ отдалъ приказаніе предать смертной казни обѣихъ племянниковъ Анастасія.

8.

Такимъ образомъ, только благодаря мужеству Θεодоры Юстиніану удалось подавить возстаніе и съ честью выйти изъ отчаяннаго положенія, въ которомъ онъ находился. Ей удалось успокоить и образумѣть Юстиніана и его приближенныхъ и заставить ихъ принять энергическія мѣры, соотвѣтственныя наличнымъ обстоятельствамъ. Этимъ поступкомъ она вполнѣ справедливо завоевала себѣ то положеніе въ государствѣ, какъ императрица, котораго быть можетъ раньше и не заслуживала. Если даже вѣрить Прокопію, что жизнь ея въ молодости была болѣе чѣмъ предосудительна, то нельзя не признать, что теперь бывшая канатная плясунья съ чистою совѣстью могла пользоваться всею роскошью и почетомъ, присвоенными императрицѣ Востока. — Но что значили всѣ сокровища, вся пышность, окружавшія Θεодору, что значило всеобщее поклоненіе въ сравненіи съ ея самодержавнымъ могуществомъ? Лѣтомъ она жила въ своемъ великолѣпномъ замкѣ на азіатскомъ берегу, была окружена золотомъ и драгоценными камнями, отдыхала въ роскошныхъ купальняхъ, выходила всегда въ сопровожденіи приближенныхъ и толпы служителей. Θεодору окружали почестями величайшіе изъ государственныхъ дѣятелей и иностранные послы; прежде чѣмъ заговорить съ ней, они становились на колѣни и лобызали концы ея ногъ. Въ честь Θεодоры было сооружено не мало статуй, носившихъ ея имя, такъ, напримѣръ, Θεодоріасъ, Θεодора, Θεодорополисъ и др. Когда она отправлялась къ горячимъ источникамъ Биѳина, ее сопровождала громадная свита изъ патриціевъ, сенаторовъ, градоначальниковъ и эскортъ изъ четырехъ тысячъ солдатъ императорской гвардіи, и во многихъ мѣстахъ по дорогѣ были устроены триумфальныя арки и т. п. Но все это было ничтожно въ сравненіи съ ея могуществомъ, какъ императрицы.

Юстиніанъ не скрывалъ, что совѣтуется обо всякомъ дѣлѣ съ императрицею, напротивъ, даже доводилъ до всеобщаго

свѣдѣнія въ своихъ постановленіяхъ и законахъ, причѣмъ называлъ Θεодору: „преосвященною супругою, данною намъ Богомъ“. Павелъ Молчальникъ, въ предисловіи своей поэмы, посвященной святой Софіи, напоминаетъ Юстиніану, что покойная императрица была ему „вѣрною соотрудницею“. Прокошій, Эвагръ, Зонарь и большинство византійскихъ лѣтописцевъ говорятъ, что Θεодора не была только супругою Юстиніана, но была самодержавной императрицей и власть ея ни въ коемъ случаѣ не была ограниченнѣе власти императора, даже скорѣе была—болѣе: *α μὴ κατὰλλον*. Эти свѣдѣтельства историковъ подтверждаются многими фактами, кромѣ того, послѣ ея смерти произошло паденіе Имперіи. Слѣдовательно, если даже не утверждать вмѣстѣ съ извѣстнымъ знатокомъ исторіи Византіи, Brunet de Presles, будто Θεодора была „сущностью постановленій императора“, тѣмъ не менѣе нельзя не признать вліянія этой женщины на многія дѣянія Юстиніана—законодателя, строителя и завоевателя.

* *
*

Θеодора не отличалась особымъ милосердіемъ къ мужчинамъ, но за то женщины испытали на себѣ ея замѣчательное попеченіе, милосердіе, и говорятъ даже, что къ женщинамъ она обнаруживала нѣкоторую слабость. Это подтверждается многочисленными случаями, гдѣ она вмѣшивалась въ брачныя дѣла и старалась помирить разведшихся супруговъ. Такъ, на примѣръ, она настояла на томъ, чтобы Артабанъ, губернаторъ одной изъ провинцій въ Аѳрикѣ, снова сошелся со своей женою; потомъ она отнеслась съ участіемъ къ несчастнымъ дочерямъ царя Вандаловъ, Хильперіку, и была слишкомъ снисходительною къ Антонинѣ, женѣ Велизарія. Можно думать, что по инициативѣ Θεодоры были изданы Юстиніаномъ нѣкоторые законы, усиливающіе права женщинъ, на примѣръ: бракоразводные законы, ипотечные законы для женщинъ, законы, касающіеся незаконорожденных дѣтей, законы объ насильно постриженныхъ въ монахини, законъ о комедіанткахъ; по послѣднему закону, дѣвушкамъ-комедіанткамъ разрѣшалось

выйти замужъ за обольстителя, или же они были въ правѣ требовать четвертую часть его имущества.

Феодора любила великолѣпіе, а потому можно полагать, что она не удерживала Юстиніана отъ громадныхъ расходовъ для постройки новыхъ зданій на мѣсто прежнихъ, разрушенныхъ во время пожара въ Константинополѣ. Не только она не умѣряла дѣятельность императора, какъ строителя, но сама построила не мало зданій. Говорятъ, что Феодорою воздвигнуты крѣпости, церкви, пріюты для сиротъ, больницы, а также Босфорскій дѣвичій монастырь. Иногда страсть къ благотворительности доходила у Феодоры до насилія. Преданіе говоритъ, будто нѣсколько женщинъ, которыхъ Феодора заперла въ Metanoia, съ цѣлью спасти ихъ отъ распутной жизни, впали въ такое отчаяніе, что бросились въ море.

Но не въ одномъ Константинополѣ производились многочисленныя постройки: на границахъ Персіи, Сирій, Египта, въ Киренаикѣ, Нумидіи и въ Италіи—ездѣ стали появляться великолѣпныя сооруженія. Эти громадныя великолѣпныя зданія поглотили много милліоновъ, но за то они представляютъ безсмертныя памятники человѣческаго генія! Въ соборѣ св. Виталія, въ Равеннахъ на одномъ изъ золотыхъ иконостасовъ имѣется изображеніе Феодоры. Это мозаика, вся засыпанная драгоценными камнями, жемчугомъ и алмазами—съ сіяніемъ вокругъ головы, подобно Богородицѣ.

Юстиніанъ одержалъ двѣ большія побѣды, во время Африканскаго похода и войны въ Италіи, что-же касается Персовъ, политика требовала охранять границы, но не расширять ихъ. Смѣлая и честолюбивая Феодора настояла также на томъ, чтобы состоялись походы противъ Вандаловъ и Готовъ съ цѣлью расширить границы имперіи до тѣхъ предѣловъ, до которыхъ доходила римская республика. Походъ въ Африку былъ предпринятъ по многимъ причинамъ, между прочимъ тщеславная Феодора не желала послѣдовать совѣтамъ ненавистнаго ей Іоанна Каппадоса, который былъ противъ этой войны, затѣмъ она хотѣла отомстить Гелимеру. Въ пользу войны съ Италіей у Феодоры были другія причины. Вѣроятно

она желала покорить Италію для того, чтобы подчинить себѣ папу и чтобы восторжествовали ея религіозныя воззрѣнія. Во время хода какой-либо войны Теодора часто отдавала свои приказанія и распоряженія генераламъ и посланникамъ, посылала на театръ войны подкрѣпленія, провіантъ, вела дипломатическіе переговоры и вообще своимъ дѣятельнымъ участіемъ много содѣйствовала компаніи. Доказательствомъ этого участія можетъ служить письмо Теодоры, написанное ею Заберганесу при возобновленіи непріятельскихъ дѣйствій съ Персами. Въ письмѣ этомъ императрица писала:

„— Я убѣдилась въ твоей преданности нашимъ интересамъ, съ тѣхъ поръ, какъ увидѣла, съ какимъ успѣхомъ ты исполнилъ ввѣренное тебѣ нами порученіе. Ты подкрѣпишь насъ въ этомъ хорошемъ о тебѣ мнѣніи, если уговоришь царя Хозроэса по отношенію нашей имперіи (ἡ ἑμετέραν τὴν πολιτείαν) миролюбивой политики. Если это тебѣ удастся, то я тебѣ обѣщаю самое щедрое вознагражденіе отъ императора, который не приводитъ въ исполненіе ни одного рѣшенія, прежде чѣмъ не посовѣтуется со мною.

Теодора настолько гордилась своимъ правомъ и такъ твердо вѣрила въ свое могущество, что не допускала ослушанія или противодѣйствія ея распоряженіямъ. Это видно, на примѣръ, изъ слѣдующаго случая.

Когда Прискъ Пафлагонійскій сдѣлался личнымъ секретаремъ Юстиніана и приобрѣлъ его полное довѣріе, то высказался въ томъ смыслѣ, что признаетъ Теодору только какъ супругу императора. Узнавъ объ этомъ, Теодора попробовала сначала унижить Приска въ глазахъ мужа и для этого говорила о немъ съ явнымъ пренебреженіемъ. Но, когда Теодора увидѣла, что императоръ не слушаетъ ея и относится къ своему секретарю попрежнему милостиво, то она приказала схватить Приска въ его собственномъ домѣ. Его посадили на корабль и отправили въ Африку, гдѣ онъ тотчасъ же по приѣздѣ получилъ священнической санъ, и съ тѣхъ поръ онъ не имѣлъ больше права занимать какую бы то ни было гражданскую должность. Юстиніанъ не любилъ отмѣнять рѣше-

нія, особенно, если они исходили отъ его жены, а потому счесть за благоразумное сдѣлать видъ будто ему неизвѣстно о ссылкѣ Приска, а потомъ и совершенно забыть о немъ.

Не менѣе Приска Θεодора ненавидѣла Іоанна Каппадоса, который, послѣ возмущенія 532 года, снова былъ назначенъ начальникомъ римской императорской стражи на Востокѣ. Но съ такою высокопоставленною личностью Θεодора не могла пустить въ ходъ такого простото способа, какъ съ Прискомъ. Юстиніанъ же не слушалъ ни ея доводовъ, ни просьбъ, ни клеветы, возводимой противъ Іоанна Каппадоса, если только можно было найти предлогъ къ клеветѣ противъ него. Тогда Θεодора придумала адскій планъ. Она подговорила свою послушную и преданную соучастницу, Антонину, имѣть съ Іоанномъ Каппадосомъ тайный разговоръ; Антонина должна была рассказать ему о томъ, будто Велизарій по многимъ причинамъ жалуется на Юстиніана,—говорить о всеобщемъ недовольствѣ сановниковъ и народа и наконецъ должна была просить префекта присоединиться къ партіи, стремящейся свергнуть императора. Прельщенный обѣщаніями и обольщенный лестью, Іоаннъ Каппадосъ согласился явиться на свиданіе, на которомъ заговорщики должны были обсудить планъ дѣйствія; это совѣщаніе предполагалось устроить въ небольшомъ домикѣ, за городскою стѣною. Юстиніана конечно предупредили объ этомъ свиданіи и онъ послалъ Нарзеса и Маркелла и велѣлъ имъ подслушать все, что будутъ говорить въ маленькомъ домикѣ. Іоанна Каппадоса обличили въ измѣнѣ, отставили отъ должности, лишили знаковъ отличія и сослали въ Африку, гдѣ онъ умеръ въ ужасной нищетѣ, такъ какъ все имущество его было конфисковано. Со стороны императрицы было довольно низко ставить Іоанну Каппадосу подобную западную, но недостойный министръ вполне заслужилъ такое наказаніе. Константинопольскій народъ не жалѣлъ больше человѣка, разъ его довели до ссылки алчность, несправедливость и склонность къ притѣсненіямъ разнаго рода. На его паденіе смотрѣли, какъ на освобожденіе, и если бы зна-

ли, что имъ обязаны Θεодоръ, ее съ того времени считали бы благодѣтельницами.

Но къ сожалѣнію еще другіе люди сдѣлались жертвами гнѣва Θεодоры. Она была неумолима съ тѣмъ, кто плохо понималъ ея приказанія, или исполнялъ ихъ только на-половину, для того чтобы согласовать ея распоряженія съ распоряженіями Юстиніана; а случалось, что приказанія императора и императрицы были взаимно противоположны. Кровь Каллиниса, Арсенія и Родона, казненныхъ по ея приказанію, или настоянію говорить о ея несправедливомъ гнѣвѣ. Что же касается казней тайныхъ, о которыхъ рассказываетъ Прокопій съ „ненавистію тупицы“, какъ говоритъ Тэнъ, что касается истязаній и сѣченій плетями, производившихся будто бы по приказанію Θεодоры въ подземельяхъ ея дворца,—то эти обвиненія нужно отнести, по Эрнесту Ренану, къ категоріи „необычайно нелѣпыхъ сплетенъ большихъ греческихъ городовъ.“

Слѣдуетъ также признать болѣе чѣмъ сомнительною близкую связь Θεодоры съ извѣстнымъ Θεодоромъ, любовникомъ Антонины, а также приключеніе съ Іоанномъ, сыномъ Θεодоры, который будто-бы пріѣхалъ изъ Аравіи для того, чтобы представиться своей матери-императрицѣ.

Что касается связи ея съ Θεодоромъ, то данныя Прокопія довольно неясны. Онъ говоритъ, что послѣ того какъ она, по просьбѣ Антонины, освободила Θεодора, она осыпала его всевозможными благодѣянiami. Но этого правда очень мало для того, чтобы обвинить Θεодору въ прелюбодѣянiи. Говоря о второмъ фактѣ, авторъ Секретной Исторіи повидимому самъ себѣ противорѣчить. Въ XVII главѣ онъ говоритъ, будто Θεодора предала своего сына въ руки наемнымъ убійцамъ, для того чтобы Юстиніанъ не узналъ этой тайны ея прошлаго, а въ главѣ IV Прокопій рассказываетъ, что она женила своего внука, то есть сына ея Іоанна, на дочери Велизарія. Какъ же могла Θεодора открыто признавать, что у нея есть внукъ, если она сама велѣла убить Іоанна, для того чтобы не было извѣстно ничего о ея сынѣ?

Въ прекрасной же драматической поэмѣ Cleop Rhangabé „Теодора“, именно рассказывается подробно о томъ, какъ въ Византію пріѣхалъ сынъ Теодоры Іоаннъ и представлялся своей матери-императрицѣ.

9.

По примѣру Юстиніана, Теодора мало справлялась со своею совѣстью при выборѣ средствъ и людей для достиженія своихъ цѣлей. Она не заботилась нисколько о нравственныхъ качествахъ своихъ служащихъ, если только они хорошо исполняли ея предначертанія. Этимъ объясняется, на примѣръ, какъ могла императрица привязаться къ Антонинѣ, знаменитой женѣ Велизарія. Этотъ великій полководецъ имѣлъ только одинъ недостатокъ, вѣрнѣе одну слабость, это любовь къ недостойной женѣ. Сражаясь съ сто-тысячнымъ войскомъ варваровъ, Велизарій выходилъ на нихъ съ небольшими отрядами дисциплинированныхъ, опытныхъ въ сраженіяхъ солдатъ, и несмотря на это, всегда почти оставался побѣдителемъ. Но совладать со своею любовью къ измѣнявшей ему женѣ— онъ не былъ въ силахъ. Антонина была дочь геніока, возницы цирки. Это обстоятельство одно не считалось унижительнымъ для Велизарія, такъ какъ въ тѣ времена возводили статуи и писали стихотворенія въ честь этихъ триумфаторовъ гипподрома; но говорили, будто Антонина была легкомысленна въ юности и завѣдомо измѣняла потомъ мужу. Сверхъ того Антонина обнаруживала способности къ интригамъ, была умна и не теряла присутствія духа даже передъ непріателемъ. Она сопровождала Велизарія во время его походовъ и нерѣдко давала ему полезныя указанія и совѣты.

Теодора сначала отклоняла свое сближеніе съ Антониною, не разъ высказывавшей ей свое высокое уваженіе; но потомъ внезапно сдѣлалась къ ней очень благосклонною, стала ей дѣлать роскошныя подарки и назначила ее главною смотрительницею своего гардероба. Но какимъ образомъ объяснить эту внезапную благосклонность Теодоры къ Антонинѣ? Дѣло

въ томъ, что военные успѣхи Велизарія, какъ полководца, его популярность въ народѣ и войскѣ, которое его обоготворяло, все это не мало беспокоило императора и императрицу. Въдѣ выбрали же въ императоры грубаго солдата Юстина, такъ, спрашивается, почему-бы не провозгласить на престолѣ такого великаго завоевателя, какъ Велизарія? Съ другой стороны, отказаться отъ его службы, отставить его, — было опасно, такъ какъ постоянно приходилось имѣть дѣло съ Персами, Готами, Вандалами и всѣми варварами, угрожавшими на границахъ. Присмотрѣвшись ближе къ взаимнымъ отношеніямъ Велизарія и Антонины, и императрицѣ показалось, что она нашла средство помочь дѣлу. Подружившись съ Антониною, стараясь скрыть отъ Велизарія шалости его жены, она приобрѣтала его довѣріе и расположеніе; обладая тайными сторонами семейной жизни великаго полководца, Θεодора могла быть увѣрена въ его вѣрности, преданности себѣ и императору. Убѣдившись въ своемъ вліяніи надъ Велизаріемъ, Θεодора стала во зло пользоваться имъ. Велизарія нѣсколько разъ отстраняли отъ командованія, по различнымъ причинамъ, обыкновенно давая ему болѣе важное порученіе. Но болѣе продолжительной опалѣ, продолжавшейся восемь лѣтъ, онъ подвергнулся уже послѣ смерти Θεодоры. Какъ только Юстиніанъ сталъ царствовать одинъ, во главѣ войска были поставлены другіе полководцы, а объ Велизаріѣ казалось забывали. Надо было, чтобы варвары подступили къ самымъ стѣнамъ Константинополя для того, чтобы императоръ вспомнилъ, что старый солдатъ еще живъ.

Когда Велизарій командовалъ походомъ на Персію, то императрица отставила его по слѣдующей причинѣ. Юстиніанъ былъ опасно болѣнъ и слухъ о его смерти распространился даже до восточной арміи. Правдивые или истинные доносы стали обвинять Велизарія въ томъ, будто онъ сказалъ, что войско не будетъ признавать новаго императора, который будетъ коронованъ въ Константинополѣ. Θεодора же вѣроятно думала, что ея титулъ императрицы обезпечить ей престолъ въ случаѣ смерти Юстиніана, и во всякомъ случаѣ, дастъ ей

право назначить самой его наследника и царствовать съ новымъ императоромъ сообща. Когда дошли до нея доносы, она разсердилась и потребовала Велизарія назадъ, въ Византію. Но черезъ нѣсколько дней послѣ его пріѣзда, она поручила ему командовать италіянскимъ походомъ. Послѣ она убѣдила Велизарія въ томъ, будто только ходатайству его жены Антонины онъ обязанъ своему прощенію. Поступая такимъ образомъ, Θεодора имѣла только въ виду упрочить еще болѣе отношенія Велизарія и Антонины и привязать Антонину къ себѣ.

Въ своихъ Персидскихъ Войнахъ Прокопій не говоритъ о томъ, будто Велизарій подвергался опалѣ. Онъ говоритъ только, что генераль былъ вызванъ изъ Персіи Юстиніаномъ, который считалъ нужнымъ послать его въ Италію, гдѣ дѣла шли плохо. Такимъ образомъ казалось-бы можно сомнѣваться въ томъ, что Велизарій впалъ въ немилость у Θεодоры. Другіе же историки, какъ Теофанъ, Малала, Кедренъ и Зонарь рассказываютъ только, какъ Велизарій подвергся опалѣ въ 563 году, но это было уже послѣ смерти Θεодоры. Изъ подробностей, данныхъ вышеназванными историками слѣдуетъ, что эта опала совпадаетъ съ тою, которая, по словамъ Прокопія (въ его Секретной Исторіи), имѣла мѣсто въ 542 году.

Такъ какъ ничто такъ не обманчиво, какъ преданія, то мы вмѣстѣ со многими другими, повторяемъ, что считаемъ басню, будто Юстиніанъ велѣлъ проколоть глаза Велизарію и пустилъ его по міру, несправедливою, Въ 563 году опала Велизарія состояла только въ разжалованіи и домашнемъ арестѣ.

Императрица Θεодора умерла въ Іюнь 548-го года, когда исполнился двадцать-первый годъ ея царствованія. О ея блестящемъ царствованіи напоминаютъ многочисленныя статуи, поставленныя въ честь ея народомъ во многихъ городахъ, а также надписи, сдѣланныя во многихъ церквахъ и соборахъ.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, Іюля 1891 г.

Паровая Типо-Литографія Муллеръ и Богельманъ. Невскій, 148.

